

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

70 коп.
Индекс 70798

Фотоочерк о проблемах Аральского моря —
в следующем номере.

РОДИНА

ISSN 0235—7089

1/90

ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ:

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

К ОБНОВЛЕНИЮ

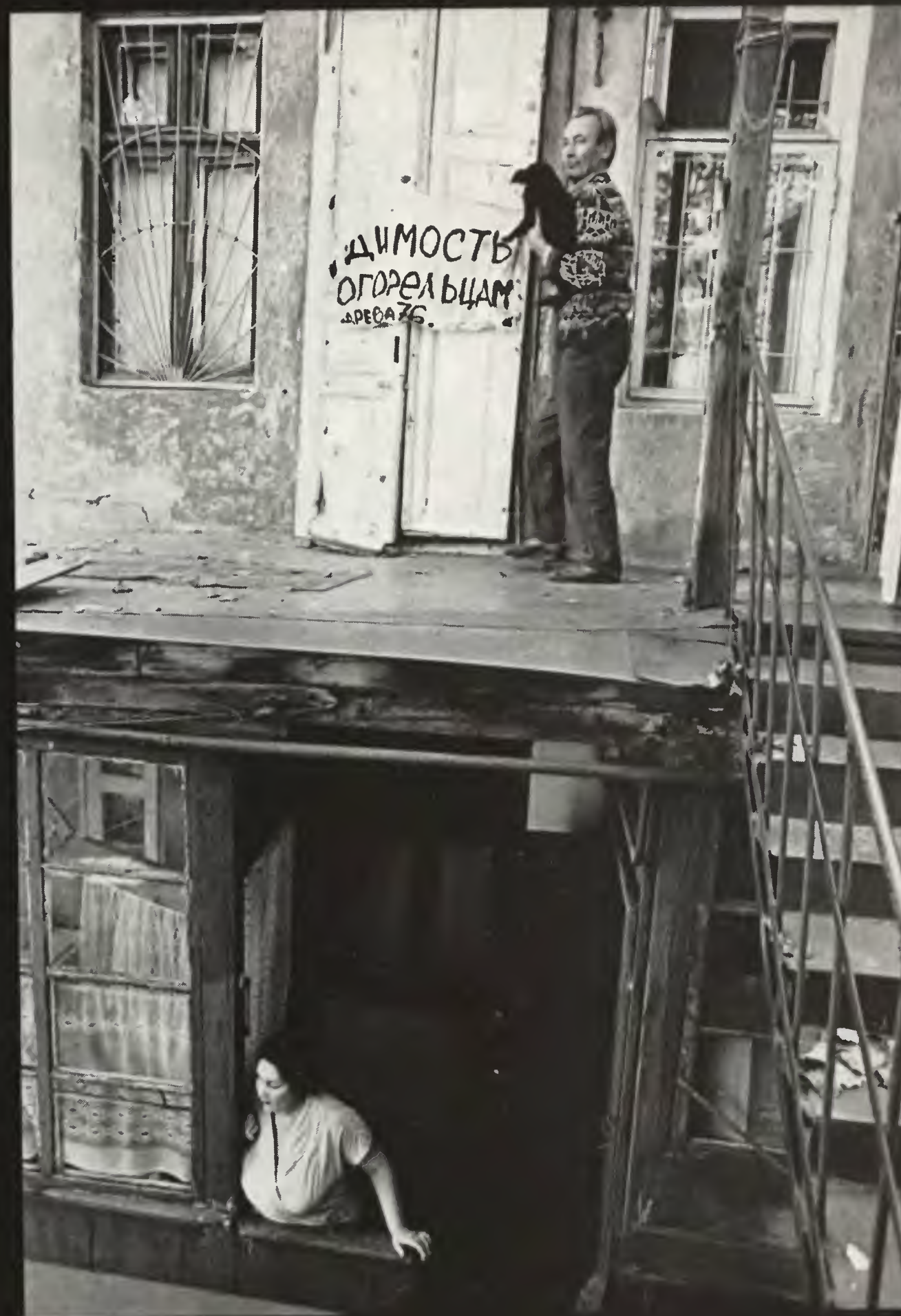
ОБ ЭТОМ — МАТЕРИАЛЫ

ПОД РУБРИКОЙ «ТОЧКА ЗРЕНИЯ»

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС?

Кто-то сказал, что если б
Лев Толст. и жил
в «коммуналке», он стал бы
Салтыковым-Щедриным...

Только в Российской
Федерации в коммунальных
квартирах живут более шести
миллионов наших сограждан.
Живут в надежде до 2000 года
получить собственное жилье.

Главный редактор
Ю. А. СОВЦОВ

Редакционная
коллегия:
А. К. АВЕЛИЧЕВ
С. С. АВЕРИНЦЕВ
О. И. БОРИСОВ
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
С. А. ВОЛОВЕЦ
(редактор
международного
отдела)
В. П. ДОЛМАТОВ
(заместитель
главного редактора)
Т. А. КРАВЧЕНКО
(редактор
отдела истории)
Б. А. МОЖАЕВ
В. А. ПАНКОВ
(ответственный
секретарь)
В. М. ПЕСКОВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
Г. Л. СМЕРНОВ
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(главный художник)
С. А. ЯКОВЛЕВ
(редактор отдела
публицистики)

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
Г. С. Терзибашьянц
при участии
Е. К. Соковой
и С. А. Артемьева

На первой обложке
фото
Андрея Соловьева

Коллектив журнала «Родина»
приносит свои извинения
читателям за задержку
с выходом номера,
которая произошла
не по вине редакции.

Рукописи объемом ме-
нее двух авторских ли-
стов не возвращаются.

Москва.
Издательство
«Советская
Россия»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Рубрика, в которой традиционно
читатели высказывают мнения,
которые редакция может не разделять.
Тема сегодняшнего разговора —
«КПСС в современном обществе».

10
Инга КИЧАНОВА,
ученый секретарь
Объединенного проблемного
совета по этике АОН
при ЦК КПСС.
«...СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
ВОЛГО-ДОНСКОГО КАНАЛА
СУЩЕСТВОВАЛА
ПОДПОЛЬНАЯ ПАРТИЙНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ...»

31
Байба ПЕТЕРСОН,
философ.
«ПАРТИЯ — ВСЕГО ЛИШЬ
ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ
ИНТЕРЕСОВ
ОПРЕДЕЛЕННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
ЛЮДЕЙ».

62
Виктор ТРУШКОВ,
руководитель кафедры
Московской Высшей партийной
школы.
«ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПАРТИИ — НЕ СТОЛЬКО
ПАРЛАМЕНТ, СКОЛЬКО
ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ».

74
Юрий ВЛАСОВ,
народный депутат СССР.
«КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ
ДОЛЖНА ДОПУСТИТЬ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ
ОФОРМЛЕНИЕ ДРУГИХ
ПАРТИЙ».

86
Андрей ЗИНЬКОВ,
рабочий Хабаровского завода
металлоконструкций.
«...Я СЧИТАЮ, ЧТО НЕ
МЕНЬШИЙ УРОН
АВТОРИТЕТУ КПСС
НАНЕСЛИ МЫ САМИ,
РЯДОВЫЕ КОММУНИСТЫ...»

Выходит с января 1989 г.

СТАРОЕ

14

В СТАТЬЕ
«Тайна октябрьской ночи»
доктор исторических наук
Виталий Старцев
делает попытку
развенчать один
из исторических мифов,
созданных
в период сталинщины.

23

ИМЯ АДМИРАЛА
А. Колчака в нашей
истории
однозначно причисляется
к лагерю контрреволюции.
Действительно, он был
одним из вождей
«белого движения»,
и тем не менее
эта трагическая
фигура прошлого требует
внимательного изучения.

32

ВОСПОМИНАНИЕ
народного артиста РСФСР
Михаила Козакова
«Несыгранная пьеса
для театра
«Современник»
рассказывает о попытке
поставить на московской
сцене пьесу
А. Солженицына
«Олень и шалашовка».

38

РАКУРС.
Сегодня мы знакомим
любителей
старинной фотографии
с открытками, которые
выпускались в Киеве
в конце прошлого
и в начале нашего века.

НОВОЕ

44

**В РУБРИКЕ «ОНИ
О НАС»**
публикуются материалы
из зарубежной прессы.

48

**КАК ЖИВЕТ
СЕЛЬСКИЙ
СВЯЩЕННИК?** —
об этом рассказывают
наши корреспонденты
Владимир Белых и
Владимир Лагранж
в очерке
«Одинокая стежка».

63

«ИМЯ В ПОЛИТИКЕ» —
так названа
новая рубрика.
В прошлом номере под
этой
рубрикой редакция
познакомила читателей
с народным депутатом
А. А. Собчаком.
Сегодня мы
даем политический
портрет
Б. Н. Ельцина.

71

**«ПОГОНЫ
ДЛЯ СЛЕСАРЯ?»** —
так несколько
неожиданно
названа статья
Гелия Рябова о проблемах
правоохранительных
органов страны.

75

**ДОКТОР
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК**
Галина Литвинова
анализирует бюджет
РСФСР,
который,
как она считает, маловат
и тесен для самой
большой республики
Союза.

ВЕЧНОЕ

8

**«СВОБОДНЫЙ
НАРОД»** —
статья замечательного
русского философа
Николая Бердяева,
чье творчество стало
доступно нам лишь
недавно
и оказалось
удивительно
современным.

11

ЛЮДИ И ВРЕМЯ:
документ без
комментариев.
В нашей постоянной
рубрике
публикуется отрывок
из показаний
народовольца
Степунина на следствии
25 июля 1884 года.

18

**ТВОРЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**
Ивана Забелина огромно.
За шестьдесят лет
научной деятельности им
было издано
более двухсот работ
по истории, археологии,
искусствоведению,
литературной критике.
Мы публикуем в рубрике
«Историки об историках»
подборку материалов,
посвященных этому
замечательному историку.

91

МНЕНИЕ
великого русского ученого
Владимира Вернадского
по многим современным
и злободневным вопросам
национальной политики
вы узнаете из его статьи
«Украинский вопрос
и русское общество»,
написанной в... 1915 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир ЛАГРАНЖ. Жилищный вопрос?	1
Николай БЕРДЯЕВ. Свободный народ	8
Инга КИЧАНОВА. Душа на... партучете	10
Из показаний народовольца Степунина	11
Николай КОСТИН. Горки. Траурный январь	12
Виталий СТАРЦЕВ. Тайна октябрьской ночи	14
Ирина НИКОЛАЕВА. Иван Забелин — архивариус Москвы	18
Иван ЗАБЕЛИН. Общий очерк смутного времени	20
Ганрих ИОФФЕ, Александр УШАКОВ, Алексей БУДБЕРГ. Последнее путешествие	23
Байба ПЕТЕРСОН. Эсдеки, республиканцы, демохристиане... кто еще?	31
Михаил КОЗАКОВ. Несыгранная пьеса для театра «Современник»	32
Александр СОЛЖЕНИЦЫН. Олень и шалашовка	35
Владимир НИКИТИН. Из Киева с любовью	38
Они о нас	44
Свободная трибуна Владимир БЕЛЫХ. Одинокая стежка	46
Наталья СЕВЕРИН. Роман с барабаном	48
Владимир СЕМИН. Зверобой	54
Ольга ЩЕРБИНИНА. Народ-поэт	57
Виктор ТРУШКОВ. Инвентаризация в партийном доме	61
Юрий МАКАРЦЕВ. Борис Николаевич Ельцин	62
Анкета «Родины» Валентин ФЕДОРОВ. Политик должен быть предсказуем	63
Вадим ИВАНОВ. Вороново	67
Гелий РЯБОВ. Погоны для слесаря?	89
Юрий ВЛАСОВ. Почему я вышел из КПСС	70
Галина ЛИТВИНОВА. Бюджет не по росту	71
Заявление пекинских студентов. Александр ЯНОВ. Русская идея и 2000-й год	74
Русский национализм: миф или реальная угроза?	75
Андрей ЗИНЬКОВ. Почему я вступил в КПСС	78
Галина БАШКИРОВА. В Наяке, близ Нью-Йорка	79
Неизвестный Гайдар. Владимир ВЕРНАДСКИЙ. Украинский вопрос и русское общество	81
Иван СЕЛИВАНОВ. «Какая ты хорошая, российская земля...»	86
	91
	95

Николай БЕРДЯЕВ

СВОБОДНЫЙ НАРОД

Русский народ вышел из подневольного состояния, из долгого исторического рабства и переходит к жизни вольной, к народовластию и народоправству. Велико было долготерпение русского народа, и оно внушало иностранцам мысль, что русский народ — раб в душе. И вот теперь русский народ должен показать всему миру, что он поистине свободный народ. После происшедшего великого переворота русский человек должен сам собой управлять. Источник власти, поддерживающий государственный порядок и побеждающий всякую анархию, уже в нем самом, а не вне его, не над ним. Свободный человек тем и отличается от раба, что он умеет собой управлять, в то время как раб умеет лишь покоряться или бунтовать. Бунт есть лишь обратная сторона рабства. Свободный может сделать революцию, но не может бунтовать, ибо свободный только на себя возлагает ответственность за судьбу своего государства и своего отечества. И только те, которые остаются рабами в душе, могут относиться к своему государству и своему отечеству, как к чужому, навязанному им, враждебному. Народ достоин гражданской зрелости, когда он научается управлять собой. Свобода и есть прежде всего способность к самоуправлению. Управлять другими, управлять целой страной могут лишь те, которые научились управлять собой, своими мыслями и чувствами, своей собственной стихией. Лишь те могут установить порядок в стране, которые установили порядок внутри себя, привели в порядок собственную волю и направили ее к высшей цели. Но целью, во имя которой русский человек должен научиться управлять собой и управлять другими, не может быть корыстный интерес отдельных людей или классов. Такой целью может быть лишь благо целого, благо России, благо всего народа, подъем народа до более высокой жизни в правде и истине. Свобода не означает произвола, не означает, что каждый может делать, что ему в голову взбредет, — свобода предполагает уважение ко всякой человеческой личности, признание ее неотъемлемых прав, бережное отношение к собственной и чужой человеческой душе. Те, у кого анархия внутри, анархия в мыслях, воле и чувствах, ничего, кроме анархии, не могут создать в стране, в государстве, в жизни всего народа. Тогда часть восстает на целое, каждое стремится к своим частным, личным или групповым интересам, не считаясь с интересами России, с благом всего русского народа. Свобода невозможна без дисциплины, без самообуздания и самоограничения, без подчинения себя той истине, которая и делает человека свободным. В Евангелии сказано: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». И целый народ делается свободен лишь тогда, когда он познает истину и служит ей.

Потеря всякой дисциплины в народе, всякой способности к самоуправлению и самоограничению, к подчинению себя высшим целям превращает народ в стадо диких зверей и возвращает его к рабству первобытных времен. Неумение управлять собой, ограничивать свои интересы и подчинять их целому есть знак рабского состояния и ведет к разделению России, к превращению ее в бесформенную кучу рассыпающегося песка. Каждый тащит себе то, что ему нужно, и от этого расхищения перестает существовать русский народ как великое целое. Свободный никого не насилует, ни у кого ничего не похищает, он всем дарует свободу, всем обеспечивает их права. Кто совершает насилия, тот еще раб. Народ может осуществлять свои цели, реализовать все свои силы лишь в государстве; не защищенный собственным государством, он попадает в рабство к другим народам. Но государство не может быть сыпучим песком, оно должно быть кристаллом, имеющим строгие очертания и границы. Создание, охранение и развитие государства требует от народа закала характера, твердости народной воли. Бесхарактерность народа подвергает опасности существование его государства и грозит народу рабством. Русский народ вступает в новый период своего исторического существования, он переходит к форме государственности, именуемой демократией. Демократия же основана на самоуправлении народа, на высоких качествах народного характера. Народ, в котором обнаружится рабский дух, который не захочет управлять собой и будет склонен к насилиям, такой народ не способен к демократии, не созрел до нее. Еще Монтескье учил, что демократия основана на доблести, на любви к общему делу. Если этой доблести нет в душе народа, если нет любви к общему

делу, то демократия вырождается в деспотию. И русский народ ныне держит экзамен на демократию, история испытывает его «доблесть», его гражданскую зрелость.

II

Что такое русский народ, что такое народ? Народ не есть какой-нибудь класс, какая-нибудь социальная группа, не есть крестьянство или рабочий класс. В народ входят все русские люди, все классы и все группы. Народ есть великое целое, существующее тысячелетие в истории, в нем соединяется далекое историческое прошлое с далеким историческим будущим. Нельзя произвольно называть народом то, что мне захочется в сегодняшний день истории, и поставить определение народа в зависимость от классовой борьбы этого сегодняшнего дня, от того соотношения социальных классов, которое существует в настоящем. Народ глубже того, что происходит сегодня, глубже всех преходящих классов с их противоположными интересами. И для того, чтобы узнать лицо русского народа и судьбу этого народа в истории, нужно присмотреться не к крестьянину и помещику, не к рабочему и промышленнику, не к купцу и интеллигенту, а к скрытому в них русскому человеку, к душе его, которая глубже всех этих внешних социальных оболочек. Эта душа русского человека, душа целого народа нашла себе выражение в великой русской литературе, у Пушкина и Гоголя, у Толстого и Достоевского. И ни один русский человек, к какому бы классу он ни принадлежал, не может быть исключен из русского народа. Дворянин, буржуа и интеллигент так же принадлежит к русскому народу, составляет такую же неотъемлемую его часть, как и крестьянин, и рабочий. Существует русский народ, существует Россия, а не только класс рабочих или промышленников, крестьян или помещиков. Существуют интересы всей России, всего русского государства, интересы великого целого, а не только интересы отдельных классов и отдельных людей. И еще нужно помнить, что само существование и благополучие каждого русского человека и каждого класса зависит от существования и благополучия всей России, от ее силы и величия. Россия — мать, питающая своих сынов. Русские рабочие и крестьяне могут вести лишь национальное существование, в материнском лоне. Если бы было уничтожено русское государство и ослаблена русская промышленность, то уничтожены и ослаблены были бы все русские, все классы, все крестьяне и рабочие. Ни один русский гражданин не может поставить своего существования вне России, — он может существовать лишь в ней и через нее. Только раб способен легко отречься от своей родины и предать ее.

Русский народ — единый великий народ, а не механическая смесь разрозненных частей, преследующих лишь свои интересы. Русский народ имеет свое лицо в мире, не похожее ни на один народ, свою историю, свое великое прошлое и великое будущее, имеет задачи, выпавшие на его долю. И русский народ должен отстаивать себя как целое, защищать свое место в мире, свое дело а мире. У всякого здорового, жизнеспособного, свободного человека это чувство сильнее, чем классовый интерес, чем классовая рознь. Это великое чувство национального единства и национального призвания есть у французов, у англичан, у немцев. Если бы оно совсем исчезло у русских, то Россия перестала бы существовать и русский народ рассыпался бы, как пыль. Сейчас происходит в России болезненный и мучительный переход к новому национальному сознанию и новому свободному патриотизму. Старое умерло, новое же еще не родилось. Революцию совершил весь русский народ, как великое целое, а не тот или иной класс, совершил из чувства самосохранения и из порыва к новой, свободной жизни. И переход к демократии есть переход к самоуправлению целого народа, независимо от принадлежности к тому или иному классу. Демократия есть гражданская и политическая зрелость целого народа. Демократию нельзя противопоставлять буржуазии, как это у нас теперь делают по невежеству. Демократия означает верховную власть всего народа, и в нее входит каждый русский гражданин, права которого должны быть обеспечены в равной степени с правом всех остальных граждан. Демократию нельзя понимать как господство рабочего класса или крестьянства. Диктатура пролетариата была бы насилием меньшинства над большинством, и она по существу враждебна демократии, антидемократична, она посягает на суверенитет народа, устраивает против него заговор. Свободный народ не может потерпеть диктатуры какого-нибудь класса.

III

Переход целого народа, так долго жившего в рабстве, к демократической форме государственности прежде всего ставит задачу воспитания народа, роста сознания, просвещения и культуры в массе народной, духовного возрождения тех человеческих душ, из которых состоит народ. Если народ в массе своей состоит из рабских душ, полных рабских склонностей к насилию, неуважению к человеческому достоинству, к свободе и правам личности, то он еще неподготовлен и неспособен к демократии и ему грозит неизбежное восстановление деспотизма, возвращение к какой-нибудь форме цезаризма. Насилия, совершаемые незрелой революционной демократией, всегда готовят тиранию. Насилиющий будет изнасилован, это — закон природы. Вот почему задача воспитания и просвещения массы русского народа есть основная задача, поставленная превращением России в демократическое государство. Демократия может быть лишь особым рода культурой человеческого духа, или она будет худшим из рабств, худшей из деспотий. Лишь свободные, управляющие собой души способны создать свободное демократическое государство.

Народ тогда только достоин наименования свободного народа и граждански зрелого народа, когда он сознает свое национальное единство и целостность как внутри своего собственного государства, так и во вне, перед другими народами и государствами. Когда народ распадается на части внутри и не хочет защищать своей целостности и своего достоинства во вне, он возвращается к рабскому состоянию, он не готов для свободы. Вот почему отношение к единству государственной власти в России и к войне есть испытание зрелости русского народа для новой, свободной жизни. Русский народ в нынешний грозный и ответственный час своей истории должен сознать свое нравственное, государственное и культурное единство, свою нерушимую целостность перед теми дробными частями, классами, областями и народностями, из которых состоит русское государство, и перед теми народами и государствами, из которых состоит человечество. Этому сознанию целостности и единства должна быть подчинена социальная борьба классов. Народ должен поскорее определить свое свободно-гражданское отношение к единству своего государства и к войне. Время не терпит. Каждый день стихийного нарастания анархии и разложения влечет Россию в бездну и готовит ей рабство, рабство чужеземное и рабство у собственных темных сил, которые одинаково есть и с крайней правой, и с крайней левой стороны.

Постыдно думать, что русский народ лишь до тех пор составлял единое и великое государство, пока он жил в рабстве и принуждении, и перешел к анархии и распадению, когда стал свободным. И еще постыднее думать, что русский народ лишь до тех пор составлял доблестную армию и исполнял свой долг перед родиной, пока его принуждали к этому, как раба. Если бы оказалось, что для русского народа возможны или рабская покорность и принуждение из кнута, или рабский бунт и анархия, то народ этот был бы обречен на гибель. Тогда народ распадется и превратится в беспорядочные орды, которым вновь придется призывать варяг. Произойдет возвращение к истокам русской истории, и вновь нужно будет собирать великую Россию. Слишком многие сейчас проповедуют это возвращение назад и с легкостью отрицают весь труд русской истории, все жертвы, принесенные народом для создания единой, великой и сильной России. Но я верю, что русский народ, переживший уже смутную эпоху, переживет и теперь соблазны и падения и перейдет к высшей, свободной жизни. Но нужно открыто говорить и кричать о том, что те, которые сейчас толкают народ на путь анархии и распада, толкают его на путь рабства и унижения и убивают душу народа. Всякий народ живет в истории и совершает великие дела силой и цельностью своего духа. Когда дух народа растлевается и угашается, народ сходит с исторической сцены, отодвигается на второй план и отцветает. Но русскому народу предстоит еще великая роль в истории, он только теперь вступает в мировую жизнь, и, верю, он не погибнет.

«Народоправство» № 1 от 30 июня 1917 года.
Текст подготовил Максим КРОТОВ.

Журнал перепечатывает статью с сокращением.

ДУША НА... ПАРТУЧЕТЕ

Инга
КИЧАНОВА,
ученый
секретарь
Объединенного
проблемного
совета
по этике АОН
при ЦК КПСС

«Горы свернет» — всем известна эта похвала, и в пояснениях она не нуждается. Ясно: воля, сила движут человеком. Применительно же к партийному работнику подчеркивается обычно как непремненное качество, идейная убежденность. В наборе движущих этих сил затерялась одна, с аиду неприемная, глубоко личностная.

«Душа» — так в просторечии зовется глубинный, личностный движитель: совесть, теплота сердца, способность понять другого, откликнуться на чужую беду. И то, что стесняемся называть мы старым речением: любовь к ближнему.

«Если имею... всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто». Так страстно, не боясь парадокса (и всю веру!), настаивал на приоритете общечеловеческих ценностей апостол Павел в евангельском послании.

То, что максимы нравственности были удержаны в религии и выражались ее языком, сегодня не отрицается. Парадокс же вывел извечные противоречия: власть и мораль, политика и нравственность масштабные усилия масс, социальных институтов — и благо отдельного человека как подлинный смысл и адрес таких усилий: противоречия эти не могут обойти ни одно социальное движение.

Вопросы партийной этики стали предметом жарких споров в бурные 20-е годы, когда нужда в железных людях не оставляла, кажется, места для теплоты человеческого сердца. Не потому ли ленинская оценка Сталина, нетерпимости его и грубости, была от партии фактически скрыта, что сами критерии человечности меркли перед задачей «двигать горы»? И те, кто пренебрег общечеловеческими нравственными началами, сами оказались затем жертвами бесчеловечности, которая со сталинских времен внедрялась во все звенья общественного организма. Иные из апологетов бездушия, как, например, Вышинский, блиста-

ли трибунной латынью. Другие формальными пассажами сопровождали духовное костоломство. Третьи в застоинные уже времена растлевали души, практикуя тип управления вне и помимо морали. антиморальными методами создавали режим наибольшего благоприятствования злу.

Теперь нам открылись страшные, трагические страницы истории. И понятно пристальное внимание прессы к невинным жертвам. Но когда-нибудь мы узнаем и обо всех тех, кто в лютую годину сумел сохранить тепло сердца, веру в человечность. Многие ли знают, например, что среди заключенных Волго-Донского канала существовала подпольно партийная организация, партбилетами коммунистам служили самодельные книжечки с восстановленными по памяти номерами...

Начав глубокие процессы обновления в обществе, партия поставила себя в центр критики. С помощью партийцев происходит ныне говоря словами Маркса, «пробуждение моральных инстинктов основной части народа».

В сегодняшней острой борьбе за обновление нашей жизни коммунист оказывается перед нелегким нравственным выбором. Сын своего времени, отнюдь не ангел и не супермен, в гуще жизни, как никогда ранее заряженной разнонаправленными моральными потенциями, а то и деструктивными стихийными страстями, он должен совершить моральный выбор, избрать твердый курс. Противостоять и ввевшемуся стереотипу винтика, и всплескам морального произвола.

За победу человеческого в человеке подвижнически боролись и победили братья Стародубцевы. Победил начальник строительного поезда Владимир Новик — личность, в которой замечательно соединились благородство натуры и смелость поступка. Оказавшись из-за разгула стихии оторванным от внешнего мира на глухом участке БАМа, Ноик безо всякого приказа сверху, то есть, по мнению начальства, беззаконно, «закрепился», построил никем не запланированный поселок, теплицы, завел живность. Не дал людям разбежаться, не позволил опуститься. Услышал а каждом добрую струну, душевные силы товарищей обратил в созидательную энергию. И за такую вот «незаконность» действий был отдан под суд. На время мытарств Звезду Героя и партбилет закопал в тайге...

Преодоление бездушия — важная сторона в жизни партии сегодня. На I Съезде народных депутатов СССР 1989 года мы услышали весомый аргумент в пользу выдвижения председателя Мандатной комиссии:

основное качество кандидата — порядочность и честность. Секретарь горкома вкладывает силы в разрешение трудового конфликта в Кузбассе, без «служебных дистанций» работая в забастовочном комитете. На виду подобные деяния или проявляются в обыденных отношениях — оцениваются они как озорное нарушение ленинских партийных норм. Как реализация общечеловеческих начал в жизнедеятельности партии, партии.

Борьба со всякими формами бесчеловечности — одна из практических задач политической работы. Можно ли организационно способствовать выявлению такого глубоко личностного, неформального по своей природе духовного движителя, как совесть? На этот вопрос есть отнюдь не абстрактный ответ.

Можно и нужно добиваться того, чтобы человек не оказался в ситуации жестокого конфликта совести и долга. Это и означает — «создать условия», если использовать удачное выражение советского писателя. Здесь могут быть полезны и ныне существующие структуры и механизмы партийного влияния.

В деятельности контрольно-ревизионных комиссий (а они созданы в более чем 80 партийных комитетах страны) при рассмотрении тех или иных коллизий могли бы, как это было при Ленине, быть включены и нравственные аспекты, а не только административно-организационные. В определенных случаях, когда возникают очаги напряженности и надобна защита личного достоинства коммуниста или авторитета того или иного начинания, не последнюю роль могла бы сыграть срочная нравственная экспертиза. Думается, в этом последнем случае конкретную помощь может оказать и Объединенный проблемный совет по этике, созданный недавно в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Убеждена: необходимо внести уточнение в Устав партии, пункт «д» раздела I. Предложила бы включить в текст, где говорится о качествах партии, такую фразу: «В поступках, стиле и образе жизни на деле осуществлять гуманистические принципы, быть гарантом утверждения общечеловеческих нравственных начал жизни общества».

Ни с чем не сравнимы задачи способствовать тому, чтобы «пробуждение моральных инстинктов основной части народа» стало стойким нравственным ориентиром деятельности любви к ближнему. Многие в жизни партии и общества зависят от участия коммуниста в этом процессе. Путем возвращения к личной морали и нравственности. Востребования души.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НАРОДОВОЛЬЦА СТЕПУРИНА НА СЛЕДСТВИИ 25 ИЮЛЯ 1884 ГОДА

Побудило меня стать на нелегальный путь деятельности наболевшее путем горького ответа и продолжительной внутренней борьбы — убеждение в полной невозможности законными средствами содействовать выходу России из того тягостного и поистине критического положения, в котором она в настоящее время находится и которое признает существующим и само правительство...

То государство, в котором критика и гласность не пользуются правами гражданства — неизбежно обречено на смерть и разложение.

Нет критики — нет и самосовершенствования, а вне самосовершенствования, вне прогресса — застой, упадок, смерть...

Коль скоро общество стеснено в выражении своих наболевших потребностей легальным путем, оно неизбежно заявит о них незаконными средствами (конечно, если общество сколько-нибудь жизненно), борясь за самосохранение.

Обращаясь к русской действительности, мы видим, что гласность и критика у нас не только не пользуются правами гражданства, но, проявленные помимо «подлежащих инстанций», признаются преступлениями.

Но может ли в слове заключаться преступление?..

Я признаю, что право человека свободно высказывать есть такое же неотъемлемое его право, как право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, а потому всякое стеснение его в этом праве должно быть признаваемо насильем, преграждающим ему путь к интеллектуальному развитию. Как, насилью физическую природу человека, мы приводим его организм к физическому упадку, — так, лишая его права слова, мы доводим его до нравственного упадка, нравственной смерти.

Нечего опасаться, что при свободе слова может восторжествовать какое-либо несправедливое мнение. Напротив того, несправедливое мнение может иметь силу лишь во тьме, а при свободе мнений торжествует только мнение наиболее справедливое при наличных условиях.

Непризнание у нас за гражданами права критики современных условий общественного быта, при крайне стеснительных условиях свободы слова и просвещения, и привели, по моему мнению, мою Родину к тому плачевному положению, в котором она в настоящее время находится.

В материальном отношении она представляет из себя банкрота на 38%... В моральном отношении... Сама верховная власть признала существование в учреждениях неправды и хищения. Это же подтверждается и путем других форм общественных проявлений: путем суда, литературы (которая, между прочим, сама пала до крайних пределов безнравственности), путем личных наблюдений.

В международном отношении... России ныне предписывают мирные условия иностранные правительства (Берлинский конгресс). Она же обязана переносить оскорбления от таких правительств, которые ею же самой созданы (антирусские проявления принципа Баттенбергского). Ей же, чуть ли не формально, иностранные правительства делают запросы по поводу ее внутренних дел. Она же не в состоянии ныне локализовать небольшого иностранного займа.

Это ли не признаки упадка, это ли не симптомы разложения?..

А при всем том:

Земельный вопрос — этот главный вопрос в государстве — находится в крайне неудовлетворительном состоянии. В то же время как громадные пространства земли лежат мертвым капиталом, — крестьянин, этот главный труженик земли и кормилец государства, — крайне нуждается в ней.

Кулачество — это паразитное проявление общественной жизни — встречает самые благоприятные условия для своего процветания.

Бюрократия — овладела всем и вся, — и телом и духом общества — и своим мертвым формализмом и присущей ему традиционной неправдой — омертвляет всякое живое проявление общественных сил. Она стоит фатальной стеной между правительством и обществом (которых истинные интересы, в сущности, не могут не быть солидарны) и мешает им соединиться для общего животворящего дела, способного возродить Россию от объявшего ее кошмара.

Государственные повинности распределены крайне непропорционально состоянию плательщиков.

Всевозможные монополии давят на общество страшным бременем.

И прочие, и прочие...

Какие же условия представляет современная действительность для выхода из того критического положения, которое грозит разложением государства?..

Я нахожу, что никаких условий для такого выхода современная действительность не представляет.

Единственные пути к этому — гласность, свобода критики и просвещения — у нас, как выше я сказал, правами гражданства не пользуются. А вне этих условий, по моему глубокому убеждению, — возрождение немыслимо. Уж конечно, не бюрократия же возродит Россию?..

Так как она-то ее и стубила. Да и не в ее интересах ее возрождать: в мутной воде лучше рыба ловится, говорит русская пословица. Как же быть честному русскому гражданину при сознании всего этого? Оставаясь верным закону, он будет преступником против общества; оставаясь же на стороне интересов общества, он, чтобы заявить обществу о его критическом положении, должен нарушить закон...

ПРИМЕЧАНИЕ

Этот документ обнаружен в материалах народовольческого «Процесса 21-го» (Г. А. Лопатина и других), в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР.

Константин Алексеевич Степурин, отставной штабс-капитан артиллерии, был привлечен к дознанию о руководящем кружке партии «Народная воля».

Степурин был арестован 9 марта 1884 года и заключен в Петропавловскую крепость. Держался он мужественно. Признавал только факты, известные жандармским следователям и связанные с его личной жизнью. Боясь, что в состоянии беспамьятства, бреда, вызванного болезнью, он может случайно назвать кого-либо, Степурин покончил с собой 20 февраля 1886 года. Показания публикуются впервые.

Олег САЙКИН,
кандидат исторических наук

Ленин в последний год жизни.
Рядом с ним — санитар Рукавишников.

ГОРКИ. ТРАУРНЫЙ ЯНВАРЬ

В Горках, в тени ветвистых берез, запрятался северный флигель. В нем есть небольшая, на вид ничем не примечательная комната с двумя окнами, выходящими в парк. В углу между окнами удобный столик, за которым часто работал Ленин.

Рабочие и крестьяне знали, что Владимир Ильич тяжело болен. С волнением ожидали от врачей обнадеживающих вестей из Горок. Писали письма, посылали подарки. Однажды трудящиеся Стодольской суконной фабрики передали Ленину материал на костюм. Ильич сердечно поблагодарил рабочих за приватствие и подарок. «По секрету скажу, — писал он, — что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим...»

Вестибюль в большом доме... Здесь профессор Розанов учил Владимира Ильича ходить, когда тот начал поправляться после тяжелой болезни.

На стенах картины и гравюры. Тот же стол и тот же диван. На нем сидели делегаты рабочих Глуховской мануфактуры Клавдия Гусева, Пелагея Холодова и Дмитрий Кузнецов, трепетно ожидая встречи с Лениным. Мария Ильинична распахнула дверь. Вошел Владимир Ильич. Глуховцам навсегда запомнились простая суконная тужурка, лучистый взгляд прищуренных глаз, тепло ленинской руки. Преодолевая волнение, Пелагея Холодова сказала несколько

слов, передала приветственный адрес рабочих.

Теперь этот документ лежит на письменном столе рядом со стопками книг и журналов, на том самом месте, куда положил его Ленин 2 ноября 1923 года.

«Телефонная комната»... Подолгу засиживался в ней Ленин. Разговаривал с Крамлем. Диктовал распоряжения, письма, многочисленные записки. От души радовался, когда слышимость по телефону была хорошей и секретарь Лидия Александровна Фотиева успевала проинформировать его об очередном заседании Совнаркома или Политбюро ЦК РКП(б).

Второй этаж. Комната Ленина. Здесь Надежда Константиновна по просьбе Владимира Ильича за два дня до его смерти читала ему вечером рассказ Джека Лондона. «Сильная очень вещь, — писала Крупская позже. — Через снежную пустыню, а которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки голодный больной чаловек. Слабеют у него силы, он не идет уж, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает — полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно». Книга и сейчас лежит на столе в Ленинской комнате горкинского музея.

Надежда Константиновна читала

вслух Салтыкова-Щедрина, Горького, Демьяна Бедного. Слушал Владимир Ильич и задумчиво смотрел в окно на заходящее солнце.

До слез трогала Ленина «Песня коммуны». Она призывала рабочих и крестьян никогда не отдавать арам ни одного завоевания Октябрьской революции.

Главная аллея парка... Скамейка у старого дуба... Аллея, по которой Ленин ходил купаться...

Река Пахра. Высокие сосны на обрыве. Здесь Владимир Ильич любился отражением аачерного неба в зеркальной воде и говарил, что такой волшебной красоты ему не довелось встречать в Европе. Возвращаясь с прогулок, неизменно приносил в усадьбу букет голубоглазых колокольчиков. На вопрос Надежды Константиновны, где он их находит в таком количестве, лукаво улыбаясь, отвечал, что это его маленькая тайна.

Так и не узнала Надежда Константиновна, на какой лужайке в парке собирал Владимир Ильич колокольчики...

Позднее было не до них. Ленин тяжело заболел, упорно и долго боролся с недугом, одно время казалось, что он уже победил его... Однако 21 января 1924 года неожиданно случился удар, и он скоропостижно скончался. Гроза всегда бьет по самому высокому дереву...

Николай КОСТИН,
кандидат исторических наук

Виталий СТАРЦЕВ,
доктор
исторических наук

ТАЙНА ОКТЯБРЬСКОЙ НОЧИ

История долго была служанкой богословия. Многие века. Да и сегодня превращение ее во вполне независимую, объективную науку не закончилось и на Западе. У нас же с конца двадцатых годов история стала служанкой грозного генсека. Правдивый рассказ о событиях Великой Октябрьской социалистической революции был заменен мифом, высочайше утвержденным сначала «Кратким курсом», а потом и краткой биографией Сталина. В этом мифе не имели значения действительные факты, события, даты. Учитывалось лишь то, что возвеличивало роль Вождя, показывало его мудрость и политическое предвидение. В спущенной сверху схеме событий Ленину отводилось строго определенное место. Он был назначен «консультантом» и главным другом Вождя — давал советы и даже указания, но всю практическую работу по руководству восстанием «перепоручил» Сталину. Вот почему так важно знать, когда Ленин вернулся в Петроград из финляндского подполья.

Эйно Рахья, телохранитель и связной Ленина, а также и Александр Шотман, связной ЦК, утверждали, что Ленин вернулся в Петроград в конце сентября, без разрешения ЦК, Сталин об этом узнал случайно и был страшно раздосадован. Но с 1924 года известна и другая точка зрения: Ленин приехал 7 октября по старому стилю. Это утверждали хозяин конспиративной квартиры в Выборге Юхо Латукка и машинист паровоза, на котором Ленин пересекал границу, Гуго Ялава.

Последняя дата устраивала Сталина больше, тем более что и сам он «вспомнил», что встречался с Лениным сразу же после его возвращения в Петроград и было это 8 октября 1917 года. Так в нашей истории на 50 лет явилась дата 7 октября, да и сегодня от нее еще не вполне отказались.

Фантасты разработали тему параллельных вселенных, существующих одновременно с нами, но «в других измерениях». Вот такую, параллельную действительной истории мы создали в литературе конца тридцатых — семидесятых годов. Вместо решения уничтожить ленинские письма о восстании на заседании ЦК 15 сентября, оказывается, принималось решение полностью их одобрить! Вместо борьбы, которую большинство членов ЦК вело с Лениным, оно, оказывается, немедленно взялось за всестороннюю подготовку восстания. И было два штрейкбрехера, два негодяя, предавших, как и Иуда Троцкий, план восстания врагу. Но все равно стальное единство партии спасло положение, и победа была одержана. Выдрессированные и выученные Сталиным историки упорно защищали созданную ими мифическую картину единодушия и единогласия. Об одном из моментов рождения мифа рассказывается ниже.

СТАРЫЙ СПОР

«7 октября Ленин нелегально приехал из Финляндии в Петроград. 10 октября 1917 года состоялось историческое заседание ЦК партии, на котором было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание» («История ВКП(б). Краткий курс», с. 196). Эта первая официальная версия родилась еще в 1935 году. В 1938 году она была высочайше утверждена. На долгие годы в правильности этих утверждений не полагалось иметь сомнений. Но сегодня вопрос остается открытым.

В 1973 году вышел в свет четвертый том биографической хроники «Владимир Ильич Ленин». Его составители определили время возвращения Ленина в Петроград из Финляндии временем «между 3 и 10 октября 1917 года». При этом сделано следующее обширное примечание, которое мы приводим целиком: «О дате приезда Ленина в источники и литературе имеются противоречивые сведения. В воспоминаниях современников — Н. К. Крупской, Г. Ялавы, Ю. Латукки приезд Ленина датируется 7(20) октября; Э. Рахья, М. В. Фофановой, А. В. Шотмана — концом сентября (ст. стиль). В на-

чале 20-х годов в исторической литературе фигурировали даты: конец сентября и 20 октября (2 ноября). Затем после опубликования (1927 г.) протокола ЦК РСДРП(б) от 10(23) октября появилась дата 9(22) октября. С 30-х годов в литературе утвердилась дата 7(20) октября; в конце пятидесятых — начале 60-х годов назывались также даты 22 сентября (5 октября) и 29 сентября (12 октября). В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в ноябре 1960 года было проведено специальное совещание по этому вопросу с участием историков Москвы, Ленинграда и старых большевиков. В ноябре 1962 года дата приезда Ленина обсуждалась в Ленинграде на Всесоюзной научной конференции, посвященной 45-летию Октябрьского вооруженного восстания. Разные точки зрения существуют и в настоящее время. Документальными источниками по этому вопросу являются протоколы ЦК РСДРП(б) от 3(16) (там записано: «принято решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь») и 10(23) октября (а в этот день на вечернем заседании ЦК Ленин уже выступал с докладом, зафиксированным в протоколе. — В. Ст.). Поэтому составители биографии считают, что Ленин мог приехать в Петроград в один из дней между 3 и 10 (16 и 23) октября».

Эта сухая и осторожная справка не дает ни решения проблемы, ни намека на то, кто же прав. Но за ней скрываются жаркие споры. Вспоминаю сессию 13—16 ноября 1962 года в Ленинграде, в Большом конференц-зале Академии наук СССР, где шли страстные споры о том, когда же приехал Ленин в Петроград. Возмутителем спокойствия выступал тогда сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР П. Н. Михрин. Он громко бросал в лицо президиуму, что академики И. И. Минц в угоду Сталину в 1935 году сфальсифицировал записи в табель-календаре машиниста Гуго Ялавы, чтобы доказать, будто Ленин вернулся в Петроград 7 октября, ибо, по словам Сталина, 8 октября состоялась их встреча на квартире рабочего Никандра Кокко. Но авторитет Минца был непререкаем, и все с осуждением косились на Михрина. Редактор будущего сборника профессор А. Л. Фрайман, человек честнейший, но преданный академику до кончиков ногтей, попал в затруднительное положение. Выход нашли: за сообщением Михрина поместили сообщение не участвовавшей в сессии А. Я. Великановой, она доказывала правоту точки зрения Минца.

И все же опровергнуть главный козырь Михрина не удалось. Когда он наткнулся на противоречия в свидетельствах мемуаристов и заглянул в пресловутый табель-календарь, то увидел, что часть записей сделана карандашом и другим почерком. Ему удалось добиться экспертизы: «Отдел криминалистических исследований Института милиции Министерства внутренних дел в своем заключении, датированном 4 июня 1959 года, отметил, что записи в дневнике Ялавы за 22(9) августа и 20(7) октября отличаются от всех остальных записей по размеру и разгону почерка». О записи за 7 октября сказано, что установить, кем она выполнена, не представляется возможным.

Но тогдашние бюстисты историко-партийной науки, получив акт экспертизы, сообразили, что Михрин замалчивает на самое святое — на «великую дружбу Ленина и Сталина»! В 1960 году было проведено совещание в Институте марксизма-ленинизма, вскоре Михрина «турнули» из Ленинградского института истории партии.

За что же сражался Михрин? Какую позитивную точку зрения он отстаивал по существу? Дело в том, что еще с 1928 года М. В. Фофанова, хозяйка последней квартиры Ленина в Петрограде, в своих воспоминаниях писала, что хорошо помнит, как Ленин с Крупской пришли к ней вечером в одну из пятниц. После XX съезда и возвращения из ссылки Фофанова стала называть и дату — 22 сентября.

Михрин, изучив произведения самого Ленина, обратил внимание на то, что до 28 сентября включительно тот ссылается в своих статьях на материалы вчерашних петроградских

газет, а с пятницы, 29 сентября, — сегодняшних! Он нашел опору и в воспоминаниях А. В. Шотмана, связного ЦК, и в воспоминаниях Э. А. Рахьи, телохранителя Ленина, сопровождавшего его во всех поездках через границу. Они оба утверждали, что Ленин вернулся без разрешения в Петроград и произошло это «в конце сентября». Отсюда историк делал вывод: Фофанова права в том, что Ленин приехал в «пятницу». Только не 22, а 29 сентября!

Но ведь Гуго Ялава утверждал, что он перевез Ленина через границу ночью с 20 на 21 октября нового стиля, то есть с 7 на 8 октября («Ленинградская правда» 16 апреля 1924 года), и Юхо Латукка, в доме жены которого Ленин жил в Выборге (30 сентября — 20 октября), об этом дважды написал в автобиографии, датированной 13 февраля и 18 декабря 1924 года. Аналогичный текст появился в 1925 году в сборнике «Ленин в воспоминаниях финнов». Минц в то время еще и не помышлял, что он будет историком, не то что академиком! Указывая на это обстоятельство, Великанова была по-своему права.

АРГУМЕНТЫ АВТОРА

Я наблюдал тогда этот спор со стороны. И довольно равнодушно. Но позже заинтересовался подпольем Ленина в 1917 году. В связи с источниковедческим исследованием произведений Ленина, датированных 5 июля—14 сентября 1917 года, предстояло определять время написания и последовательность работ, устанавливать обстоятельства их создания и прочее. Пришлось заниматься и переездом Ленина на паровозе Гуго Ялавы в Финляндию и обратно, самому изучить все доступные источники и литературу. И я пришел к убеждению, что самый главный источник по всем этим вопросам — сам Ленин. Он обладал колоссальной работоспособностью. Писал каждый день. Причем от руки. Если ему ничто не мешало, мог написать пол-листа в день и даже больше (11—14 страниц в переводе на машинописные). Это была, так сказать, его «норма». Когда он перешел на нелегальное положение и переехал в Разлив, то вплоть до возвращения в Петроград в октябре каждый день работал примерно в таком ритме.

Все переезды связаны были со значительными затратами времени. К счастью для исследователя, почти все, что написал Ленин с июля по октябрь, сохранилось. Поэтому, определив время создания каждой из известных за эти три с половиной месяца ленинских работ, строго расположив их в хронологическом порядке, мы обнаружим временные пустоты. Эти лакуны и будут днями ленинских переездов.

Так вот, с этой точки зрения и версия Фофановой, и версия Михрина при всем уважении к его научному бесстрашию не выдерживают критики. Ленина не могло быть в Петрограде ни 22 сентября, ни 29. Из ленинских произведений за конец сентября видно, что он отправляет их именно из Финляндии, о чем сам письменно упоминает. И Фофанова, и Михрин, объясняя это, пишут, что Ленин посылал рукописи в Финляндию, а потом они снова возвращались в Петроград. Делал он это якобы из конспиративных соображений, так как ЦК еще не разрешал ему возвращаться. Выходит, Ленин обманывал ЦК (?), удлинял сроки связи на 2—3 дня, в то время как обстоятельства требовали как можно более их сокращать? Это абсолютно не вяжется и с характером Ленина. Он мог вводить в заблуждение врага, но не своих, не партию, не ближайших соратников. Вообще он был искренен в письмах. И если утверждал, что данные строки написаны утром такого-то дня, то это так и было.

7 и 8 октября Ленин свою «норму» выполнил, а значит, передвигаться он не мог ни в один, ни в другой день. А вот за девятое октября пока ни одной строчки, написанной Лениным, не найдено. И за десятое, между прочим, тоже! Мы знаем, что вечером этого дня Ленин не только был в Петрограде, но уже и выступил на заседании ЦК РСДРП(б). Наиболее вероятным днем, когда Владимир Ильич мог переезжать из Выборга в Петроград, остается 9 октября 1917 года. Но может быть, он переехал шестого? А рукописи, относящиеся к 7—8 октября, написаны уже в Петрограде? Нет, и за 6-е, и за предыдущие дни нам известен полновесный ленинский рукописный «отчет».

В конце шестидесятых годов в Стокгольме было сделано важное открытие. Корреспондент газеты «Сельская жизнь» по Скандинавским странам Ю. Ф. Дашков нашел в архиве рабочего движения Швеции копию дневника Карла Харальда Вийка за 1917—1918 годы. Карл Вийк, депутат Финляндского сейма, член руководства Финляндской социал-демократической партии, по согласованию с русскими большевиками встречал и устраивал Ленина в Финляндии во время его последнего подполья в 1917 году. Вийк делал краткие ежедневные записи, куда вносил сведения о важнейших событиях дня.

Что поразило Дашкова в дневнике Карла Вийка? Полное несовпадение дат с тем, что говорилось в советской историко-партийной литературе. По тем книгам, которые имели хождение у нас в пятидесятых годах, получалось, что Ленин уехал из Петрограда со станции Удельная 22 августа нового стиля (9-го по старому) — это запись в дневнике Гуго Ялавы, а из Гельсингфорса в Выборг — 30 сентября нового стиля (17-го по старому). Вийк же писал, что 21(8) августа Густав Ровио просил его съездить к русским в Лахти, 22(9) августа он привез его к себе в местечко Маль под Гельсингфорсом, а 23(10) августа привел Ленина на встречу с Ровио на Хагнесскую площадь в Гельсингфорсе. Из других записей видно, что в четверг, 4 октября (21 сентября), Карл Вийк зашел на квартиру Ровио, где был Ленин, который «собирался вскоре ехать в Выборг, а оттуда, возможно, в Петроград».

Будучи человеком добросовестным, Дашков опубликовал выдержки из дневника Вийка с теми датами, которые там есть. И указал на их расхождение с «общепринятыми». Ему и в голову не приходило, что «официальные» даты могут быть липовыми и именно он держит в руках ключ к их опровержению. Ведь эти дневниковые записи сделаны непосредственно в ходе событий и поэтому имеют несомненный приоритет перед воспоминаниями. Мне была совершенно очевидна правота записей Вийка, но не воспоминаний Юхо Латукки — о 30(17) сентября, дате переезда в Выборг. Что касается записи в табель-календаре Гуго Ялавы о 22(9) августа, то сомнение в ее аутентичности подтверждено графологической экспертизой, предпринятой по инициативе Михрина. Но тогда рушатся и все предыдущие даты переезда Ленина из Ялалы в Лахти, из Удельной в Ялгалу, да, собственно, и ухода из Разлива!

Увы, о ленинском возвращении из Выборга в Петроград из дневника Вийка ничего нового нельзя извлечь. Лишь косвенно, путем аналогий, можно предполагать следующее. Во-первых, если дата 22(9) августа в качестве времени переезда Ленина из Удельной в Терийоки оказалась неверной, то, следовательно, неверна и следующая дата — 20(7) октября, да и графологическая экспертиза поставила под сомнение их обе. Во-вторых, оказалась неверной одна из дат проживания Ленина в Выборге, указанных Латуккой, — 30(17) сентября. Интересно, что Великанова в своей полемике с Михриным весьма самоуверенно писала, что «до сих пор никто еще не опроверг дату переезда В. И. Ленина из Гельсингфорса в Выборг 17 сентября 1917 г.»! Теперь, после публикации и признания Институте марксизма-ленинизма дневника Карла Вийка как главного источника по последнему подполью Ленина в Финляндии, и это утверждение было опровергнуто, ибо 21 сентября старого стиля Вийк видел Ленина в Гельсингфорсе на квартире у Густава Ровио. Но это автоматически порождало сомнение и в 20(7) октября. Ленин не приехал в Петроград из Выборга 7 октября, ибо все вторичные подтверждения, в частности Крупской, основываются на мемуарах Латукки и Ялавы.

Я обратил внимание, что до января 1934 года в публикациях воспоминаний Гуго Ялавы называлось не 22 августа по новому стилю, а 22 июля — день, когда он перевез Ленина на своем паровозе в Финляндию. Этот же день назван и в первой публикации его воспоминаний («Ленинградская правда», 16 апреля 1924 года). Только после беседы Ялавы с Минцем в 1935 году появилась другая дата — 22 августа. Очевидно, Минц указал Ялаве на явную нелепость. Что такое 22(8) июля 1917 года? Как утверждала историко-партийная наука, тогда Ленин выехал из Петрограда в Разлив. Если же верить записям из дневника Ялавы, которые он приводил с 1924 по 1934 год, получается, что Ленин и в Разливе-то в шалаше не жил, а сразу уехал в Финляндию. Пришлось Ялаве «перенести» дату своего путешествия с Лениным на целый месяц вперед! Все это окончательно подорвало у меня веру в мифический табель-календарь...

Но еще раз оторвемся от этого документа и обратимся к тем ленинским работам, которые написаны 7 и 8 октября 1917 года, но не в Петрограде. С 6 по 8 октября Владимир Ильич работал над большой брошюрой «К пересмотру партийной программы». В одном месте Ленин замечает: «пишу это 6 октября 1917 года», а в самом конце — «Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел № 31 «Рабочего пути»...» (ПСС, т. 34, с. 374, 380). Этот номер вышел 8 октября 1917 года. Объем брошюры — почти полтора печатных листа. 6 октября упоминается во второй трети статьи. Значит, эта брошюра начата на день или полтора раньше, думаю, 4 октября. Кроме того, за 7 октября нам известно «Письмо

¹ Составители четвертого тома Биографии Ленина отказались от старых дат. На основании ксерокопии дневника Карла Вийка, поступившего в ЦПА ИМЛ, они вынуждены были теперь признать, что Ленин переехал в Лахти 7—8 августа, а из Разлива ушел и жил в деревне Ялгалу «не позднее 6 августа». Точнее время установить они не решились. Но и это много! Исследователям были развязаны руки

Питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании» объемом 0,2 авторского листа. За 8 октября — «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» (0,3 авт. л.) и «Советы постороннего» (0,1 авт. л.). Общий объем всех четырех работ — два авторских листа. В общем, четыре достаточно напряженных ленинских рабочих дня, которые, вероятно, охватывают 8, 7, 6, 5, а может быть, и часть времени 4 октября 1917 года.

Письмо к питерской городской конференции датируется по ленинским слогам «Я могу опираться только на сведения утренних субботних газет». Суббота — это 7 октября 1917 года. Тут же упоминается созыв съезда Советов Северной области, назначенный на 8 октября 1917 года в Гельсингфорсе. Ленин настаивает также на ускорении ухода большевиков из Предпарламента. Следовательно, еще не знает о решении ЦК РСДРП(б) от 5 октября 1917 года о том, что съезд переносится с 8 на 10 октября и созывается не в Гельсингфорсе, а в Петрограде. Это же заседание ЦК принимает решение: большевикам уйти из Предпарламента в первый же день его работы по прочтении декларации. Значит, вечером 7 октября Ленин еще никак не в Выборге, а в Выборге.

Что нам известно о 8 октября? Ленин, во-первых, ссылается в последнем, девятом разделе брошюры «К пересмотру партийной программы» на номер «Рабочего пути» от 8 октября. Он узнает также о выходе большевиков из Предпарламента и о переносе съезда Советов Северной области в Петроград и открытии его 10 октября. Конечно, он мог узнать об этом и из газет за 8 октября. Но «Рабочий путь» через газетчиков не распространялся. Его посылали Ленину из Петрограда пакетами, по несколько номеров сразу. Судя по всему, очередной пакет с номерами газеты «Рабочий путь» он получил после этого в Выборге только 8 октября.

В «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», Ленин прямо сообщает: «Я пишу эти строки в воскресенье, 8 октября, вы прочтете их не раньше 10-го октября». Если бы он был в Петрограде, разве бы допустил, чтобы столь важное послание дошло до адресата только через день? Никогда! Более того, Ленин написал это не просто в воскресенье, а, видимо, вечером в воскресенье, ибо, кроме «Рабочего пути» за 8 октября, который ему был специально доставлен (и не ранее второй половины дня), он ссылается в этом письме и на статью Е. К. Брешко-Брешковской в эсеровской газете «Дело народа» тоже за 8 октября 1917 года. Утренние петроградские газеты появлялись в Выборге только во второй половине дня. Сам город Выборг дважды упоминается на страницах этого письма.

Наконец, 8 октября написано и знаменитое письмо «Соееты постороннего», содержащее примерный план вооруженного восстания. Кстати, почему никто не хочет ответить на вопрос: отчего оно так странно называется — «Соееты постороннего»? И подпись стоит — «Посторонний». Как нам кажется, Ленин так подписался именно потому, что он еще не в Петрограде, а к событиям, которых так нетерпеливо ждет, он не успевает. Письмо, как он полагал, придет раньше него.

Итак, фактический объем письменной ленинской работы, выполненной за 5—8 октября 1917 года, исключает многочисленные передвижения в эти дни, а анализ содержания его писем за 7 и 8 октября убеждает, что они написаны все еще не в Петрограде, а в Выборге. Наиболее вероятный день переезда Ленина из Выборга в Петроград — 9 октября 1917 года.

Установив для себя этот факт, я снова обратился к воспоминаниям участников переезда Ленина из Выборга в Петроград. Их было двое — Ялава и Рахья. Последний много раз рассказывал, что из Выборга они с Лениным ехали на одном поезде. А Латушка писал, что Ленин уехал из Выборга в 2 часа 35 минут дня. Такой поезд действительно был, как подтвердило расписание, опубликованное в выборгских газетах. Гуго Ялава водил поезд от Финляндского вокзала в Петрограде до станции Райвола (ныне — Рожино) и обратно. Поэтому они вышли из выборгского поезда в Райволе и провели там несколько часов. Рахья даже писал однажды, что они сходили в поселок (сейчас он отстоит от станции на 2—3 км). А затем, когда Ялава привел свой состав из Петрограда и готовился перецепляться к новому составу, Ленин забрался на отдельно стоявший паровоз.

Гуго Ялава неоднократно вспоминал, что в 1917 году водил дачный поезд № 71. Об обратном пути он писал: «7(20) октября я поезд Ленина обратно в Петроград. Он вместе с Эйно Рахья приехал из Выборга на станцию Райвола за несколько минут до отхода поезда. Была полночь... На станции Удельная Владимир Ильич сошел с паровоза».

Я постарался уточнить расписание дачного поезда № 71 в 1917 году и парного к нему — 72-го, которым, по логике вещей, Ялава должен был ехать обратно. Из Финляндии через общество дружбы мне прислали ксерокопию расписа-

ния. Оказалось, что 71-й уходил из Петрограда по местному времени в 10 часов 30 минут вечера, на станцию Удельная прибывал в 10.44, а через минуту отправлялся. В Райволу же прибывал в 12 часов 9 минут ночи. Впрочем, все сходилось — «Была полночь...» Но дальше начались загадки. Поезд № 72 отправлялся в Петроград только на следующее утро, в 7.45 из Райволы, и прибывал на станцию Удельная в 9.41 утра. Это означало, что Ялава, Рахья и Ленин должны были ночевать в Райволе и приехать в Петроград рано утром 10 октября. Но это полностью противоречило той картине, которую воспроизводят все мемуаристы: Ленин приехал поздно вечером или ночью. Кстати, сам Ялава никогда не упоминал о поезде № 72. И вообще не называл номер поезда, которым он повез Ленина обратно. А в своей первой публикации на русском языке «Ленинградской правде» 16 апреля 1924 года называл другой номер — 77. Одним словом, попытки уточнить время приезда Ленина в Петроград 9-го или в ночь на 10 октября зашли в тупик.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ ГУГО ЯЛАВЫ ВООЧИЮ

Недавно я впервые езял в руки архивную папку, в которой был табель-календарь Гуго Ялавы. Как билось мое сердце, когда я развязывал тесемки! И вдруг... Черт возьми, вот тебе и «табель-календарь»! Да это обыкновенная записная книжка формата примерно 9 на 12 см! Внутри на каждой странице по порядку дни недели обозначены, каждая страница горизонтально разграфлена. Такие книжки и сегодня еще выпускаются у нас в Ленинграде, мама мне их штук десять дарила к праздникам. Но здесь все надписи на финском языке. И календарь 1917 года. Издана до Февральской революции. Даже день рождения государя-императора пропечатан к сведению финнов. Типографски оттиснуто по-фински — «Календарь и записная книжка».

Мне хочется засвидетельствовать, еозеращаяся к тем баталиям, которые шумели в 1962 году, что сам по себе календарь — вещь абсолютно подлинная. И подавляющее большинство записей там сделаны в 1917 году. Они выявляют весьма аккуратный и педантичный характер автора. Отражены все свободные дни, сверхурочные работы, стачки, в которых Ялава принимал участие, дни, пропущенные по болезни. Весь календарь — по новому стилю, соответственно и записи отмечают только новый стиль. По 14 января 1917 года они сделаны черными чернилами, а все последующие — в основном простым карандашом. Большинство этих «производственных» записей 1917 года. Вместе с тем к отдельным дням календаря имеются добавления, заметки для памяти об основных событиях революции. Вот они-то явно появились позднее, не в 1917 году. И это вполне понятно. Вспомним, что Ялава не раз совершал рискованные рейсы через русско-финскую границу. Он вполне мог подвергаться опасности обыска и поэтому не делал записей, которые могли бы его скомпрометировать политически. В том числе он, конечно, никак не мог в 1917 году писать о том, когда и как ехал «старик» (то есть Ленин) на его паровозе.

Какие же записи, фиксирующие политические события 1917 года, есть в табель-календаре Гуго Ялавы? Так, за 8 марта (23 февраля) записано: «начало стачки». Все верно, 23 февраля было первым днем февральской забастовки в Петрограде, первым днем февральской буржуазно-демократической революции. Но тут же рядом: «Дума распушена». А вот это уже неточность. Только вечером 26 февраля (11 марта по новому стилю!) Председатель Совета Министров Н. Д. Голицын вставил в заполненный бланк царского указа о перерыве в работе Думы дату — с 27 февраля 1917 года. Это убедительное доказательство, что записи о хронике событий 1917 года делались позднее самих событий, по памяти, без консультации с газетами или книгами.

13 апреля (31 марта) записано — «Плеханов приехал», а за 16(3) апреля — «Ленин приехал из-за границы». Обе эти записи сделаны химическими чернилами, позднее карандашными записей 1917 года.

К записям за 16(3) и 17(4) июля вписано в каждую графу: «Большевистский заговор». Ялава имеет в виду события 3—4 июля, которые антибольшевистская пресса трактовала как «заговор большевиков».

А вот дальше начинается самое интересное. Запись за 22(9) июля — «вапаа» — свободен — сделана по стереотипу резинкой карандашному тексту. Изучение следов этой стертой записи с помощью обыкновенной лупы показывает, что раньше в этой графе было «81—82—73» — номера поездов, которые Гуго Ялава вел своим паровозом. Но потом цифру «73» стерли и над ней написали «71». Это уже было первой ложью, потому что 23(10) июля сам он записал номера поездов: «74, 143/144». Поезд 73—74 был парным, ночным. Ялава приводил его в Райволу за полночь, а поезд № 74 уходил утром следующего дня. Но упоминание о 71-м поезде

нужно было потому, что, как казалось машинисту, он твердо помнил, что Ленина перевозил на паровозе, когда вел поезд № 71. А то, что исправление было связано именно с этим обстоятельством, подтверждается следующими словами стертой записи: «Укко мени» — «старик ушел». При этом записан и номер паровоза: «Н 297». Эти записи, судя по почерку, появились в календаре тогда же, когда и все прочие заметки о революционных событиях. В частности, рядом с графой 16 и 17 июля о «большевистском заговоре». Вероятно, Ялава силился поточнее вспомнить, когда же он переезжал Ленина через границу. Он даже поменял номер поезда — 73-й на 71-й, то ли не заметив, то ли пренебрегая тем, что разрушил поездную «пару» — 73—74 (на самом деле он вел ее поздно вечером 9 июля и рано утром 10 июля старого стиля). И все это было сделано достаточно давно, без всякой связи с исторической и собирательской деятельностью Минца. Читатель помнит, что этой версии, о том, что он перевез Ленина именно в ночь с 22 на 23 июля нового стиля 1917 года, Гуго Ялава придерживался 10 лет (с 1924 по начало 1934 года).

В отличие от Ялавы Минц знал, что 9 июля старого стиля 1917 года Ленин только-только ушел из квартиры Аллилуевых и поехал в Разлив вместе с Зиновьевым. Несомненно, он указал на это Ялаве и постарался его убедить, что тот просто ошибся на месяц. Мы не знаем точно содержания их беседы по этому поводу, но очевидно, что она была: в последующих воспоминаниях Гуго Ялава стал писать, что переезжал Ленина 22 августа. А чтобы сомнений не оставалось, взял да и стер в своем табель-календаре старую запись за 22 июля и перенес ее в графу 22 августа!

Первоначально в самом табель-календаре за 22 августа было написано: «вапаа» — свободен. Те записи, которые Ялава делал в 1917 году, выполнены с наклоном вправо, а те, которые еписывал позднее, — прямо, без наклона. Запись «вапаа» в графе табель-календаря Гуго Ялавы за 22 августа сделана без наклона. Но он ее стер в 1935—1936 годах. И над ней уже химическим карандашом: «81—82—71 (укко мени) Н 293» (то есть поезда 81—82, 71, старик ушел, паровоз 293). Так впервые появился паровоз 293 в связи с перевозом Ленина через границу, в то время как в первоначальной записи от 22 июля говорилось о паровозе 297!

Интересно, что и запись за 23 августа тоже была стерта Ялавой, а вместо нее написано химическим карандашом: «74/юлияа майнен юна». То есть Ялава перенес сюда содержание записи о работе за 23 июля. А с 25 августа по 1 сентября записи об отпуске по болезни. Полагаю, что и стертая карандашная запись за 23 августа нового стиля, где мне удалось разобрать только начальные буквы двух слов — «с...» первого и «ка...» второго, должна выглядеть как «саираслома каусаласса» — «отпуск по причине болезни». Тут, следовательно, мы имеем дело со вторым намеренным искажением истины со стороны самого автора табель-календаря Гуго Ялавы, но никак не академика Минца.

Но досмотрим «постреволюционные» записи до конца. 11 сентября (29 августа) 1917 года дописано: «корниловский мятеж». Тут ошибка минимум в один день. Мятеж-то начался 27-го, а в газетах о нем сообщили 28 августа! Тут тоже Ялава писал на память. Конец мятежа отмечен 13 сентября (31 августа по старому стилю). В графе календаря за 8 октября (25 сентября) — латинскими буквами «Над. Констант...». Двух мнений быть не может — это Надежда Константиновна. Известно, что она дважды ездила к Владимиру Ильичу в Гельсингфорс. Но как раз 25 сентября Ленин был уже в Выборге, туда Надежда Константиновна к нему не приезжала. А может быть, Ялава пытался вспомнить день ее поездки, о котором он был оповещен, или речь идет о каком-то поручении?

Мы подходим к записи за 20(7) октября 1917 года. В тот самый день, 20 октября, когда-то было написано только «юлим — 75—76» (то есть «сверхурочно, поезда 75—76»). Затем номер паровоза — «193». После это химическим карандашом исправлено на «293» и дописано прямым почерком «укко тули» — «старик пришел». Все записи потом еще раз обведены химическим карандашом. На мой взгляд, все эти дополнения вносил сам Гуго Эрикович Ялава.

За 26(13) октября 1917 года стояло: «81, 82, 73», то есть номера поездов, которые Ялава водил в Райволу и обратно, пожалуй, чаще других поездов. А за следующий день 27(14) октября первоначальные записи — «74, 113—124», то есть обычное утреннее возвращение на парном 74-м поезде, и еще поездка в Райволу и обратно. Потом перед «74» было приписано «собрание» и поставлены номера: «1, 2, 3, 4», после чего три вопросительных знака, а над ними простым карандашом дописано: «5, 6, 7» и затем еще «8, 9». Это событие Ялава отмечал в своих воспоминаниях как собрание членов ЦК большевистской партии у него на квартире в Ломанском переулке с участием Ленина (его он отметил под номером «1»). Никаких других источников о времени проведения этой

встречи мы пока не имеем, и здесь Ялаве приходится верить на слово, полагаться на его память, которая, как мы видели, неоднократно его подводила.

Наконец, за 7 ноября (25 октября) Ялава записал на пустом месте (вообще записей в его табель-календаре за период с 3 ноября по 8-е, то есть с 21 по 26 октября, в 1917 году сделано не было): «Начало II-й революции». Но и здесь неточность: она началась 24-го, хотя празднование первой годовщины было проведено именно 7—8 ноября 1918 года.

Полагаю, что все записи, касающиеся революционных событий в Петрограде в 1917 году, сделаны самим Гуго Ялавой позднее этих событий: скорее всего, не ранее первой годовщины Октябрьской революции. Что же касается записей о времени переездов Ленина через границу, то они, возможно, появились еще позднее, в январе 1924 года, после кончины Владимира Ильича. Они сделаны по памяти и неточны. И дата 7(20) октября — день возвращения Ленина в Петроград — противоречит таким важнейшим источникам, как собственные произведения Ленина, написанные 7 и 8 октября 1917 года.

КОГДА ЖЕ ВЕРНУЛСЯ «СТАРИК»?

Все это хорошо, скажет читатель. А когда же все-таки Ленин вернулся в Петроград в октябре 1917 года? Ответить на этот вопрос можно... на основании все того же табель-календаря Гуго Ялавы.

22(9) октября Ялава вел из Петрограда поезд № 105 в Райволу. И обратно — № 106, Райвола — Петроград. Вот на этом поезде и прибыл Ленин на станцию Удельная, где был встречен Эмилем Кальске. Вторым — третьим был Эйно Рахья — они пришли на квартиру Кальске, в которой все еще жил Зиновьев. Пока нельзя сказать, на каком именно паровозе ехал Ленин, хотя Ялава в своих воспоминаниях и пишет всегда о паровозе № 293. На самом деле в записи за 22 июля говорилось о паровозе № 297, в первоначальной записи за 20 октября — о паровозе № 193.

Табель-календарь Гуго Ялавы надо изучать и дальше, он не раскрыл еще всех своих тайн. И хотя все три записи о Ленине, сделанные в добросовестной попытке припомнить действительные факты, оказались неточными, именно подлинные номера пригородных поездов, которые Ялава ездил в осенние дни 1917 года по маршруту Петроград — Райвола — Петроград, помогают установить точную дату возвращения Ленина из финляндского подполья.

Хочется особенно подчеркнуть, что исследование этого документа, даже в нынешней его неполной форме, уже позволяет снять необоснованные подозрения с Минца в фальсификации табель-календаря, в искусственном навязывании нашей науке даты 7(20) октября 1917 года. Если Минц в чем-то и виноват, то только в том, что, указав на одну ошибку Ялавы (22 июля), побудил его сделать другую — совершенно «с потолка» взять в качестве даты первого переезда Ленина в Финляндию 22(9) августа 1917 года.

Установление каждого нового факта, связанного с жизнью и деятельностью Ленина, имеет важное значение и само по себе, и в связи с общей, непростой историей нашего государства. А таких фактов десятки! Многие из них не выяснялись по политическим причинам, другие в связи с недостатком документов, которые надо искать, а большая часть — по лености и неумению работать. Пора снять полицейские оковы с ленинских документов. Пора дать людям, которые хотят и умеют работать, возможность это сделать. И тогда мы приблизимся к научной биографии Ленина, к воссозданию его человеческого облика.

ИВАН ЗАБЕЛИН — АРХИВАРИУС МОСКВЫ

Его имя носит одна из тихих улочек в центре Москвы.
Его авторитет ученого и исследователя общепризнан.
К его трудам обращается всякий, кого интересуют проблемы русской истории XVI—XVII веков.
Изучению жизни и творчества историка посвящены книги и диссертации.
Ни одна его работа не издана за последние семьдесят лет.

Иван Егорович Забелин (1820—1908) более чем за шестьдесят лет научной деятельности издал двести с лишним работ по истории, археологии, искусствоведению, литературной критике. Когда читаешь его статьи разных лет, возникает ощущение, что писали их порой разные люди. Собственно, так оно и было. Скромный канцелярист второго разряда, архивариус Московской Оружейной палаты, автор первых очерков в «Московских губернских ведомостях», Забелин был, наверное, мало похож и на ученика Грановского, друга Станкевича, корреспондента Герцена, страстного публициста 40—50-х годов, и на эпически спокойного старца, тайного советника, автора фундаментальных работ, повествовавшего подробно, обстоятельно, неторопливо. Но как бы ни была широка гамма его научных интересов, какими бы разными ни представлялись его работы с течением времени, в них ясно звучит главный мотив, тема всей жизни историка — быт русского народа. «Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни общественной и политической или государственной», — писал Забелин.

Первая статья молодого исследователя — «Несколько слов о богомольных царских походах» — появилась в «Московских ведомостях» 15 апреля 1842 года; в последующие годы в различных газетах и журналах печатаются многочисленные заметки и статьи, написанные по материалам архива Оружейной палаты, в котором Забелин проработал более двадцати лет. Все эти публикации были своего рода заготовками, подготовительными материалами монументальной работы, венца жизни историка — книги «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях». Два ее тома с подзаголовками «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц» увидели свет в 1862 и 1869 годах. Ученый хотел сделать их частью

широкого полотна, изображавшего наряду с царским бытом и прочих слоев русского общества: земца-кормильца, казачества, торгового люда и других. Характер документов, с которыми имел дело исследователь, определил его особое внимание к быту русской царской семьи. Именно по этой причине работы Забелина до сих пор не переиздавались: в них усматривались попытки идеализировать патриархальность русского самодержавия. Но «с фактом ничего не поделаешь. Он покоряет себе всякое поползновение придать своему труду литературную отделку», — утверждал Забелин и, следуя документу, описывал не только жизнь дворца и терема, но и произвол неограниченной власти, взаимные доносы придворной челяди.

«Сочинение г. Забелина основано на тщательном и добросовестном изучении источников, из которых большая часть открыта и приведена в известность им самим... Книга есть лучшее сочинение из всех, какие только выходили по истории русского быта», — писал академик Ф. И. Буслаев, к мнению которого можно при-

Сочинения Забелина обыкновенно замечательны тонкою критическою работою, умением полно и разносторонне анализировать материал, дать ему общую оценку, поставить его в связь с широкими явлениями жизни. Этот тонкий критический анализ объясняется не только дарованием автора, но и направлением его мысли, его образования.

В. Е. ЯКУШКИН

Забелин не дал поработать себѣ избранному им предмету. Он глубоко проникнут национальными стремлениями, с горячей любовью относится к России и ко всему русскому, но он далек от идеализации нашей старины, далек от такого увлечения ею, которое бы заставило его враждебно смотреть на нашу новую историю, он не враждебно относится к нашему просвещению, напротив, он высоко ценит его и является одним из ревностных его сподвижников.

В. С. ИКОННИКОВ

соединиться и нам более чем через сто лет.

В 1879 году Московская городская дума обратилась к Забелину с предложением стать историографом Москвы. Берясь «за дело не из нужды, но по любви к предмету», историк так представлял программу будущей работы: написать историю улиц и зданий, повествовать о прошлой жизни москвичей, «ибо город — это совокупность людского общежития», не забыть пожары и петушинные бои, гулянья и торговлю, училища и театры, то есть повседневную жизнь москвичей. Завершить работу ученому не пришлось. В 1902 году вышел в свет первый том «Истории города Москвы», второй же хранится в архиве Забелина и ждет своего часа.

Член Академии, глава Археологического общества, профессор университета, Забелин в 1872 году становится во главе организованного в Москве Исторического музея. Много сил было отдано строительству здания, собиранию материалов, решению экспозиции. Последние годы музей был для Ивана Егоровича не только местом работы, он и жил в здании на Красной площади. В этой последней своей квартире он скончался 31 декабря 1908 года. «Можно смело утверждать, что смерть его вычеркнула из ряда исследователей русской старины величину очень крупную, всеми признанную и очень трудно заменимую», — говорилось в некрологе. После смерти ученого все его состояние — собрание старинных рукописей, библиотека и даже «скопленные долготелною службой и литературным трудом» деньги — было передано Историческому музею. Туда же поступил и архив, в котором сохранились дневники почти за 60 лет, не доведенные до печати работы, обширная переписка, мемуары.

Книги Забелина, изданные когда-то немалыми для своего времени тиражами, давно уже стали библиографическими редкостями. Сегодня, когда мы ищем в истории ответы на жгучие вопросы современности, разве не наступило время издать научное наследие выдающегося историка?

Ирина НИКОЛАЕВА

ОБЩИЙ ОЧЕРК СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Наше «Смутное время» — эпоха чрезвычайно любопытная и особенно замечательная именно со стороны истории народа, как можно говорить, если ограничим понятие государства только государственной властью с ее органами и представителями.

В общих чертах «Смута» представляет явление весьма своеобразное. Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое «шатание» именно государства в сказанном смысле; ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в своей единице, и в общем составе своих представителей; между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какие в нем и предполагать было невозможно.

Смута началась прежде всего во дворце, по видимости, с того важного обстоятельства, что тамошняя среда поспособствовала преждевременному прекращению Рюриковой династии с тайным намерением самой начать опасную и азартную игру в цари. Темное это дело обозначилось именем Годунова. Но Годуновых было тогда много, полно двор, и настоящий Годунов, более других сильный, способный и дальновидный, по тем самым причинам выдвинулся только наиболее заметным их типом. В существенном же смысле историю нашей Смуты нельзя начинать со дня кончины последнего Рюриковича или с прекращения только династии, ибо и здесь последним Рюриковичем в сущности был Иван Грозный. Тем менее можно ее начинать с появления первого Самозванца, который был уже прямым и непосредственным, вполне созревшим и сочным ее плодом. Смута издавна гнездилась в государевом дворе и всегда более или менее жарко вспыхивала, как скоро открывался ей выход на Божий свет, как скоро наготовлялись для нее горючие материалы. Еще за сто с лишком лет до появления Самозванцев она уже вполне ясно обозначила свои стремления и цели. Она и тогда уже пробовала начать дело тоже Самозванцем*. Ее исторические корни уходят далеко в глубину пережитых веков и могут быть указаны чуть ли не на первых страницах нашей истории. Ее корни скрывались всегда в мятежном, самовластном, своевольном и крамольном духе той среды боярства, которая крепко помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства в оное время было непререкаемое право княжеской дружины владеть Землею, господствовать в Земле за одно со своим князем; непререкаемое право властвовать даже над самим князем, указывать ему, не выпускать его из своей воли — право очень древнее, которое в первое время возникло естественно, было историческою необходимостью и, так сказать, историческою нравственностью, твердым и благим уставом самой жизни. Но с течением веков, по ходу Истории, оно, если хотело быть добрым уставом жизни, должно было бы переродиться во что-либо новое, политически годное для дальнейшего развития народной истории. Между тем в течение этих веков, особенно в период княжеских междоусобий, оно еще больше усиливало только свои старые, допотопные начала жизни и поддерживало в Земле такую же нескончаемую Смуту. [...]

Однако идеи государственного единства, перешагнувши чрез множество повинных и невинных жертв, восторжествовали. Но в этой беспощадной борьбе за единодержавие

* По поводу развода Василия Ив. с Соломаниею был распространен слух о рождении его сына Георгия, которого будто бы тайно скрыли до его возраста, надеясь, когда он будет царем, отомстить за свое оскорбление.

и самодержавие государя династия, по весьма понятным причинам, все для того же единого самодержавного лица, уничтожая самое себя в побочных ветвях, должна была к концу истощить свои силы и совсем угаснуть. Это был неотразимый трагический исход дела посреди тех стихий жизни, в которых велась эта борьба. Вместе с тем это был первый акт драмы, которую мы в особенности называем «Смутным временем». Главная роль здесь принадлежит Грозному. Как губитель, он является непосредственным произведением и воспитанником Смуты. Как сказано, он в сущности и был последним государем из династии Рюрика. Второе действие драмы, где главную роль играл Годунов, началось в ночь того же дня, как умер главный герой первого действия Грозный. Тогда боярскому властолюбию открылась широкая, хотя и опасная дорога к постановке новой династии и вместе с тем открылось широкое поприще показать всей Земле, чем жили и на чем, собственно, стояли древнедружинные стремления в нашей Истории. Они в то время не только не попомнили о Земле-народе, но успели даже совсем закрепить крестьян себе в собственность.

Достигая в лице некоторых бояр царского престола, эти стремления посреди собственной же зависти и ненависти соперников и в сокрушение им стали делать всяческие подлоги и неслыханные по коварству преступления. Вся правящая и владеющая среда в государстве утратила таким образом в глазах народа и малейшее нравственное значение. Она вся изолгалась, перессорилась, потянула в разные стороны, завела себе особых царей, кто иноземных, кто доморожденных, преследуя, от первого и до последнего человека, лишь одни цели — захват власти, захват владения. [...]

Когда, как мы сказали, государь — хозяин дома помер, не оставив прямого наследника, то слуги-холопы бросились к его сундукам, стали хватать именье, разумеется, без пощады уничтожая соперников... Иные осиливали всех (Годунов, Шуйский) и успевали всенародно записать все именье за одним своим лицом... Иные, желая отнять таким способом захваченное наследство, представляли поддельного наследника-самозванца и для помощи своему делу приводили в дом иноземные полки, собирали всяких безыменных гулящих людей... Иные, наконец, кто с желанием успокоить государство, а кто с желанием тоже положить в мутной воде рыбу, отделились Западным, как говорил в одной из своих грамот в Нижний Новгород знаменитый Прокопий Ляпунов, призвали на владенье соседа (Польского королевича или собственно поляков). Сосед, давнишний завистник покойника, был очень рад такому случаю и стал владеть и хозяйничать в доме по-свойски...

Однако все эти разновидности на взгляд стремления и действия тянули к одному, или обнаруживали одно: боярин подыскивался на царство, хотел быть царем; рядовой дворянин подыскивался на боярство, хотел боярского сана и боярских вотчин; низшая степень — холоп (не царский, а боярский) искал казачества, — для него это был такой же боярский сан и чин. Все искали и хватали себе побольше личного благополучия и вовсе забывали о том, что надо было всей Земле.

Сирота-народ долго стоял перед домом покойника и все видел, и все слышал, что там творилось, и прямо называл все это дело воровством, а всех заводчиков Смуты — ворами. Но он не знал, как помочь беде, как взяться за дело. Он было сначала сам смешался с холопскою толпою, вместе с боярскими людьми и под предводительством холопа Болотникова доходил даже до Москвы, а по городам стал было казнить по-своему, даже распинать на стенах воевод, отомщая боярскому сословию все старые его обиды и общую теперешнюю Смуту. Но скоро он понял, что все это было холопское дело, что ему здесь кроме своих боков отстаивать и защищать нечего. [...]

Оставалась очередь за «сиротами». Они в то время, в лице своего старосты Козьмы, и кликнули свой знаменитый клич, что если помогать отечеству, так не пожалеть ни

жизни и ничего; не то что думать о каком захвате, или искать боярских чинов, боярских вотчин и всяких личных выгод, а отдать все свое, жен, детей, дворы, именье продавать, закладывать, да бить челом, чтоб кто вступился за истинную православную веру и взял бы на себя воеводство. Этот клич знаменит и поистине велик потому, что он выразил нравственный, гражданский поворот общества с кривых дорог на прямой путь. [...]

И вот здесь-то, в этот момент нашей Истории, и представляется до крайности любопытное и назидательное зрелище: спокойный, вечно страдающий и бедствующий сирота-народ двинулся собранным на свои последние деньги ополчением усмирять буйство своего правительства; двинулся восстанавливать в государстве тишину и спокойствие, нарушенное не им, народом, а его правительством, которое между тем всегда жаловалось только на бунты и неповиновение народа же; он пришел спасать, поднимать правительство, изнеможенное в крамолах и смутах, запредавшее родную Землю в иноверные руки; пришел выручать из беды свое правительство, сидевшее, по своей же вине и в том же Кремле, в плену у поляков.

Ясно, что все герои этого движения должны быть иные люди, чем герои прежнего движения. Они не порывисты, как Ляпунов, степенны, до крайности осторожны и осмотрительны, а потому медлительны, и от того на театральный взгляд вовсе не замечательны и даже не заметны. Но так всегда бывает со всеми, когда люди работают не для себя, а для общего дела, когда они вперед выставляют не свою личность (как Ляпунов), а прежде всего это общее дело. Общее дело, которое несли на своих плечах наши герои, Минин и Пожарский, совсем покрыло их личности; из-за него их вовсе не было видно, и они вовсе о том не думали, видно их, или не видно. [...]

Они шли не переставлять, а уставлять покой и тишину и соединение государству, «как было доселе, как было при прежних государях». Так они сами говорили и писали. Понятно, что по этому пути ничего особенного, яркого, театрального, сделать было невозможно. Герои принимают облики рядовых людей и, когда оканчивается их подвиг, на самом деле поступают в рядовые и ничем театральным не выказываются перед всенародными очами.

Тем не меньше нижегородский подвиг в нашей истории дело великое, величайшее из всех наших исторических дел, потому что оно в полном смысле дело народное, созданное исключительно руками и жертвами самого сироты-народа, у которого все другие сословия явились в этот раз только помощателями...

ДОМАШНИЙ БЫТ РУССКИХ ЦАРЕЙ В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

Первым самым неотменным делом при рождении ребенка была особенная забота смерти долготу его роста и широту его объема, дабы по этой мере написать икону Ангела новорожденного, меру рождения дитяти. Такие иконы, по государеву указу, обыкновенно поручали писать самым искусным иконописцам. Так, в 1634 г. знаменитый иконописец того времени Иван Паисейн писал меру царевны Софьи Михайловны (род. 1634. сентября 15). В 1665 г. Апр. 24 меру царевича Симеона Алекс. писал иконописец Федор Евтифеев на кипарисной доске. В 1666 г. сентября 19 писана на кипарисной доске длиною 10½, шир. 3½ вершка мера царевича Иоанна Алексеевича его ангел образ Иоанна Предтечи. Писал иконописец Степан Рязанец. В 1672 г. с 1 июня знаменитый же иконописец Симон Ушаков писал меру царевича Петра Алексеевича образ Живоначальной Троицы да св. апостола Петра на кипарисной доске длиною 11, шир. 3 вершка. Доска длиною

¾ аршина, шир. ¼ арш. была куплена за 1 р. 50 к. и обделана в назначенную величину. Назнаменив икону и написав ризы до лиц, Симон заболел и икону-лица дописывал уже иконописец Федор Козлов. На другой 1673 год Симон Ушаков писал меру новорожденной царевны Наталии Алексеевны (род. 1673 г. августа 22) в тезоименитство вмч. Наталии на липовой доске длиною 10, шир. 3 вершка. В 1690 году написана мера царевича Алексея Петровича на кипарисной доске.

В том же 1690 году июня 28 иконописец Тихон Иванов писал образ мученицы Феодосии, меру царевны Феодосии, дочери царя Ивана Алексеевича (род. 4 июня), вместо прежней меры, написанной не против размера, на кипарисной доске длиною 11, шир. 4 вершка. Велено писать в хоромы царицы Прасковии Федоровны самым добрым мастерством.

Эти иконы украшались богатыми окладами, как можно судить по описанию меры царевича Алексея Алексеевича, на которой был «оклад золот в венце яхонтик червчат да два изумрудца; в цате два яхонтика червчатых да изумрудец; по полям 8 запонок, а в них искорки алмазные и яхонтовые и изумрудцы, да в гнездах два яхонтика червчатые да два изумрудца; венец и цата и поля обнизаны жемчугом». Само собою разумеется, что эта святыня находилась всегда в детской моленной, а по смерти детей или возрастных уже лиц ставилась над их гробами, что можно видеть и до наших дней в Архангельском соборе и в Вознесенском монастыре в Москве. Мера рождения Петра Великого находится также пред гробом Преобразователя в Петропавловском соборе в Петербурге...

По истечение года у дитяти снимали первые волосы. Царевне Ирине Михайловне снимала волосы в это время бабушка ее, Великая старица инока Марфа Ивановна, что и заставляла предполагать, что этот обряд исполняли только самые ближайшие родственницы и воспреемники. О последнем можно заключить также из слов молитвы на первое стрижение волос у младенца, которую в это время говорил царский духовник. Молитва эта находится в Требниках. По свершении обряда, особа, снимавшая волосы, благословляла ребенка золотым крестом с мощами.

Обычай снимать первые волосы наблюдается, по словам Татищева, и в его время между знатными людьми; но он говорит, что это подстригание совершалось по прошествии семи лет, и притом на седле со стрелами. В современном деревенском быту детям также не стригут волос до году; в иных местах, когда мальчику минет год, стрижение волос делают с некоторою торжественностью: приносят седло, сажают на него ребенка и подстригают ему волосы. В Нерехетском уезде (Костромской губ.) это делают в именины младенца и для снятия волос призывают отца и мать крестных.

В Тульской губернии этот обычай наблюдается следующим образом: зажигают перед иконами свечу, ставят на стол хлеб-соль, сажают ребенка на угол стола, или на лавку, и непременно на шубе, молятся все Богу и потом стригут волосы. У богатых за этим следует пирушка.

Нельзя не отметить сходства этого обряда с древними постригами; но там, сколько известно, обрезывание первых волос совершалось только у детей мужского пола по истечение двух, трех и четырех лет от рождения, следовательно, не в одно время, зато всегда с особенным торжеством и в соединении с другим обрядом — сажанием на коня. В 1192 году «быша постригы у великого князя Всеволода сыну его Георгеви (родился в 1188 году) в граде Суждали; того же дня и на конь его всади, и бысть радость велика в граде Суждали... В 1230 году князь Михаил сотвори пострегы сынови своему Ростиславу, в Новгороде, у св. Софии и уя влас архиепископом Спиридом...» В 1301 году ноября 8 были постриги у князя Михаила Тверского сыну его Дмитрию. Гораздо позже постриги были совершены князю Юрию Ивановичу, сыну Иоанна III. Татищев говорит, что «по прошествии седми лет его на седле со стрелами

подстригали, и на конь посадили, притом же люди знатные, власно как при крещении кумовья бывали».

Характер древней педагогики был таков, что нельзя было выучиться читать, не выучив вместе с тем наизусть и всего содержания азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повторение задов, без твердого знания которых нельзя было и заглянуть вперед в новую страницу. Ученье происходило обыкновенно вслух и нараспев, как следовало читать во время церковной службы, что также может свидетельствовать, что первоначальной целью книжного учения было собственно приготовление церковнослужителей. Заучиванием наизусть молитв и службы, даже без знания азбуки,—приготавливались попы и все церковнослужители. Да и вообще и в самом гражданском быту церковные книги в то время иначе и не читались, как нараспев, с соблюдением всех особенных тонических ударений. [...]

При таком характере древней педагогики, без сомнения, выучиться грамоте было не совсем легко: это был такой сухой и тяжелый труд, о котором в настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятие. Старинная грамота являлась детям не снисходительно и любящею нянею, как теперь, в возможной простоте и доступности, с полным вниманием к детским силам, а являлась она сухим и суровым дидактизмом, с книгою и указкою в одной руке и с розгою в другой.

Обряды и разные обыкновения, которые при Московском дворе сопровождали приемы гостя, шли от глубокой старины.

Давая стол великому послу или высокой особе царского достоинства и духовного сана, государь предварительно делал гостю церемониальный прием. Гость прежде стола должен был видеть пресветлые очи государя. В назначенный день за гостем посылали царский экипаж, великолепно убранный, карету или сани, смотря по времени года. Объявить царское приглашение ездил окольничий с посольским приставом. Поезд окольничего и царского экипажа за гостем был так же церемониален, как и всякий шаг в подобных случаях.

Еще с раннего утра от двора, где стоял гость, и до Красного крыльца во дворце, по обе стороны дороги стоял уже строй стрельцов «с ружьем, с знаменым и с барабаны» в служилом цветном платье. При этом и самые улицы, по которым назначалось шествие, очищались и прибирались. Навстречу высокому гостю выезжали выборные сотни, или роты из стольников, стряпчих, дворян, жильцов, дяков и других чиновников, а также сотни низших придворных служителей и солдатские полки, хорошо вооруженные и одетые в цветное платье. Каждая сотня и каждый полк отличались особым цветом кафтанов. Самый поезд гостя сопровождали чиновники, посланные звать его к столу. Пристав ехал иногда в одном экипаже с гостем, другие ехали по сторонам и позади, за экипажем. Поезд открывал стрелецкий полковник. Кроме того около поезда шли дворовые люди конюшенного чина в атласных червчатых кафтанах, с протазанами (род алебарды) в руках [...]

Проходивших к государю гостей никто не приветствовал даже и наклоном головы. Нередко это приводило в смущение, ставило в неловкое положение послов, и они, не понимая московского этикета, не знали чем отвечать на такой холодный прием придворных. А так как в посольских аудиенциях все шаги были размерены, все поступки строго взвешены, то посол, отмечая в своих записках подобный прием, писал, что и он в этом случае вел себя так же сухо и холодно. Во дворце на лестнице и на крыльце (говорит Варкоч) «стояло множество бояр в лохматых шапках и кафтанах, шитых золотом. Ни один из них не поклонился мне, почему и я, с моей стороны, не сделал им никакого приветствия».

Проехав церемониально среди войска, гость останавливался наконец у дворцового крыльца. Здесь ему делались

почетные встречи. Обыкновенно их было три: первая, вторая, третья — меньшая, средняя и большая, именно: первая при выходе из экипажа у лестницы, вторая на крыльце у сеней, третья в сенях у дверей Приемной палаты. Но в чрезвычайных случаях, когда государь желал оказать гостю больший против обыкновенного почет, давалась еще четвертая встреча, которая называлась также же большою; третья же вместе со второю в таком случае были уже средними. Четвертая встреча, в Грановитой Палате у дверей, дана в 1668 году патриарху антиохийскому Макарию. [...]

Великолепие, торжественность, среди которой являлся государь в подобных аудиенциях, изумляли всякого, кто вступал в Приемную палату. Наряд Приемной палаты также разделялся на большой, средний и меньшой, смотря по достоинству и богатству предметов, которые были употребляемы на уборку залы.

Еще до приезда гостя государь приходил в палату, облакался в большой царский наряд и садился в своем царском месте, то есть на троне, в венце, в царском платне (древняя порфира) и диадеме или бармах, со скипетром в руках. Блистающий драгоценный наряд государя изумлял гостя еще более, чем все доселе им виденное. «С нами то же случилось», пишет очевидец царской аудиенции в XVII столетии, «что бывает с людьми, вышедшими из тьмы и ослепленными внезапным сиянием солнца; едва могли глаза наши сносить блеск великолепия, когда мы вошли в палату. Казалось, что яркость сияния, от дорогих камней изливающегося, спорила с лучами солнечными, так что мы совершенно потерялись в сем смешении блеска и величия. Сам царь, подобно горящему солнцу, изливала от себя лучи света». Кобенцель, описывая свой приезд к царю Ивану Васильевичу, замечает, что венец, который был в то время на царя, по своей ценности превосходил и диадему его святейшества папы и короны королей испанского и французского и герцога тосканского и даже корону самого цесаря и короля венгерского и богемского, которые он видел. «Мантия великого князя (продолжает Кобенцель) была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугом величиной в орех, так что должно было удивляться, как он мог сдержат на себе столько тяжести». По сторонам трона стояли, по двое с каждой, рынды — красивые молодые люди из стольников, в богатых белых одеждах с золотыми цепями на груди, перевязанными крест на крест, держа на плечах топоры, или секиры, остриями кверху. При Алексее Михайловиче, кроме рынд, по сторонам трона стояли иногда двое голов стрелецких с мечами и по шести человек со стороны сотников стрелецких с алебардами.

Не доходя на несколько шагов до царского места, гость останавливался и кланялся, бил челом, причем боярин или окольничий, смотря по значению лица, объявлял его государю, сказывая его имя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1862. Т. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1869.
2. Забелин И. Е. Опыт изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. Т. 1—2. М., 1872—1873.
3. Забелин И. Е. Миния и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время. М., 1883.
4. Забелин И. Е. История Москвы, написанная по поручению Московской городской Думы. Ч. 1. М., 1902.
5. Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984.
6. И. Е. Забелин: библиографический указатель. М., 1988.

О Колчаке и его режиме, существовавшем в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке с ноября 1918 по январь 1920 года, написано множество научных статей, монографий, воспоминаний и художественных произведений. Наиболее обильный урожай книг по истории колчаковщины дали двадцатые годы. За границы, от Китая до Югославии, в это время выходит целый ряд книг, посвященных Колчаку и его диктатуре. Среди них наиболее интересны двухтомник воспоминаний бывшего управляющего делами колчаковского Соезета министров Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» (Пekin, 1921), книга С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака» (Белград, 1930—1931), воспоминания-исследование генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923), брошюра М. И. Смирнова «Адмирал Колчак» (Париж, 1930).

В Советском Союзе в это время издаются воспоминания бывшего главнокомандующего войсками Уфимской дирекции В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты» (Новосибирск, 1925), сборник воспоминаний и статей «участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией» «Борьба за Урал и Сибирь» (Москва — Ленинград, 1926), военно-исторический очерк Г. Д. Гая «Первый удар по Колчаку» (Ленинград, 1926), а также различные сборники документов, статей и воспоминаний.

В двадцатых годах в нашей стране не боялись публиковать мемуары контрреволюционеров. Но вскоре эти книги легли в тишь спецхранов и были извлечены оттуда только в конце восьмидесятых. Конечно, специалистам эти издания знакомы. Широкому же кругу читателей — нет. В 1927 году в серийном издании «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» вышел том «Гражданская война в Сибири и Северной области», в котором были помещены фрагменты из воспоминаний Н. Д. Авксентьева, Д. Ф. Ракова, К. В. Сахарова, Г. К. Гинса, барона Будберг и других. В 1930 году увидел свет сборник «Колчаковщина (Из мемуаров активных деятелей белогвардейщины. Собрано П. Е. Щеголевым)». Там были помещены отрывки из воспоминаний Г. К. Гинса, из «сибирского дневника» французского генерала М. Жанене, а также стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством «Политическому центру» в январе 1920 года.

В 1925 году в Ленинграде отдельной книгой, под грифом Централархива издаются «Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (стенографический отчет)». Однако текст допроса Колчака был впервые опубликован еще раньше, в 1923 году, в десятом номере «Архива русской революции», издававшегося Гессеном в Берлине. В редакционной статье советского издания говорится: «Сверка опубликованного текста показывает, что редакция «Архива русской революции» имела в своих руках небрежно перепечатанную копию допроса. Опубликованный текст пестрит бесчисленным количеством грубейших ошибок и опечаток, извращающих смысл показаний Колчака».

Сегодня мы предлагаем читателям наиболее интересные, на наш взгляд, выдержки из протоколов допроса адмирала Колчака.

Александр УШАКОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ТРАГЕДИЯ КОЛЧАКА — ТРАГЕДИЯ «БЕЛОГО ДЕЛА»

Генрих ИОФФЕ,
доктор исторических наук

С историей адмирала Колчака и восточной контрреволюции, которую он возглавлял с конца 1918-го до начала 1920 года, мне довелось, так сказать, столкнуться дважды. Впервые — давно, еще в студенческие годы, в конце 40-х. Тогда из «Краткого курса истории ВКП(б)» мы узнавали, что Колчак являлся «ставленником Антанты в Сибири», был разгромлен и про него народ в Сибири распевал песенку:

*Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся.*

Все было просто...

Вторично пришлось познакомиться с историей «колчаковщины» в конце 70-х — начале 80-х годов в ходе работы над монографией о сибирском регионе белого движения (Иоффе Г. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983). Установки «Краткого курса» были уже отброшены, однако внутренний цензор, вызванный к жизни 40 лет назад, продолжал активно действовать, подкрепляемый к тому же цензором внешним. Далеко не все и тогда позволялось говорить, но круг источников и литература, которую уже можно было изучать, в прах рассыпали давнее представление о Колчаке, созданное веселой, опереточной песенкой из «Краткого курса», а потом закрепленное некоторыми нашими книгами. Они не были, конечно, столь примитивны, но в чем-то главном, пожалуй, повторяли давний простецкий мотив.

Разительной оказывалась полярность оценок. Я прочитал вышедший еще в начале 30-х годов в Белграде трехтомный труд С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака». То было не высокомерно-ерническое «подсмейвание» над поверженными в Сибири белыми, а попытка понять трагизм их отчаянной борьбы и жестокого поражения, за которое и красным пришлось дорого заплатить. Председатель Иркутского ВРК А. Ширямов позднее писал: «Они знали себе цену, знали, что их ожидает в случае встречи с красными, и их путь, этот «ледяной поход», сопровождался неописуемыми жестокостями, расстрелами, грабежами и издевательствами над мирным населением... Они заразили тифом поголовно все население местностей, через которые проходили. Сотни трупов замученных ими людей оставались после их похода».

Теперь, когда мы восстанавливаем вычеркнутые или забытые имена, мне кажется, надо вспомнить и о С. П. Мельгунове. Быть может, разговор о нем впереди. Когда мы приступим к более глубокому осмыслению истории гражданской войны в России, уверен, без книг Мельгунова не обойтись.

Так в чем же была трагедия Колчака? Только лишь в страшной личной судьбе или в чем-то более широком?

Сын участника Крымской войны, известного специалиста по артиллерийской технике¹, отважный полярный исследователь и моряк, талантливый

¹ Перу В. И. Колчака принадлежат интересные воспоминания и история Обуховского завода, вышедшие в свет в 1903—1904 годах.

флотоводец, Александр Васильевич Колчак в 1916—1917 годах командовал Черноморским флотом. «Революционная анархия» вынудила его оставить свой пост. Вернувшись в Петроград, Колчак на некоторое время становится одной из надежд правых сил, уже осознавших, что Временное правительство не в состоянии стабилизировать положение в стране, покончить с революцией. Однако по приглашению американцев в конце июля 1917 года вице-адмирал уезжает в США. Только в конце октября он решил возвратиться в Россию. Сообщение об Октябрьской революции и Брестских переговорах задержали его в Японии. Здесь он вступил в английскую армию, но англичанам Колчак был нужен не на далеком Месопотамском фронте, а на Дальнем Востоке, в Сибири. В Омске уже правила эсеров-кадетская Директория, по убеждению белогвардейской военщины и интервентов неспособная успешно вести борьбу с большевиками.

18 ноября 1918 года группа офицеров-монархистов совершила переворот: Директория была свергнута, Колчак объявлен «верховным правителем». Так вихрем событий и, конечно, собственной ненавистью к революции Колчак был вовлечен в борьбу с большевизмом, с Советской властью. Разбитый Красной Армией, он попал в плен. Те, кто видел его в иркутской тюрьме, свидетельствуют, что он страшно постарел, был бледен, замкнут, но спокоен. Он знал, что его ждет. Глухой февральской ночью 1920 года его вместе с главой правительства В. Петеляевым по постановлению иркутского ревкома расстрелял красногвардейский наряд.

В мае 1920 года в Омске состоялся суд над группой (23 человека) бывших колчаковских министров и высших чиновников. Приговор следует процитировать (он малоизвестен): «Чрезвычайный трибунал при Сибревкоме, рассмотрев дело членов самозванного и мятежного правительства Колчака, постановляет признать доказанным участие подсудимых в бунте и восстании при помощи и поддержке иностранных правительств против власти рабочих и крестьян с целью восстановить старый строй, в организации подсудимыми истребительной вооруженной борьбы против власти рабочих и крестьян России, в предательском призыве подсудимыми вооруженных сил империалистических правительств против страны, к которой они принадлежали, организации массового разрушения достояния Советской республики и имущества трудового населения России, организации системы массовых групповых и единичных убийств трудового населения России; считаясь с тем, как это доказано на судебном следствии, что подсудимые Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов, Клафтон сохранили в настоящее время связи с противосоветскими группами и организациями, которые могут им облегчить повторение перечисленных преступлений, Ревтрибунал признает поименованных подсудимых опасными для общественного строя Советской республики и постановляет подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Клафтона и Ларионова расстрелять. Остальных подсудимых подвергнуть лишению свободы с применением принудительных работ...»

Председатель Ревтрибунала Павлуновский, члены суда Косырев, Бойков, Мамонтов, Щетинин».

Приговоренные к казни обратились во ВЦИК с просьбой о помиловании. «Даем слово, — телеграфировали они, — не участвовать в какой-либо борьбе с Советской властью, относиться к ней с полной лояльностью и, если понадобится, честно служить ей». Однако со своей стороны Сибревком настаивал на приведении приговора в исполнение. Предсибревкома И. Смирнов сообщал в Москву, что всякая задержка в этом «вызовет недовольство широких масс рабочих и крестьян. Мнение облбюро прежнее, т. е. четверо должны быть расстреляны»¹. 19 июня 1920 года ВЦИК отклонил просьбу о помиловании. Омские газеты писали: «Восставший трудовой народ ищет не мести, а справедливости». Так закончилась «колчаковщина». Остатки ее ушли в Маньчжурию и Китай; многие влачили там жалкое существование, но не без гордости вспоминали свое боевое прошлое. Поэт колчаковской эмиграции Арсений Несмелов писал:

*Состаримся скоро и аырем
В безлюдье китайском глухом...
Но все же, конторская мымра,
Сам Ленин был нашим врагом!..*

Адмирал Колчак был расстрелян как «верховный правитель» антисоветской России (к лету 1919 года все другие белогвардейские лидеры объявили

¹ Дается по архивным документам.

о своем подчинении ему), и его личная трагедия, как и личная трагедия тех, кто оказался в его окружении, была лишь следствием, результатом трагедии «белого дела» в целом. Но понять ее намного труднее, чем драму самого Колчака и его министров. Необходимо глубоко осознать природу и характер российской революции, всей переломной эпохи, рожденной ею. Между тем сталинский «Краткий курс», надолго заложивший «методологические основы» нашей историографии, не только не способствовал такому осознанию, но и извращал его. И совсем не только

потому, что, как это принято думать, он, этот «курс», очернил и вычеркнул из истории имена многих творцов революции. Главный грех, на мой взгляд, заключался все-таки в другом: в напористой попытке изобразить революцию плодом организационной деятельности партии большевиков. Революция была мощным социальным взрывом, во многом подготовленным деградацией старых общественных и государственных структур, которые правящий класс в згоистической слепоте своей власти пытался сохранить или в лучшем случае как-то подновить. Именно это упорство придало взрыву колоссальную разрушительную силу. Можно по-разному оценивать его смысл и значение теперь, но, пожалуй, невозможно оспорить одно: в тот момент массы, миллионы «простых», «рядовых» людей сами творили историю, плохо ли, хорошо ли, но сами! На поверхности бушующего моря революции развернулась яростная борьба разных политических потоков. Полагать, что по одну ее сторону находились «низы» — рабочие и крестьяне, а по другую — «верхи» — буржуа и помещики, — по меньшей мере упрощение. Вот почему выбор позиции в нарастающей стихии революции и гражданской войны, перепахавшей Россию вдоль и поперек, был нелегким интеллектуальным и нравственным делом, даже подвигом. И в белье уходили люди морально чистые, искренне верившие, что на той стороне они высоко понесут «национальную идею», идею спасения и восстановления Российского государства. Но точно так же, как революция, взяв разбег, непрерывно левеет, выдвигая в политический авангард все более радикальные группы, стремящиеся довести ее до конца, так же и контрреволюция, начав борьбу, уходит под все

более правые знамена, фактически сражается за восстановление того, что историей уже обречено и, по крайней мере полностью, невозвратимо. И тогда почва уходит из-под ног, «святая идея» выхолащивается. «Белое дело» вырождается в мстительную попытку классового реванша, разгул насилия, злобное торжество сознающей свое бессилие реакции.

Вот только один документ: «Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего. г. Омск, 27 марта 1919 г. № 273.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий повелел:

1. Всех военнопленных красноармейцев при отправлении в тыл делить на четыре категории: 1) добровольцы из рабочих и бывших моряков, 2) добровольцы из крестьян-хлебопашцев, 3) мобилизованные красноармейцы тех сроков службы и категории, кои призваны на службу в действующую армию на театре военных действий, 4) мобилизованные красноармейцы, сроков службы и категории, не призванных у нас к отбыванию воинской повинности.

2. Красноармейцев 1-й и 2-й категорий препроводить при именных списках в тюрьмы и лагеря военнопленных... для последующего предания их распоряжением командующих армиями военнопольному суду за государственную измену...»

Часто это означало расстрел. Тысячи, если не десятки тысяч, были отправлены, по саркастическому выражению колчаковских офицеров-монархистов, в «республику Иртыш». Многие бывшие идеологи «белого дела» признали потом его вырождение в самую свирепую реакцию. Милюков писал, что на деле оно стремилось перерешить аграрный вопрос «в интересах помещичьего класса», восстановить господство военной и чиновной бюрократии времен царизма, вопреки даже собственным интересам, осуществить лозунг «единой и неделимой России». Именно это, считал Милюков, оттолкнуло от белогвардейцев демократические элементы России и ее «окраин»¹. Если большевики в годы «военного коммунизма» порой бездумно пытались «красногвардейской атакой» до конца разрушить и добить «старый мир», чтобы на его руинах создать совершенно новый, то их враги во время своего «военного антикоммунизма» старались «белогвардейской атакой» спасти и восстановить уже разрушенное, уже отвергнутое. Не в этом ли — в безжалостном поправании и отвержении демократизма — и заключались глубинные истоки трагедии «белого дела»? Как и последующая трагедия октябрьского большевизма, не сумевшего после Ленина твердо осуществить поворот от гражданской войны к гражданскому миру?

Нам предстоит ответить еще на много вопросов нашего прошлого, не останавливаясь ни перед какой правдой. Ведь как сказал Иешуа прокуратору в булгаковском «Мастере и Маргарите», «правду говорить легко и приятно»...

¹ Милюков П. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926, с. 133.

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

21-го января 1920 года

Попов. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией, в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского, для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак...

Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являлись Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске, — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав [...]

Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя — Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер... Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный; до времени поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери...

Свое образование я начал в 6-й петроградской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса; затем в 1888 году я поступил в морской корпус и окончил в нем свое воспитание в 1894 году. В морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне было тогда 19 лет...

Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время;

ВОТ ЧТО ИДЕТ ВМЕСТЕ С КОЛЧАКОМ!

1) Крестьяне! Если вы не хотите, чтобы пришли англо-франко-американские капиталисты и поработорили вас.
2) если не хотите, чтобы помещики отняли у вас землю.
3) чтобы урядники и исправники снова владелись и бесчестили детей и жен ваших.
4) если вы не хотите, чтобы на радость кулакам и полам вас опять спанвали водкой и разорили ваше хозяйство — идите записывайтесь в Красную Армию и защищайте Советскую Россию.

писал записки, изучал южно-полярные страны. У меня была мечта найти южный полюс; но я так и не попал в плавание на южном океане [...]

В сентябре месяце [1899 года] я ушел на «Петропавловск» в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток, и в сентябре прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толля принять участие в организуемой Академией Наук под его командованием северной полярной экспедиции, в качестве гидролога этой экспедиции... Мне было предложено, кроме гидрологии, принять на себя еще должность второго магнитолога экспедиции... Для того, чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 году...

Экспедиция ушла в 1900 году и пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельном; затем, на 3-й год, барон Толль, видя, что нам все не удается пробраться на север от Ново-Сибирских островов, предпринял эту экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов...

В виду того, что у нас кончались запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенетта и обследовать ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Ново-Сибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 году, весной, барон Толль ушел от нас с Зеебергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Бенетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Бенетта, но это нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход «Лена» и снял всю экспедицию с устья Тикси... На заседании Академии Наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию... Я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на землю Бенетта

для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, и так как на «Заре» это сделать было невозможно (был декабрь, а весной надо было быть на Ново-Сибирских островах, чтобы использовать лето), — «Заря» была вся разбита, — то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенетта и, если нужно, даже на поиски барона Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предложение барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению...

Мы очень скоро... пробрались к тому месту, где барон Толль со своей партией находились на этом острове. ...В конце ноября 1902 года барон Толль решил на отчаянный шаг — идти на юг в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40°, когда море, в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться совершенно почти невозможно ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком. В такой обстановке, в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ его кончается такими словами: «Сегодня отправились на юг; все здоровы, провизии на 14 дней». Партия, конечно, вся погибла [...]

Результат пребывания на севере — ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный фронт, заставили меня в сентябре просить назначения на сухопутный фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня [...]

С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией Наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена. Все мои труды по гидрологии и магнитологии, съемки были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии Наук и осенью 1905 года занимался в Академии Наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим обществом. Затем в Географическом обществе я получил научную высшую награду за свои последние экспедиции — большую Константиновскую золотую медаль...

В 1906 году... после того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решила заняться самостоятельной работой, чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем как-нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в этом году, возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор... Нашей задачей являлась идея возрождения нашего флота и морского могущества.

Группа этих морских офицеров, с разрешения морского министра, образовала военно-морской кружок, полуофициальный... В конце концов, мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания морского генерального штаба, т.е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было...

...В 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т.д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли в 1915 году, указывало на то, что эта война должна быть...

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 23-го января 1920 года

Алексеевский. ...Комиссия считает необходимым поставить вам вопросы о ваших политических взглядах в молодости, в зрелом возрасте и теперь, а также о политических взглядах вашей семьи.

Колчак. Моя семья была чисто военного характера и военного направления... Какими-либо политическими задачами и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил, когда я поступил в корпус, я начал заниматься исключительно военным делом и затем меня увлекали точные научные знания, т.е. математические и физические нау-

ки. Науками социального и политического характера я занимался очень мало [...]

Алексеевский. Скажите, адмирал, в 1904—1905 году, когда вы участвовали в русско-японской войне, вы, как человек, хорошо знающий морское дело и изучавший в деталях и на практике постановку его в России, не могли не видеть, что наши морские неудачи определились политическими обстоятельствами и в особенности тем, что во главе этого дела стоял в.кн. Алексей Александрович и что неудачи морские решили и сухопутную кампанию, — вы тогда не пришли, как и большинство интеллигентного русского общества, к выводу, что необходимы политические перемены во что бы то ни стало, хотя бы даже и путем борьбы?

Колчак. Я считал необходимым уничтожение должности генерал-адмирала, и это совершилось как результат войны. Я считал это безусловно необходимым, но главную причину я видел в постановке военного дела у нас во флоте, в отсутствии специальных органов, которые бы занимались подготовкой флота к войне, отсутствием образования. Флот не занимался своим делом, — вот главная причина; и из первого объяснения вы видите мое отношение к этому вопросу. Я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно, и она могла бы действовать.

Попов. Каково было ваше отношение, адмирал, к революции 1905 года?

Колчак. Мне с нею не пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем я вернулся, был болен и лечился, а остаток этого времени я был в Академии Наук... Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну, и считал, что главная задача, военная, заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям [...]

Алексеевский. У нас есть поговорка, что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли вы к убеждению, что именно сверху нет ничего, кроме слов, в отношении ответственности и руководства?

Колчак. Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, — мы ничего не делали [...]

...Программы, задачи, инструкции составлялись чрезвычайно резонно и логично, и обоснованно, но выполнение их было ужасно благодаря общему невежеству, отсутствию знаний у наших руководителей, отсутствию подготовленных людей для того, чтобы руководить флотом... Я вспоминаю тот период и период последней войны, — ведь ничего похожего не было. Здесь, наконец, после страшного урока у нас был флот, отзывы о котором были самые лучшие. Может быть, он был слаб и мал, но отзывы о нем английские адмиралы давали самые лестные... Минное дело стояло у нас, быть может, выше, чем где бы то ни было. К нам приезжали учиться. Меня американцы после посещения Черноморского флота вызвали к себе для того, чтобы я мог им дать данные о постановке нашего минного дела... Я повторяю, — вооруженная сила может быть создана при каком угодно строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные. Наоборот, при каком угодно строе, если такого отношения не будет, вы вооруженной силы не создадите...

Алексеевский. Таким образом, вы из неудач войны с Японией не делали никаких политических выводов?

Колчак. Нет... Но повторяю, что я, например, приветствовал такое явление, как Государственная Дума, которая внесла значительное облегчение во всей последующей работе по воссозданию флота и армии. Я сам лично был в очень тесном соприкосновении с Государственной Думой, работал там все время в комиссиях и знаю, насколько положительные результаты дала эта работа [...]

Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменении строя. Я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял, и этим исчерпывалось все мое отношение. И, сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы [...]

Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такового не существовало в природе. До революции 1917 года я считал себя монархистом...

Попов. Какова была ваша общая политическая позиция во время революции?..

Колчак. Когда совершился переворот, я считал себя сво-

бодным от обязательств по отношению к прежней власти... Я приветствовал революцию, как возможность рассчитывать на то, что она внесет энтузиазм, — как это и было у меня в Черноморском флоте вначале, — в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего, — и образа правления, и политических соображений...

Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца, и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну...

Попов. Какой образ правления представлялся вам лично для вас наиболее желательным?

Колчак. Я затрудняюсь сказать, потому что я тогда об этом не мог еще думать. Я первый признал временное правительство, считал, что, как временная форма, оно является при данных условиях желательным; его надо поддержать всеми силами; что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия будет, вероятно, совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают...

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 30-го января 1920 года

Алексеевский. [...] До вас в Японию доходили известия о том, что в Западной Сибири образовалось западно-сибирское правительство, и как вы к этому относились?

Колчак. Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось западно-сибирское правительство. Были неясные слухи о том, что в Самаре собирается съезд членов учредительного собрания, были первые намеки на образование Директории, — это были все отрывочные и неопределенные сведения. Из них самое серьезное это то, что омскому правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сибири и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевистской власти, поддерживало главным образом, в лице сибирской кооперации, власть этого правительства. Ни характера этого правительства, ни его целей и тенденций я не знал. Я знал только, что оно противобольшевистское...

Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое, — я не мог забыть, что я там бывал во время империи. Тогда мы были хозяевами. Это был наш порт, наш город. Теперь же там распоряжались кто угодно. Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибывали, а наше положение было глубоко униженно, глубоко печально. Я чувствовал, что Владивосток не является уже нашим русским городом... Я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер: — это не было помощью России, — все это выставлялось, как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке [...]

Алексеевский. А участие чехов в русской политической вооруженной гражданской войне вы не считали интервенцией союзников?

Колчак. Нет, — я считал, что чехи стоят совершенно особо. Прежде всего для меня было совершенно ясно, что чехи были поставлены в необходимость этой борьбы для того, чтобы выбраться из России. Я на чехов смотрел совершенно другими глазами, я их отделял от тех союзников, которые пришли извне.

Алексеевский. После того, как вы познакомились с деятельностью земства, вы укрепились, и ваши колебания в отношении характера образования власти в направлении единоличной власти или в направлении ее коллегиальности определились к этому времени?

Колчак. ...Всякая такая единоличная власть, единоличное верховное командование, в сущности говоря, может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями только на театре военных действий и в течение определенного, очень короткого периода времени, когда можно действовать, основываясь на чисто военных законоположениях...

Для меня было ясно, что управлять страной на основании

этого положения, в сущности говоря, нельзя... Поэтому мне казалось, что единоличная власть, как военная, должна непременно связываться еще с организованной властью гражданского типа, которая действует, подчиняясь военной власти, вне театра военных действий. Это делается для того, чтобы объединиться в одной цели ведения войны...

Алексеевский. ...Но верховная власть возглавляется только одним лицом?

Колчак. Да. Мне казалось, что именно такая организация власти в период борьбы должна существовать, и в этом убеждении я укрепились уже тогда [...]

По прибытии в Омск, я узнал о смерти Алексеева, который умер, кажется, 11-го или 12-го сентября. Там же я получил известие о смерти Корнилова, и что главнокомандующим Добровольческой армией на юге России является ген. Деникин. Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен верховным командующим и прибыл со своим штабом в Омск. По прибытии в Омск, мы встретили ген. Мартынова, моего сослуживца по Балтийскому морю и штабу Эссена, и Казимирова. Они встретили меня и спросили, что я намерен делать. Я сказал, что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России.

Они мне сказали: «Зачем вы поедете, — там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а вам надо оставаться здесь. Во всяком случае, мы вас просим организовать на первое время морских офицеров, которые здесь разбросаны по Сибири. Надо, чтобы кто-нибудь взялся за организацию этих морских частей, и вы — единственное авторитетное лицо, которое это может взять на себя»...

Затем о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне адъютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать. Я сказал, что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет, и я хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться». На это я ответил: «Что же мне здесь делать: флота здесь нет?» Он говорит: «Я думаю вас использовать для более широкой задачи, но я вам об этом скажу потом. Если вы располагаете временем, останьтесь на несколько дней»...

Через два дня после этого меня снова вызвал генерал Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского правительства в качестве военного и морского министра. Я ему на это сначала ответил отказом, потому что я могу взяться только за морское ведомство, какового сейчас создавать нельзя, а пока надо постараться разобраться, какие здесь имеются ресурсы, средства, личный состав, привести все это в порядок, и тогда можно будет создать какой-нибудь орган. Что касается военного министерства, — то — что такое военное министерство во время войны? Я просто-напросто не хотел брать на себя этой обязанности. Болдырев тем не менее очень настаивал: «Не отклоняйте этого предложения. Если вы увидите, что дело не пойдет у вас, никто вас не связывает, вы всегда можете его оставить, — но сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы известными именем и доверием, кроме вас. Поэтому я вас прошу, обращаясь к вашему служебному долгу, чтобы вы мне помогли, вступивши в должность военного и морского министра» [...]

Двнико. А не возникало ли у вас с Болдыревым разговора, в связи с предложением министерского поста, об общем положении, в какой мере возможно и удобно вам работать с Директорией, в какой мере Директория вообще может принять ваши взгляды?

Колчак. Нет. Болдырев меня не запрашивал, — мы вели чисто деловой разговор.

Алексеевский. Словом, вы смотрели на это предложение несколько профессионально и политических возражений не делали?

Колчак. Нет, с Болдыревым я об этом не разговаривал, но я сознательно шел на службу к Директории.

Публикация Александра УШАКОВА

Алексей БУДБЕРГ

ДНЕВНИК БЕЛОГВАРДЕЙЦА. (Колчаковская эпопея)

Отрывок из книги

30 апреля 1919 года. Являлся верховному правительству; в Харбине его я ни разу не видал, знал о нем только по рассказам и внутренне был против него предубежден. Вынес симпатичное впечатление: несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив — озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего — вот то, что дало мне наше первое свидание для его характеристики.

По просьбе адмирала рассказал ему свои впечатления о харбинской и владивостокской военной, политической и общественной жизни; высказал свое сredo, что атаманы и атаманищина — это самые опасные подводные камни на нашем пути к восстановлению государственности и что необходимо напрячь все силы, но добиться того, чтобы или заставить атаманов перейти на законное положение и искренно лечь на курс общей государственной работы, или сломать их беспощадно, не останавливаясь ни перед чем.

Адмирал ответил, что он давно уже начал эту борьбу, но он бессилён что-либо сделать с Семеновым, ибо последнего поддерживают японцы, а союзники решительно отказались вмешаться в это дело и помочь адмиралу; при этом Колчак подчеркнул, что за Семенова заступаются не только японские военные представители, но и японское правительство.

Боюсь, что по этой части адмирала обманывают его докладчики, а особенно Иванов-Ринов и другие спасители Семенова; общее впечатление моих дальневосточных впечатлений, что дальневосточную атаманищину поддерживают определенные лица японской военной партии и делают это ловко, придавая всему вид тайной правительственной поддержки.

Адмирал сообщил, что только что получил от Иванова-Ринова две листовых телеграммы о том, что все спасение Дальнего Востока в назначении Семенова командующим дальневосточной армией; очевидно, читинские фамилии так вскружили голову бывшей полицейской ярыжке, что он возомнил, что в союзе с Семеновым ему легко будет забраться и повысить второго места на Дальнем Востоке.

Я вновь доложил адмиралу свое убеждение в необходимости раз навсегда разрешить атаманский вопрос и высказал свой взгляд, что единственным исходом будет официальное обращение ко всем союзникам с протестом против поведения Японии, поддерживающей явного бунтовщика, не признающего власти омского правительства, подрываю-

щего ее авторитет и насаждающего своими насилиями и безобразиями ненависть к правительству и сочувствие к большевикам. Раз союзники заявляют, что не желают вмешиваться в наши внутренние дела, то зачем же они допускают японцев поддерживать антиправительственную организацию и вмешиваться в отношения адмирала к взбунтовавшемуся и забывшемуся подчиненному?

Если же это не поможет, то самому адмиралу надо принять командование над отрядом и идти на Читу; пусть японцы устраивают все светлый скандал и разоружают самого верховного главнокомандующего. Читинский нарыв надо ликвидировать, иначе он все сгноит и задушит.

Радикальность предлагаемых мной мер смутила даже адмирала, и он перешел на отчаянное положение дела снабжения армии. На мой доклад о необходимости коренных реформ в организации армий, уничтожения сепаратизма и эгоистических автономий адмирал просил изложить это его начальнику штаба, так как этот вопрос очень щекотливый и связанный с самолюбием старших фронтовых начальников, уже привыкших к большей самостоятельности.

Очевидно, что железный закон о том, что тот, кто хочет командовать, должен прежде всего уметь повиноваться, у нас основательно позабыт [...]

Все горе в том, что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам [...]

Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников.

Неосведомленность войск о происходящем на фронте и в тылу поражающая; как пример приводится письмо одного солдата о том, что к ним приезжал «какой-то аглицкий адмирал Кильчак, должно быть, из новых орателей, и раздавал папиросы»... Вот к чему сводится не прикрашенное ничем впечатление от посещений адмирала, который придает им такое значение. Вижу, что был прав, когда посоветовал адмиралу ездить на фронт в общегенеральской форме и не защитной, а с лампасами и красными отворотами; надо понимать привычки наших солдат и рядового офицерства, считающих, что на большом начальнике должно быть много красного [...]

7 июня. После обеда был с очередным докладом у адмирала. Тяжело смотреть на его бесхарактерность и на отсутствие у него собственного мнения по неизвестным для него вопросам; судя по тому, что слышал о нем в Харбине, думал, что это самовластный и шалый самолюб, и совершенно ошибся. И в этом вся тяжесть положения, ибо лучше, если бы он был самым жестоким диктатором, чем тем мечущимся в поисках за общим благом мечтателем, какой он есть на самом деле. В довершение всего судьба сразу обидела его в составе его доверенного антуража; сейчас даже трудно что-либо сделать, так как по многим вопросам его успели начинить заведомо неверными взглядами и решениями и, при его слабости, очень трудно повернуть все это на новую дорогу, т. е. «прочно» повернуть, ибо вырвать у него решение очень легко, но нет никакой уверенности в том, что оно не будет изменено через полчаса докладом кого-либо из ближайшего антуража. Особенно трудно мое положение, так как мне нужно резко идти против ставки и против многих течений омского болота, давно уже захвативших в плен этого полярного идеалиста, еще труднее и потому, что по закону я считаю помощником Лебедева и, в силу военной дисциплины, обязан сдерживаться в своей оценке его деятельности.

Адмирал, по-видимому, очень далек от жизни и, как типичный моряк, мало знает наше военно-сухопутное дело; даже хуже того: он напичкан и, как добросовестный человек, очень усердно напичкался тем материалом, который ему всучили Лебедев и К^о; сразу видно, что многое напето ему с чужого голоса.

Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не дает ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала, по-видимому, ничего нет — это ярко сквозит во всем его разговоре, в его мыслях и решениях. Во внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодилисть, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка. Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставленного нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение.

Страшно становится за будущее, за исход той борьбы, ставкой в которой является спасение родины и вывод ее на новую дорогу; медовые дни омской власти несомненно прошли, и надвигаются грозные времена, а чем их встретить?

Целый год ушел на внутренние нелады, и очень мало сделано для настоящего строительства.

Все, что тревожило меня в Харбине, получило здесь полное подтверждение: с ужасом зрю, что власть дрябля, тягуча, лишена реальности и деловитости, фронт трещит, армии разваливаются, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманина.

Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной, а поэтому нет ничего мудреного в том, что ее авторитет неустойчив, почти что кувыркком летит вниз. Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плетя добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций; вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами.

Среди этого смрада, как редкие зубры, мочалются малочисленные могики старей, честной, добросовестной России, рыцари долга, подвига и самоотвержения.

Толпа — большинство, дряблос, запуганное, полуголодное и трясущееся за свое настоящее и будущее, — идет за теми, кто ухватился за главные рули [...]

Фронт и тыл поражены бессилием и дряблостью власти, проедены и прогнаны разнородностями сибирской атаманины, этого специфического белого большевизма. Центр требует закона и порядка, машет бумажным

мечом по адресу насильников и беззаконников, а кругом растут и ширятся произвол, презрение ко всякому распоряжению свыше и собственное усмотрение.

К горю нашему, у адмирала нет прочной решимости поставить все на карту и покончить прежде всего со всеми атаманами и с атаманиной во всех ее разновидностях и проявлениях. Надо это сделать, хотя бы ценой собственного провала, ибо иначе эта язва съест и адмирала, и нас, сожрет всю белую идею и делает ее надолго постылой и ненавистной для всей Сибири; ведь то, что произошло и продолжается сейчас в Приморье, Забайкалье и что расплзается по Сибири, вопиет, грозит и предостерегает.

Не может быть прочного фронта, раз тыл гноится атаманиной; не может быть здорового тыла, раз он поражен той же язвой.

На атаманах и карательных отрядах государства не восстановить; всех недовольных и восстающих против насилы не перевешать и не перепороть — рук не хватит, да и руки коротки [...]

Несчастный, слепой, безмолвный адмирал, жаждущий добра и подвига и изображающий куклу власти, которой распоряжается вся та компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

В армии развал; в ставке безграмотность и безголовье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом! [...]

Как я завидую сейчас красным. Во главе их армий стоят решительные люди. Злая судьба обидела Сибирь и не дала ей вождя по плечу данному времени; юг был счастливее, ибо имел Алексея, Корнилова, Маркова и других, но и там судьба быстро погасила наиболее сильные и нужные для России жизни. Сибирь выставила немало тысяч молодых и старых рыцарей долга, чистых энтузиастов, поднявших меч борьбы за родину.

Но не нашлось вождя, мужей опыта и таланта, чтобы использовать эти могучие силы; тысячи этих борцов уже спят в сибирской земле, а все их усилия, их геройские подвиги сведены на нет теми, кто, не имея никаких данных, залез на верхи военного управления и не принес туда ничего, кроме ненасытного честолюбия, самомнения и безграмотности по руководству большими операциями и по организации настоящей армии.

Я завидую этим павшим, ибо они счастливы тем, что не видят, к какой пропасти приведено то, за что они боролись, и какие грязные руки протянулись к заветному белому знамени; я болею душой за уцелевших, ибо им выпала доля все это видеть и пить до дна последнюю горькую чашу, чашу не личную, а русскую чашу горя, стыда и смерти [...]

Омский переворот дал Сибири власть дряблую и бесильную, вылившуюся в узкие омские формы и непопулярную, неспособную дать населению закон, порядок и заметное улучшение тяжелых условий его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту представляемой ей жизнью задачи и сделать что-нибудь прочное и действенное в воссоздании разрушенной государственности в улучшенных, разумных и обновленных формах человеческого, общественного и государственного сожительства.

Власть оказалась только формой без содержания; министерства можно сравнить с огромными и внушительными по виду мельницами, озабоченно и быстро машущими своими крыльями, но без жерновов внутри и с попорченными и недостающими частями главного рабочего механизма.

Возможно ли теперь поправиться? Думаю, что уже поздно, ибо слишком много времени потеряно и слишком много напорчено. Даже если бы обстановка не была такой грозной и почти безнадежной, то и тогда едва ли возможно было бы вернуть доверие населения и привлечь его на свою сторону. Сейчас я не представляю себе даже, какие реформы надо было бы осуществить, чтобы поправить положение...

Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя, и нам веры нет, особенно словам...

Жизни мы не поймали; ее требования не поняли и не уловили. Жизнь ушла от нас и стала искать более примитивных, но реальных осуществлений.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЭСДЕКИ, РЕСПУБЛИКАНЦЫ, ДЕМОХРИСТИАНЕ... КТО ЕЩЕ?

Байба ПЕТЕРСОН, научный сотрудник Института философии и права Латв.ССР

Мы можем еще долго спорить о многопартийности, но сегодня и в Прибалтике, и в Москве уже происходит процесс формирования партий. Взгляните на политическую ситуацию, скажем, у нас, в Латвии. Активно действует вполне сформировавшаяся социал-демократическая партия, которая, впрочем, не прекращала своего существования со времен республики, — у нее был ограниченный комитет. Основанная в 1904 году, сейчас она вновь активизируется, принимает новых членов... Прочие партии находятся пока в зарождающемся состоянии, но это уже реальный политический процесс. Единая национальная платформа, с которой и началось собственно возрождение Прибалтики, национальная объединяющая идея уже не объединяет, поскольку начался, так сказать, следующий естественный этап — расслоение интересов, и уже образовывается довольно пестрый политический спектр.

Ситуация осложняется еще и тем, что до сих пор у нас в стране была беспартийная система. Я не считаю КПСС партией в чистом виде — это только лишь государственный институт, структура, возникшая как орудие захвата власти. Партийная система по своей сути все-таки предполагает несколько партий и некое разделение между ними различных интересов различных слоев общества.

Сегодня партии в Прибалтике различаются в основном по их отношению к возобновлению политической независимости республик. Наиболее четко сформулирована пока программа социал-демократов — это резко антикоммунистическое направление, позиция с/д партии содержит пересмотр марксизма-ленинизма, его основ. В программе этот принцип сформулирован так: «Мы

не ревизуем Маркса, мы отказываемся от него». Впрочем, в установках партии отсутствует абсолютное отрицание Маркса, он принимается как явление культуры девятнадцатого века и как культурное явление изучается, анализируется, но без практического приманения к сегодняшнему дню. «Мы, — говорят социал-демократы, — строим наше мировоззрение на совершенно других понятиях, другой идеологии, или, точнее, вообще отказываемся от идеологии» как орудия управления обществом».

Их позиция достаточно ясна — это утверждение принципов свободы сознания, свободы индивидуальности, того, что и в рамках одной партии можно иметь разные взгляды, различные духовные платформы, что партия — это прежде всего формирование для какой-то определенной цели, для производства неких действий. В политической лексике это называется акционизм. В чем здесь различие? Идеология, как правило, предъявляет к человеку намного более суровые требования, нежели объединение ради выполнения конкретного дела, она намного более устойчивая структура общественного сознания. Акционизм же действует на основе какой-то концепции, ее можно довольно легко менять для какой-либо следующей акции, которая покажется своевременной. Подобные политические взгляды, как мне представляется, более приближены к жизни, в них предельное стремление отказаться от того утопизма, который всегда преобладал, как мне кажется, в коммунистическом мировоззрении.

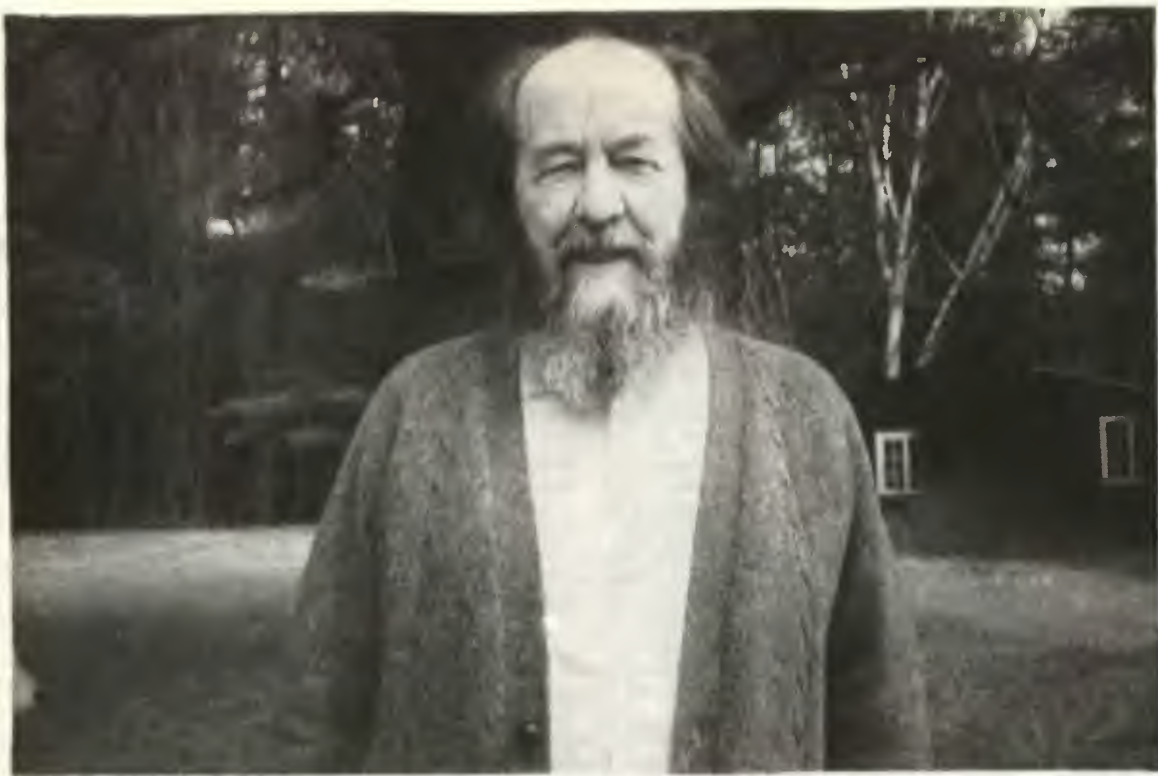
В процессе зарождения политических партий появилась и инициативная группа республиканской партии. Она создается с основной целью — бороться за воссоздание независимой республики. И поскольку идет активный процесс регистрации кандидатов на принятие латвийского гражданства, поскольку должна быть создана структура гражданских комитетов и созван конгресс граждан, работа должна быть, разумеется, соответствующим образом построена, выработана своя концепция. Поэтому партия республиканцев будет, видимо, небольшая, с тенденцией к интеллектуализму, в нее войдет молодая интеллигенция, философы, аналитики, те, кто может помочь республике в политическом отношении. Партия исходит из того, что Латвийская ССР — это чуждая ей государственность, она не признает существующие государственные институ-

ты нынешней республики в рамках СССР, не участвует в выборах в Верховный Совет, поскольку республиканцами он считается только оккупационным управлением, ориентирована на организацию гражданского самоуправления суверенного государства — Латвийской республики.

Я вижу еще возможности для возникновения и приобретения некоего влияния партии национальных демократов (социал-демократы, это ведь, в сущности, интернациональные движения) и христианских демократов, хотя в Латвии христианство, которое связывается с некоторым образом с наивным завоеванием, не очень сильно.

Надо сказать, что нынешняя платформа многих наших партий — стремление к независимости республики, — все-таки слишком общая цель. По большому счету, борьба должна идти за свои взгляды на политику налогов, на образование, другие конкретные задачи. И ни в коем случае партия не должна стремиться к предсказаниям, а еще хуже — к навязыванию своего понимания будущего массе людей, к попытке втиснуть в искусственно рожденную идею судьбы целого общества. Это утопия, и, надо сказать, очень опасная и кровавая утопия. Партия — всего лишь инструмент реализации интересов определенных социальных групп людей. Когда же она становится инструментом уже не человеческих интересов, а абстрактной идеологии, функция ее коренным образом меняется и уже несет в себе реальную угрозу обществу.

Нам еще только предстоит приобрести опыт действительной партийной работы. Ведь, скажем, на Западе партии представляют собой совершенно иные структуры, нежели у нас. Многие из них не так долговечны, есть большая группа партий, которые постоянно меняются, исчезают, появляются вновь... Это свободная деятельность, и наш народ тоже должен освободиться от страха оказаться вне некоего идеологического закона. Часто меня спрашивают: что же ждет нас в будущем? Я бы не хотела делать ту же ошибку, которую мы признаем за догматиками, и стараться предопределить завтрашний день. Я просто вижу то, что происходит, участвую в этом и считаю, что все это совершенно нормально. Пусть человек чувствует себя свободным в обществе, каких бы взглядов он ни придерживался. И если он сможет свободно избирать и свободно творить — это и будет для него истинное добро.

НЕСЫГРАННАЯ ПЬЕСА ДЛЯ ТЕАТРА «СОВРЕМЕННОК»

Михаил КОЗАКОВ, народный артист РСФСР

На дворе 62-й год. Мне 28 лет, а «Современнику» всего шесть, он юноша, он полон сил. И тут самое время рассказать о первой встрече с Солженицыным. Эту странную, непривычную для уха фамилию я услышал от Виктора Некрасова несколько раньше, чем о Солженицыне узнали многие и уж тем более все. Мы сидели с Виктором Платоновичем на кухне моей квартиры на Аэропортовской. Было радостное утро выходного дня. А накануне был хороший вечер после удачного спектакля — с обязательными разговорами, спорами и прочими интеллигентскими увеселениями. На той же самой советской кухне, по которой так скучают теперь в Парижах и Лос-Анджелесах многие мои друзья. Почему-то именно ее, русской кухни, им не хватает в их теперешней жизни, да и понятно почему. Кухня — это символ общности, общения, радости безответственного трепки за жизнь, за искусство; так сказать, «поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви».

В то прекрасное утро Платоныч, сидючи на моей кухне, сказал: «Миша...» Платоныч любил говорить с каким-то «одесским» акцентом; он шутиливо ерничал этой манерой, чем давал повод антисемитам предполагать в нем, русском дворянине, родившемся в Париже,

жида, а дуракам-евреям думать, что он «дразняется».

— Что он, ваш Некрасов, антисемит?

— Да какой он, к черту, антисемит! Это маска, игра.

— Что за глупая маска, что за непонятная игра?

Ну как тут объяснишь, что эта манера общения скрывает двусмысленно понимаемой какими-то людьми игрой переливчатость чувств человека, с одинаковой силой ненавидящего антисемитизм и любое, в том числе еврейское, тупоумие? Что Некрасов и актер тоже, а не только писатель, да еще и архитектор, фронтовик, выпивоха, умница и притом скромнейший из скромных, с которыми мне приходилось встречаться?

— Миша, — сказал он. — Вот вы тут сидите, Миша...

А «и» узкое, а «ша» мягкое, почти «щя»...

—...Вот вы тут сидите, водку с пивом с утра пораньше хлещете и думаете, что с вами сидит хороший писатель Некрасов. И это вам, Миша, лестно. А фамилии настоящего, истинного писателя, живущего, между прочим, одновременно с вами, даже не слышали.

И тут-то я узнал от Некрасова, что в редакции «Нового мира» лежит и го-

товится к выходу в свет рассказ некоего Солженицына «Щ-854».

— Что за странное название? — спрашиваю.

— А это, Миша, знаете ли, лагерный номер одного зека. Вы, Миша, конечно, слышали, что у нас были лагеря? Я рад, Миша, что вы об этом слышали... Так вот, Щ-854 — это номер Ивана Денисовича, героя повести этого самого Солженицына. Ну а теперь, кроме шуток, если хочешь, я расскажу тебе об Александре Исаевиче...

И вот осенью, е начале все того же сезона 1962 года, судьба сведет «Современник» с Солженицыным и посулит театру великие надежды на совместное творчество.

Уже напечатал А. Т. Твардовский «Денисыча» по личному разрешению Н. С. Хрущева. Свершилось чудо, свершилось невероятное, поразившее всех чудо! Печать молчания сорвана, казалось, навсегда. «Солженицын, Солженицын, Солженицын», — жужжит Москва.

Нам становится известно — то ли от К. М. Симонова, то ли от Аси Берзер, сотрудницы «Нового мира», — что есть у него, у Солженицына, пьеса! И что он, Александр Исаевич Солженицын, наспышан о «Современнике», хотя ничего у нас не видел, и готов с нами встре-

титься. Назначен день встречи. Волнуемся. Гордимся.

— Кто он?

— Школьный учитель.

— Где живет?

— В Рязани, с женой.

— Интересно, какой он из себя?

— Прошел войну, сидел.

Гадаем. Возбуждены.

Входит в предбанник ефремовского кабинета показавшийся мне очень высоким человек. Снимает головной убор. Светлые прямые волосы. Редкие прогалины в них странно асимметричны. Длинное, гладко выбритое лицо — очень характерное, сразу врезающееся в память. Не спутаешь ни с кем. Такие лица, узкие, с тонким носом, с острым подбородком, с глубоко посаженными, резко смотрящими глазами, бывают на церковных досках у малопривычных второстепенных святых. В руках школьный, потертый, старомодный портфель. И плащ синий, прорезиненный, на клетчатой подкладке — такой, какой в то время сидел на десятках прохожих мужского пола, делаая их неотличимыми друг от друга. И еще послевоенные гаши, которые он снимает, а там, что еще чуднее, вовсе довоенные ботинки со шнуровкой и матааллическими крючками аж по щиколотку! Рязанский школьный учитель — ни дать, ни взять.

Раздевшись, учитель улыбнулся и сказал, как будто урок начал:

— Ну что ж, друзья, давайте знакомиться.

И, крепко пожимая руку стоящему поблизости Ефремову, начал первым:

— Александр Исаевич Солженицын.

— Олег Ефремов.

— Простите, по отчеству?

— Николаевич.

— Стало быть, Олег Николаевич, — констатировал пришедший.

— Солженицын. — Это следующему из нас.

— Волчек, — пробурчала смущенная Галья.

— ?

— Галья...

— ? — не отпуская руки.

— Галина Борисовна...

Церемония знакомства писателя с членами художественного совета продолжалась. Игорь, Олег, Миша оказались Владимировичами, Павловичами, Михайловичами. Он иногда переспрашивал, придерживая руку того, чью фамилию или имя недослышал. Знакомясь, как бы фотографировал человека, вглядываясь в его лицо и вслушиваясь в произносимые им сочетания.

«На кой ляд он это делает? — подумал я. — Показушничает, что ли? Нас человек с десятком, неужели запомнит?» Запомнил. Потом в разговоре, после читки, обращаясь к кому-нибудь, почти ни разу не ошибся. «Очень разумное соображение, Галина Борисовна». «Не знаю, доподлинно ли вам известно, Евгений Александрович...» Но это потом, после читки. А когда мы, войдя в кабинет Олега, расселись, он за Олегов стол, мы вокруг, то взглянул на часы и начал так:

— Друзья, давайте к делу. Театра вашего не знаю, надеюсь обязательно узнать, но сседушие лица хвалят. Они же сказали мне, что вы хотите инсценировать «Ивана Денисовича». По-моему, затея зряшная. Это проза и...

Мы прервали, загалдели:

— Нет, нет, Александр Исаевич, мы вовсе не собирались это делать... Мы слышали...

Тут он прервал:

— Ну и прекрасно, раз это не так. Затее зряшная для театра, зряшная затея. Но я пришел к вам не с пустыми руками.

И уже расстегивает школьный портфель.

— Есть у меня оригинальная пьеса, которую я хочу предложить вашему вниманию. Не возражаете? Олег Николаевич, как у вас и у ваших коллег, сейчас время есть? Не нарушаю ваших планов?

— Что вы, Александр Исаевич! Мы как раз этого и ждем от вас. Ведь мы, по секрету говоря, тоже информированы, что вами написана оригинальная пьеса...

Улыбнулся, обнажив волчий оскал длинных желтоватых зубов:

— А, стало быть, вы уже информированы? Притко.

И крупные его руки — успеваю заметить расплюснутые ногти больших пальцев — уже выложили на Олегов стол объемистую машинописную рукопись.

— Ну, что ж. Начнем?

Он еще раз оглядывает нас своим цепким фотографирующим взглядом.

— Пьеса называется «Олень и шалашовка». Будущий зритель, придя в театр, купит программку с приложением к ней перевода лагерного жаргона. «Олень» — человек чистый, неспособный приспособиться к безнравственному уставу ГУЛАГа. «Шалашовка» — от слово «шалаша», женщина, живущая с кем-либо из лагерного начальства...

Далее последовал список слов и их значений. Огромный, длинный, занятый, замысловатый перечень лагерного арго.

Интересно, как наш будущий зритель отреагирует на такое новшество; словарик-вкладыш в обычной театральной программке, купленной за 10 копеек? Мы предвкушающе переглянулись.

— Итак, «Олень и шалашовка», — продолжал драматург. — Пьеса, как вы поняли, из лагерной жизни. О любви.

О любви... «Олень и шалашовка»... Были Ромео и Джульетта. Тристан и Изольда. Цезарь и Клеопатра, а теперь Олень и Шалашовка.

Солженицын сделал еще одно отступление. Пояснил, что были лагеря разного типа. Лагерь, где происходит действие в его пьесе, как я понял, смешанного уклада. Здесь и мужчины, и где-то невдалеке женщины, а еще политические, уголовники, бытовики, малолетки, вольнонаемные и т. п.

Удержусь от соблазна пересказать эту интереснейшую пьесу. А вот то, как читал ее впервые сам автор нам, молодым актерам театра «Современник», — это уже наше, наше навсегда. Только наше.

Поразительны были его интонации. В пьесе много юмора. Юмора особого, особого, черного. Солженицын читал эти места, как бы сам его не чувствуя. Раздавался взрыв нашего смеха,

он удивленно поднимал голову, просто-душно оглядывал нас и вслед за нами начинал смеяться, на несколько секунд прервав чтение.

Грандиозны были ремарки к отдельным местам драмы. Иногда, как, например, вначале, ремарка становилась уже, по сути, режиссурой будущего спектакля. Автор предписывал художнику отделить сцену от зрительской колодой проволокой, проложить через зал «дорогу цветов». «Дорога цветов», напомним, японский театальный термин, обозначающий прием, часто использовавшийся тогда в театре Охлопкова. Это положенный на кресла помост, прямо идущий от центра сцены в зрительный зал.

— Здесь он уместен, — сказал автор. — По нему будут проходить и уходить партии зеков. Перед самой сценой новеньких можно шмонать. И еще по обеим сторонам сцены, у порталов — две лагерные вышки. На них весь спектакль, все время, — часовые с ружьями. В антракте, а иногда и во время действия они сменяются другими. Проходя перед первыми рядами по залу, они могут прокладывать себе дорогу среди зрителей окриками: «Посторонись, посторонись!»

Были уже распределены роли. Мы собирались, отложив все, сразу же взяться за работу над пьесой. А что? Солженицын в фаворе, он выдвинут на Ленинскую премию.

Но задний ход был дан стремительно. Правда, не впрямую. Не открыто. Низшее начальство — управление культуры — не разрешило начать репетиции, но и запрет пьесы был не их прерогативой. Ее отправили самому Хрущеву. Мы ждали.

Референт Хрущева дал ответ отрицательный. Пьеса легла в сейф театра навсегда. Какое там «навсегда»! Она находилась там, пока ее можно было держать, а вскоре и это оказалось небезопасным, и сейф опустел.

Не сыграли мы «Оленя и шалашовку» ни в 62-м, ни в 63-м. Не сыграли никогда. А казалось, вот-вот — и театр совершит новый круг познания благодаря автору «Круга первого». Пока же Солженицын, как и обещал, ознакомился с репертуаром «Современника». Часто бывал в театре в период 1962—1963 годов, когда мы все еще надеялись. А новый, 1963 год даже встречал в нашем коллективе.

Это был поразительный Новый год! В ноябре у меня родился сын Кирилл, был доставлен домой перед самым Новогоднем, и в «Современник» я попал уже после двенадцати. Когда вошел, увидел следующий «кадр», запечатлевшийся в памяти навсегда: за «лидирующим» столом такая компания: в центре — Олег Ефремов, а по бокам — К. М. Симонов, А. И. Солженицын и Жан Поль Сартр, которого привел в театр Константин Михайлович. Что уж говорить обо всех остальных, встречающих 63-й год в «Современнике»: Аксенов, Окуджава, Ахмадулина и неперемный Евтушенко. Дети 56-го года, дети XX съезда...

На снимке:
Александр Исаевич Солженицын
у своего дома в Кэвиндши,
штат Вермонт. 1988 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЗЭКИ:

Глеб Нержин, недавний фронтовик
Люба Негневицкая
Граня (Аграфена) Зыбина
Борис Кукоч
Тимофей Мерещун, врач зоны
Николай Яхимчук } литейщики
Гришка Чегенев }
Димка, 14 лет
Шарыпо, бригадир штукатуров
Костя, нарядчик
Посошков, комендант зоны
Дорофеев, нормирующик на производстве
Зина, машинистка там же, лагерная жена Посошкова
Камилл Гонтуар, бельгиец
Шурочка Соимина
Фиксатыи
Ага-Мирза, фельдшер зоны
Завбаней
1-й доходяга
2-й доходяга
Работяга из бригады Шарыпо

ОХРАНА:

Колодей, младший сержант, старший надзиратель
Сержант конвоя
Вахтары

Время действия — октябрь 1945 года.

Перечислены лишь те, кто действует в 1 и картине

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛАГЕРНОГО ЯЗЫКА (приложение к театральной программке)

бациллы (блатн.) — жиры
гарантийка — гарантированная (при отсутствии работы) хлебная пайка; осымсливая это трудное слово, называли ее и «карантинкой» (за то, что давали ее, в частности, в карантине)
быть а законе (блатн.) — жить по воровскому закону, в частности, «законно» не работать
жить в законе — то есть в лагерном «браке» — не таясь, при молчаливой снисходительности начальства
зона — 1) пространство, огороженное колючей проволокой; в частности и особенно — жилая зона; 2) самый забор с запретной полосой
кантоваться, филонить — жить «день до вечера», отбывая срок, стараясь не работать
КВЧ — «культурно-воспитательная» часть (отделение лагерной администрации)
кондей (блатн.) — карцер
костыль (блатн.) — пайка (в смысле: то последнее, что всё поддерживает жизнь)
кум — чекистский уполномоченный в лагере
мантулить, вкалывать — бессмысленно растрчивать силы в казенной работе, «горбить»
охра, еохра — лагерная полувоеннизированная охрана
общие работы — главные по профилю лагеря, самые тяжёлые
параша (одно из значений) — непроверенный лагерный слух
ППЧ — плано-производственная часть (отделение лагерной администрации); следит за наиболее выгодным для лагеря распределением и использованием рабочей силы
придурки (1 — в жилой зоне, 2 — на производстве) — зэки, сумевшие устроиться на физически лёгкую работу (административная, канцелярская должность, сфера обслуживания)
сосаловка, доходилровка — безнадежно-голодный лагерь
сука — вор, пошедший на службу к начальству и тем изменивший воровскому закону
УРЧ — учётно-распределительная часть (отделение лагерной администрации)
фашисты — так с 1941 года ругали и дразнили всех политических
фитиль (блатн.) — сильно ослабший человек, уже не держится прямо (глагол: фитилить)
на цырлах — одновременно: на цыпочках, стремительно и со всем усердием
ЧТЗ («Челябинский Тракторный Завод») — наскоро сшитая из автомобильной резины грубая обувь, оставляющая после ноги человека как бы автомобильный след
шалашовка — лагерница лёгкого поведения, способная на любовь в несприятельных обстоятельствах
ШИзо — штрафной изолятор
шмон (блатн.) — обыск (глагол: шмонать)

ОБЩЕСОВЕТСКОЕ:

БРИЗ — бюро рационализации и изобретательства
б/у («бэ-у») — бывшее в употреблении
ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Республика труда

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

КАРТИНА I

Утро. Скоро взойдёт солнце. На крышах бараков белеет иней осеннего заморозка.

Часть зоны лагеря. В глубине колючая изгородь с предзонником. В ней — двойные ворота: высокие в заборе зоны, низенькие в заборе предзонника. Правее ворот — тесовая будка вахты. Ещё глубже, за изгородью — рабочая зона, там — высокое строящееся кирпичное здание, кран, кое-где леса. Видна дымящая литейка и другие подсобные постройки.

Слева, наискосок к вахте, ведет линейка развода, густо заполненная заключенными, мужчинами и женщинами, в грязных изорванных телогрейках и ватных брюках, у некоторых женщин поверх брюк — юбка. У самых ворот развод походит на строй, там вахтер и румяный, похожий на боксера нарядчик Костя пропускают пятерки, хлопая счетными дощечками крайних по спинам. Дальше от ворот строя нет, беспорядок, разговоры. Общая вялость, понурость, только Чегенев в шутку возится с Димкой. Один увязывает обувь, другой доминает утреннюю пайку хлеба, третий зябнет, жмется. В самом хвосте развода выделяется несколько почище одетых производственных придурков, среди них «шикарно» одетая машинистка Зина и низенький толстый нормирующик Дорофеев. У ворот сидит на табуретке гармонист и лениво, не всё время, наигрывает марш из «Весёлых ребят». Обок развода стоит в белом халате черный фельдшер Ага-Мирза, у ног его сидит на земле 1-й доходяга.

Столб, на проволоке — рельс. Около стоят низенький надзиратель Колодей и высокий Нержин в долгой, ещё новой офицерской шинели без знаков различия и в сапогах. Оба следят за разводом.

Слева близко выступает угол стандартного лагерного барака, тут маленькая дверь с парой ступенек в нашу сторону. Ещё ближе — тщательно окрашенный дощаный ящик с крышкой и надписью: «Для отбросов».

На стенах бараков и на отдельных щитах в разных местах зоны — плакаты:

«ТРУД ОБЛАГОРАЖИВАЕТ ЧЕЛОВЕКА»
«ТРУД ИЗ ЗАОЗНОГО БРЕМЕНИ,
КАКИМ ОН БЫЛ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ,
СТАЛ ДЕЛОМ ЧЕСТИ, ДЕЛОМ СЛАВЫ,
ДЕЛОМ ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА» (СТАЛИН)
«КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТЬ!»

Видно, как бригады в рабочей зоне тотчас разбредаются и к концу картины начинают работать.

Вахтер. Взяться под руки! Первая! Вторая! Третья!.. Костя (громко). А ну, пятый барак, не фитили! Что, с дрыном давно не заходил? Зайду!

К линейке спешат новые работяги.

Яхимчук (от вахты). Чегенев. Шпана!
Чегенев (у него фуражка надета по-шпански). Я шпана! (Догоняет бригаду.)
Яхимчук. Малолетка!
Димка. Я малолетка! (Догоняет.)
Дорофеев (вышел из строя, подходит к Нержину). Глеб Викентийч, дельце одно...
Колодей. В армии служил?
Дорофеев. Но ведь здесь не армия, гражданин начальник...

Колодей. Раз-говорчики! Здесь почище армии! Шапку!

Дорофеев (обнажает лысую голову). Гражданин старший надзиратель младший сержант Колодей! Дозвольте обратиться к завпроизводством заключенному Нержину! Колодей. Во-от, давно бы так... Не позволяю!

Дорофеев отходит. Нержин идет за ним к строю, там разговаривают.

Ага-Мирза. Давай градусник!

1-й доходяга. Доктор, десять минут надо мерить.

Ага-Мирза. Ты давно такой умный стал? Права качать? (Берет градусник.) Нормальная, иди!

1-й доходяга (не вставая с земли). Гусейн Байрамович! В уборную сколько раз бегал...

Ага-Мирза. На кухне работал? Слабинку щупаешь, падло? (Намеревается ударить, тот встает поспешно.) Гражданин надзиратель! Тут — отказчик, куда его?

Колодей. В шизо, куда.

Ага-Мирза бьет доходягу ногой, тот уковывает вслед своей бригаде. Другой вахтер вызывает Колодея, он уходит. От ворот ленивые вздохи гармошки. Из ленты развода слышится:

— Зинка, шлюха, юбку новую надела.
— А юбка-то Маруськина. Комендант с Маруськи снял, как её на этап отправляли.
— Житьё, девочки, с комендантом! (Поет.)

Я любила бригадира,
Коменданту угодила
И с нарядчиком спала —
Так стахановкой была!

— Ну все, с паечкой рассчитался.
— С карантинкой чего не рассчитаться! Вон как бригадир себе и своей гумознице по килу взял!..
— Бригадир! Развалились лапти! Смотри, лапти развалились, в чем пойдешь?
— Завтра подкую, ЧТЗ получишь.

Развод подходит к концу. Из двери ближнего барака на ступеньки вышел, потягиваясь, Мерещун, полный, солидный человек, еще полуодетый. К нему подходит Ага-Мирза.

Ага-Мирза. Доброе утро, Тимофей Кириллыч!
Мерещун. Ох, что-то я рано сегодня встал. Без бабы не спится.

Ага-Мирза. Сами прогнали, Тимофей Кириллыч.
Мерещун. Надоела, поносница. Ну, чего там, в больнице? Полы драили?

Ага-Мирза. Драили всю ночь, правильно драили.
Мерещун. Смотри!.. И ещё: в какую тумбочку загляну, если крошки найду — не обижайся.

Ага-Мирза. Валька умрет, наверно, сегодня.
Мерещун. А Матвеев?

Ага-Мирза. С копыт. Уже в морге.
Мерещун. Ну ещё б, с такой высоты!.. Потом это, Ага-Мирза! — простыни чтобы подвернуты были. Терпеть не могу, когда простыни не подвернуты! (Смотрит направо.)

Что это? Этап, что ли?

За их спиной слева к ящику с отбросами прокрадывается 2-й доходяга. Он в шинельном бушлате, перепоясанном верёвкой, под которую на спине подпущен дужкой немецкий солдатский котелок без крышки. Доходяга открывает ящик, роется там, выбирает пищу и складывает в котелок. Развод окончился, ворота закрыты. На верхних кирпичных стройках играет первое солнце. Нарядчик с вахтером ведут подсчет, каждый по своей дощечке, нарядчик растолковывает вахтеру. Входит Колодей с парой бумажек. Следом фырчит автомашина, подаваемая сюда.

Колодей. А ну, кто там? Завпроизводством! Ко мне. (Кому-то.) Коменданта сюда! И этого... банщика! (Тот убегает.) Сейчас та-ак... На вот, прочти. (Дает Нержину бумагу.) Этап привезли.

Нержин. Много? (Читает.)
Колодей. Четыре машины будет, пока одна пришла.

Медленно, задом входит справа трехтонка с высокими бортами, по видимости пустая, только в передней части кузова

стоят, отделённые решёткой, два автоматчика. Они соскакивают и уходят.

Нержин. Продаттестат. Удовлетворены по восемнадцатое включительно.
Колодей. По сегодня? Порядок, не кормим. Ещё чего? Нержин. Ну баланды-то бы можно...
Колодей. Как это — баланды? Баланда денег стоит. Вот на работу ты их выведи.
Нержин. Сегодня?
Колодей. Неужто завтра? Пусть проценты несут.

Шофёр открывает задний борт кузова. Из кабины выходит сержант конвоя с пачкой тюремных дел.

Нержин. Да ведь надо по специальностям разобрать, по бригадам раздать, гражданин начальник... Списки составлять.

Колодей. Ты — человек или чурка с глазами? С утра они у нас, а вечером, может, на лесоповальный участок! Так пусть поработают. У меня — не как у других надзирателей, простоев не бывает. Отмеришь двадцать человек, старшего — и шагом марш! А то начальник лагеря воротится — знаешь, взгрёбка будет? *(Подходит к грузовику.)* Сла-азь!!

Из кузова начинают подниматься зски, до сих пор сидевшие на дне его и не видимые за высокими бортами. Они спрыгивают с вещами, разминают затёкшие ноги.

Не ходи! Садись!

Шурочка, молодая дамочка в яркой городской шляпке, садится по этой команде не на землю, как все, а на чемодан, и возвышается. Колодей с неожиданным проворством подбегает и носком сапога пробивает чемодан.

Ся-ады!!

Шурочка садится на землю. Появляется краснорожий отъевшийся банщик.

Банщик. Гражданин начальник! По вашему вызову завбаней явился!

Колодей. Ты... вот что... Белья нет?
Банщик. Откуда бельё?!
Колодей. А мыло?
Банщик. Не подвезли.
Колодей. Вода-то есть?
Банщик. Где есть! Перекрыли...
Колодей. Гм-м...
Ага-Мирза. Ещё лучше, гражданин начальник, быстрой вымоем.
Колодей. И то правда. Прожарку топи, прожарку. Как, доктор, ничего, что без воды?
Мерещун. Ничего-о. *(Этану.)* Сколько дней в дороге?
Голос. Вторую неделю.
Мерещун. Ничего.

Банщик убежал. С грузовика сошло человек тридцать, грузовик уходит.

Нержин *(внимательно оглядывая прибывших)*. Ваша фамилия — как?
Кукоч *(встает; он в ярко-красном джемпере)*. Инженер Кукоч.
Нержин. Вот и угадал. Будете старшим мужской двадцатки. Список составите, мне дадите.
Кукоч. Есть! *(Садится.)*
Нержин *(также внимательно оглядывает женщин)*. А — ваша?
Граня *(приподымаясь)*. Зыбина.
Нержин. Вы — среди женщин старшая!

Гул среди женщин.

Что такое?

Одна из женщин. Как в воду смотрел.
Другая. Она бригадиршей и была.
Нержин. Вы что — все из одного лагеря?
Кукоч. Из подмосковного. Фрицев военнопленных привезли, а нас расформировали.

Входит маленький, очень подвижный Посошков в большом картузе.

Посошков *(отдавая приветствие)*. Посошков, шесть вершков!

Колодей *(смеется)*. Хвастаешь при бабах... Сейчас, комендант, вот что: мы их — выкликать по делам, а вы с нарядчиком сразу шмонайте, я вам доверяю. Только правильно шмонайте!

Посошков *(кричит)*. Женщинам — от пояса раздеться!

В зтапе смех.

Сержант конвоя. На, вычитай!
Колодей. Я не читатель. Ты вычитай.

Мерещун наблюдает от своей двери. Нарядчик и комендант становятся к нему спиной, лицом к зтапу. Сзади их всех 2-й доходяга продолжает ковыряться в отбросах. Нержин — около Колодея. По мере того как сержант выкликает, зтапники проходят обыск и переходят налево.

Сержант. Не... гне...
Люба. Негневицкая.
Сержант. Понавыдумывают фамилий.
Люба. Негневицкая, Любовь Стефановна, 23-го года, пятьдесят восемь-десять, восемь лет.
Колодей *(враждебно)*. Агитация?
Люба *(Посошкову, который при обыске берёт её за грудь)*. Не лапай, не купишь.
Сержант. Сойкина.
Шурочка. Соймина Алексан-на Пал-л-на! 1917-го, пятьдесят восемь-двенадцать, десять лет!
Колодей *(угрюмо)*. Недоносительство?
Сержант. Зыбина.
Граня. Аграфена Михална, 20-го года, сто тридцать шестая, десять лет.
Колодей *(живая)*. Убийство.
Сержант. К... К... К...
Кукоч. Кукоч Борис Александрович, 10-го года, закон семь восьмых, десять лет.
Колодей *(широко улыбаясь)*. Сколько хапанул?
Кукоч *(уже со шмона)*. На передачи хватает, гражданин начальник!
Колодей. Моло-одчик.
Посошков *(берет Граню за грудь)*. А здесь чего насочувала?

Граня резко ударяет его локтем, заставив пошатнуться. Проходит. Выкликание продолжается беззвучно.

Мерещун *(Любе, которая села на вещах неподалёку)*. Девочка!
Люба. А?
Мерещун. Давно сидишь?
Люба. Хватает.
Мерещун. Подженимся?
Люба. Так сразу?
Мерещун. А что теряться?
Люба. Я не дешёвка.
Мерещун. Я не дешево и дам. Вот здесь я живу.
Кабинка моя. Чтоб ты знала.
Люба. Ну и живите.
Мерещун. Скучно.
Люба. Санитарок мало? *(Отворачивается.)*

Мерещун некоторое время смотрит на неё, потом замечает Кукоча.

Сержант *(силясь прочесть)*. Тыфу, будь ты проклят, где вас берут!.. Гоп... Гоп...
Гонтуар *(широкоплечий старик с серебряной седой, стриженной головой)*. Гонтуар Камилл Леопольдович, 1890 года рождения, статья пятьдесят восемь-один «А», через девятнадцатую, десять лет.
Мерещун *(Кукочу)*. Свитер у вас хороший. Цвет мне нравится.
Кукоч *(ещё не одевшись после обыска)*. И вообразите — не линяет. Попробуйте матерьяльчик! *(Дает пощупать.)* Заграничный! Знаете, кто его носил? Сын шведского миллионера!
Мерещун. Да что вы?!

Кукоч. Представляете, такой интересный номер: сидим на куйбышевской пересылке, жара, сто человек в камере, я — в одних трусах, он — в свитере и шерстяных брюках, говорит: изнемогаю, где бы мне в Советском Союзе достать трусы? Я говорю: для сына миллионера у меня есть запасные, немножко рваные, махнем на свитер, не глядя? Махнули. А вот попробуйте, оденьте. Тепло, мягко.

Мерещун. Давайте примерю, интересно, сын миллионера... *(Надевает.)*

Сержант. Семенов! Семёнов!!

Молчание.

Фиксатый *(одетый пестро, франтовато, без вещей, встает, подходит с медленной раскачкой)*. Наверно, буду я.

Сержант. Он же?!

Фиксатый. Макаров.

Сержант. Он же?!

Фиксатый. Балтрушайтись.

Сержант. Он же?!

Фиксатый. Прибыленко.

Сержант. Статьи!

Фиксатый. 162-я, 165-я, 136-я, пятьдесят девять-три.

Сержант. Срок?

Фиксатый. Пять лет

Колодей. Работать будешь?

Фиксатый *(нараспев)*. В посылочной — могу... Сам знаешь, начальничек, по субботам мы не ходим на работу, у нас суббота — каждый день.

Нержин *(командно)*. И спрашивать нечего — будет! Куда он денется?

Фиксатый обёртывается к Нержину, смотрит молча, проходит к нарядчику.

Посошков *(вытряхивая на землю чемодан Гонтуара)*. Смотри, гражданин начальник, книг понапихано, бумаги. Его — работать прислали, или что?

Колодей идёт на зов, оглядывает книги.

Фиксатый *(нарядчику)*. А ты кто? Сука?
Костя. В законе? *(Дает ему знак пройти без обыска.)*
Кукоч. Вообще этот сын миллионера имел на пересылке бледный вид. Такой интересный номер: написал какую-то статью в защиту социализма. Наши по этой статье решили его хапен-гевейзен, чтобы здесь, в СССР, он до конца осознал, перековался, отмежевался от западного мира вообще и от отца-кровопийцы в частности.
Колодей. И буквы какие-то не наши. Ты не шпион?
Гонтуар. Я — ветеран и инвалид двух мировых войн!
Колодей. Немец?
Гонтуар. Я?? Я даже такого слова не знаю — «немец». Мой родной город сожгли боши!!
Колодей *(не дослышав)*. Наши? Значит, надо было, раз сожгли... *(Погружается в раздумье.)*
Кукоч. Нет-нет, не снимайте, возьмите себе. У меня барахла хватает.
Колодей. Ты к чему это сказал, что — инвалид? Чтоб не работать? Я в Спасском лагере был, так там четверых одноруких соберут, чтоб у двоих правая рука, у двоих — левая, и — носилки им с камнями. Ничего, носят...
Мерещун. Ну, спасибо, хороший свитер. Вас как зовут, не спросил.
Кукоч. Борис.
Мерещун. Вы вечером зайдите ко мне в кабину, поговорим. Надо вам устраиваться.
Кукоч *(легко)*. Очень благодарен. Но я трагедии не делаю. Талантливый человек нигде не пропадёт!
Фиксатый *(2-му доходяге)*. Ты!

Доходяга по-прежнему роется в мусорном ящике.

Ты!

Доходяга роется.

Человек!

Доходяга оборачивается.

Этот в шинели — что за Рокоссовский?

2-й доходяга. Новый. Неделя, как приехал.

Фиксатый. Вольняга?

2-й доходяга. Какой вольняга! Зэк. *(Продолжает копать.)*

Фиксатый *(глядя на Нержина)*. Зэ-эк? *(С угрожающими жестами, видными Нержину.)* У, фашистская морда, глаза выколо!

Шарыпо *(кричит с той стороны ворот)*. Завпроизводством! Опять фронта работ нету! Опять люди сидят!

Нержин спешит в производственную зону.

Завбаней *(входит перед баракон, бьет доходягу ногой)*. Опять копаешься, зараза?

Доходяга падает от удара, ухрамывает.

Товарищи бытовики и господа фашисты! Прожарка готова! Пошли!

Движение, начинают уходить налево с вещами.

Гонтуар. Кому мешают мои книги? Книги не запрещены.

Колодей. Ка-ак это книги не запрещены? Кто-о это тебе сказал, что книги не запрещены?..

Разрисованный занавес.

А. И. Солженицын с женой Натальей Дмитриевной и сыном Степаном.

Кланяюсь Пишите Не забывайте.

КРАСАВЕЦЪ КІЕВЪ
Шлетъ Вамъ привѣтъ.

Трудно представить себе нечто более привычное и будничное, чем почтовая открытка. Кажется, что она существовала всегда. Между тем ее история насчитывает немногим более ста лет.

В 1871 году российское Министерство внутренних дел приняло «Временные постановления по почтовой части», которые узаконили новый вид почтовых отправлений — «открытые письма». На обороте их предписывалось печатать: «Почтовое ведомство за содержание письма не отвечает». Но, несмотря на предупреждение, хлопот с нововведением возникло немало. На от-

стве открыток было создано благотворительной организацией — Общиной святой Евгении Красного Креста. За двадцать лет существования (с 1897 по 1917 год) оно выпустило почти 6500 наименований открыток общим тиражом более 30 миллионов экземпляров.

Видовые открытки издавал чуть ли не каждый более или менее крупный русский город. Иногда авторами были малоизвестные фотографы, случайные люди. В «Повести о жизни» К. Г. Паустовский рассказывает о студенте, который заключил соглашение с одной из лучших московских фототипии — Шерера и Набогльца, ездил летом по уезд-

делает здания нарядными, похожими на роскошные торты. Тяга к украшательству чувствуется и в украинских открытках. В них зачастую используются незамысловатые коллажи, нарушается привычная перспектива, смещаются масштабы, возникают рисованные детали, а ретушь становится неотъемлемой деталью композиции. Но при этом авторы не переходят тонкие черты, за которыми начинается безвкусица. Есть в этих открытках что-то от лубка, от праздничного убранства хат, от радужного колорита украинских костюмов, от расшитых рушников и пышных малев на фоне ослепительно выбеленных ма-

НЕ
ВЫ-ли
КОПАЕТЕСЬ
въ ЖИТЕЙСКОЙ
ТРЯСИНѢ?

крытках зачастую писали весьма неприличные послания, порою со скабрёзными рисунками. Так что Министерство внутренних дел было вынуждено неоднократно требовать от почтового ведомства тщательного контроля за содержанием открыток.

Что касается открытки иллюстрированной, то ее возраст меньше ста лет. Ее появление в России долго сдерживалось несовершенством полиграфической техники.

По мнению известного советского коллекционера и исследователя Н. С. Тагрина, первая русская видовая открытка была издана осенью 1895 года. На ней изображены три московские достопримечательности: Сухарева башня, Английская церковь и памятник Пушкину — в причудливой вязи виньетки. А очень скоро открытка стала одной из самых популярных форм корреспонденции.

Крупнейшее издательство, специализировавшееся на произеод-

ным городкам России и снимал достопримечательности и красивые пейзажи. Однако изготовлением фотографий для открыток занимались и признанные мастера: М. П. Дмитриев, К. А. Фишер, С. М. Прокудин, Горский, в Кисловодске Г. И. Раев, в Чите А. К. Кузнецов, в Уфе О. Ф. Герман, на Урале В. Л. Митенков. Что привлекало их к этой работе? Наверное, невиданная популярность открыток. Даже зарубежные издатели охотно печатали открытки русских фотографов. Большие тиражи приносили типографиям немалый доход.

Среди массы открыток особняком стоят те, что издавались в Киеве. Замечательные фотомастера Гудтон, Губчевский, Марков, а также типограф Кульженко создали особый киевский стиль, и их открытки не спутаешь ни с какими другими. Невольно напрашивается сравнение с архитектурными ансамблями, построенными в стиле «украинского барокко»: причудливое убранство

Но, пожалуй, самым трогательным в этих фотоминиатюрах были напечатанные на них послания к неизвестным адресатам: «На спомин рідного краю!», «Не забуду рідну Україну!» и так далее. Возможно, подобные ностальгические надписи предназначались для соотечественников, оказавшихся волею судеб за границей. Точно этого никто не знает. Так или иначе, из обычной почтовой карточки открытка, даже не надписанная отправителем, превращалась в средство общения.

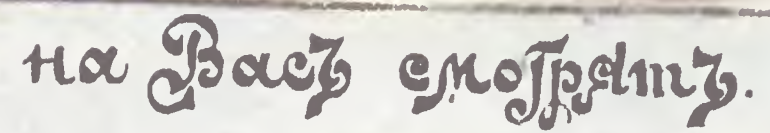
Сейчас мы с особым волнением берем в руки старые открытки: они помогают понять тех, кто их создавал, покупал, рассылал знакомым или бережно хранил для будущего.

Редакция благодарит киевских коллекционеров В. В. Ковалинского, Я. И. Бердичевского и других, а также сотрудников Музея истории Киева за предоставленные материалы.

Поборница равноправія у мужской купальни.

Глазки Кіевляночки

В этой рубрике мы предлагаем нашим читателям срез советской действительности, какой она предстает на страницах зарубежной периодики. Наша жизнь, увиденная их глазами, равно говорит и о нас, и о них. Здесь вы найдете и дайджесты серьезных аналитических статей, и маленькие курьезные заметки. Отбор материала — дело редакции. Ответственность же за правдивость, точность и тон ложится на зарубежные источники.

еще неслыханных в России, что у перестройки есть единственный шанс — заменить Маркса рынком.

Если Горбачев послушает радикалов, он может сделать выбор в пользу трехэтапного восстановления. Срочная цель в первом этапе — ликвидировать излишнюю неличность. Это означает урезать бюджетный дефицит, который в 1989 году составит, вероятно, примерно 120 миллиардов рублей (около 13 процентов валового национального продукта), и изъять у населения те 200 миллиардов накоплений, на которые просто нечего купить.

Подавительное большинство предприятий, чья деятельность не приносит пользы обществу, должны быть ликвидированы. Государство должно прекратить усилия сдерживать бюджетные расходы, а также сократить социальные выплаты, которые являются огромным бременем для экономики.

и об упомянутых формах предпринимательства должны быть по-настоящему либеральными. Минимум прав для бюрократического вмешательства, максимум прав для рабочих управлять арендованными предприятиями, включая право их выкупа.

Этого не произойдет без выполнения требований первого этапа — сокращения наличных средств. Это будет происходить слишком медленно без третьего этапа — введения конвертируемого рубля.

У Горбачева есть шанс либерализации экономики. Он должен использовать его быстро, счет идет на месяцы. Альтернативой прогрессу является только провал.

«ЭКОНОМИСТ», Великобритания

«Экономист», Великобритания

РЕФОРМА СНИЗУ?

Нехватки товаров стали настолько острыми, что русские вспоминают брежневские 70-е годы как время изобилия Мыла, бритвенных пезвия и бей — последние дефициты в этом ряду. Даже сигареты к растущему раздражению нации курящих, все труднее найти. Состояние финансов катастрофическое, что видно всего по инфляции, растущей, несмотря на контроль над ценами. Рубль все меньше похож на настоящие деньги и все больше — на потерянный билетик: никто не знает, что сможет на него купить.

Слабость экономики Подняла голову
другие беды. Подняла повод консерваторам
ность, а это дает повод и порядку. Усилива-
говорить о законе и националистиче-
ется национализм (говорят, что безработи-
ские эксцессы (говорят, что молодых погро-
цей охвачено 50 процентов уровня жизни
узбеков, которые и заняли себя жизни
мами турок). Падающий уровень которые
стал причиной забастовок которые
еще до выступления шахтеров вовлека-
ли до 15 тысяч рабочих по стране каж-
дый день.

Сторонники реформы системы воз-
растания карточной системы. Это
бюрократов

Старонники карточечной системы считают, что она может вернуть к власти бюрократов и усилить перестройку. Единственным успехом перестройки считают появление кооперативов и частных предприятий.

Единственным успехом перестройки до сих пор было появление частных пред-
приятий. Горбачеву следовало бы при-
слушаться к московским экономистам,
ставшим политиками. Их мнения все бо-
лее освобождаются от уз идеологии.
Они говорят о потребности в «нормаль-
ном цивилизованном рынке» (где слово
«социалистический» кажется не отно-
сящимся к делу), об акциях, денациона-
лизации и прочих ересь, ставших об-
щим местом в Венгрии и Польше, но все

Часть нево-
3 миллиардов) можно импортировать
другого, менее срочного импортного
дня каждый доллар, затраченный на
потребительских товаров, дает в сред-
нем не менее пяти рублей выручки в со-
ветских магазинах. Но каждый видео,
потраченный на компьютер или видео,
дает на черном рынке 20—40 рублей.
Нужно правильно выбрать товары для
вывоза, ориентируясь, скажем, на
15 рублей за каждый истраченный дол-
лар. Тогда импорт покроет половину
излишней наличности. Остальное мож-
но покрыть, предъявив на рынок зе-
млю, дома и ценные бумаги, которые на
нем сейчас отсутствуют только по
идеологическим причинам
Горбачев признал, что ключом к
собственности. Гос-
большой час

М. Горбачев признал, что ключом ко всему является собственность. Государство должно уйти из большей части экономики. Он не может полностью поддерживать частную собственность (эстонцы здесь менее застенчивы), предпочитая говорить о кооперативах и аренде. Законы о собственности

ПАРТНЕРЫ ЗАПАДА

ПАРТНЕРЫ ЗАПАДА

Идет ли речь о Польше, Венгрии или СССР, всюду одно и то же: новые либеральные постановления регулирующие создание совместных предприятий и по рядок капиталовложений, все еще не вошедши в практику деятельности местных аппаратов власти.

Но являются ли совместные пред приятия самым рожденным в мире способом самым эффективным, помогающим банкам и фирмам извне?

«Во время переговоров всегда помните о том, что восточные европейцы больше нуждаются в вас, чем вы в них», — советует американский администратор, имеющий бюро в Будапеште. «Восточные европейские экономисты и политики ожидают от совместных предприятий многого, возможно, даже чересчур многого. Западный партнер должен предоставить капиталы, новые технологии и «ноу-хау», после этого восточные партнеры пробавляться на рынке».

еще нужно пробиваться на рынок, зарабатывать валюту. Предлагают восточные партнеры более низкий уровень сотрудничества с ней —

ЕЩЕ РАЗ О «ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ»,
войны» речь шла
финлян.

ЕЩЕ РАЗ О «ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ»

В ходе «зимней войны» речь шла не о пересмотре советско-финляндских границ или о предоставлении Финляндией СССР военной базы, а о праве финляндского народа на самоопределение. Этот не неожиданный для финнов вывод делает бывший дипломат Макс Якобсон. Но интересно то, что его толкование войны и ее причин опубликовано в советском еженесячном журнале «Родина» (№ 8).

В то время, когда печатается новая по-прежнему популярная книга О «Зимней войне» (М., «Воениздат», 1970), в стране уже не было ни одного человека, который бы не знал о «Зимней войне».

Советская печать ведет борьбу с содержанием дискуссии о «зимней войне», в которой признается нападение советских частей на Финляндию и ма- рионеточный характер правительства Куусинена.

Для среднего читателя в Советском Союзе статья содержит по меньшей мере новые формулировки по сравнению с теми, что сказали историки в период гласности.

«Хельсингин саномат»,
Финляндия

«ЖИГУЛИ» ИЗ-ЗА КОРДОНА
Союзе всегда был
...и уд

В Советском Союзе всегда было не-
просто купить машину. Если и удается
скопить нужное количество рублей,
приходится шесть лет ждать, пока по-
дойдет очередь. Правительствам
приоритеты только добавляют к отчая-
нию потребителей: почти половина из
720 тысяч выпускаемых «Жигулей» про-
дается за границу — нужна валюта
Зато советский рынок — мечта для
поддержанным машинам
многочисленных эстонцев

Зато советский рынок — машинами торговцев подержанными эстонцев. Несколько предприсмочных станков, возможно нашли способ стать торговцами такими машинами на первом в СССР свободном рынке. Они основа-ли в Таллине кооператив «Белеста», который заключил договор с бельгий-ской компанией «Садкоу» «Садкоу» будет покупать подержанные и через кооператив перепродавать их в СССР в странах Западной Европы и через кооператив перепродавать их в СССР. Две сотни «Жигулей» уже приш-море в Таллине. Предприниматели н-дуются, что в ближайшие два года с-продадут таким образом несколько с-ся машин. Продаваться они будут твердую валюту, но благодаря пос-ним рыночным реформам сейчас в-той обладают все больше сове-продей.

«Ньюсвик», США

authorities

rov remain

986, when

him back

«Вельт», ФРГ

«Вельт», ФРГ words as a

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Все дальше в прошлое уходит слава Звенигорода — красивейшего русского города, ровесника Москвы. Названный когда-то «русской Швейцарией», так много значивший в творчестве А. Чехова, И. Левитана, С. Танеева, М. Пришвина, он из года в год превращается в пыльный, захолустный городишко.

В маленьком Звенигороде обособились и хозяйничают более десятка различных ведомств. Они строят повсюду свои пансионаты и тем наносят немалый ущерб природной и исторической среде города. Общественности приходится вести борьбу буквально за каждый клочок звенигородской земли.

Сегодня Звенигороду угрожает уничтожение последнего сохранившегося в черте города лесопарка. На его территории планируется строительство пансионатов Метростроя и завода «Рубин». Местом стройки выбран лесной песчаный холм, у основания которого берут начало питающие Москву-реку родниковые ручьи. Стройка нарушит веками сложившийся режим грунтовых вод, и лес неминуемо погибнет, как тот, который сохнет уже теперь в древнем кремле города.

Невзирая на заключение Союза архитекторов о недопустимости дальнейшего строительства учреждений отдыха в Звенигороде, решение о строительстве уже принято. Звенигородский горисполком не смутило категорическое возражение областного Общества охраны природы и отсутствие разрешения лесхоза на вырубку леса. Не считаясь с бурными протестами жителей города, прессы, деятелей культуры и специалистов-экологов, местные власти все-таки «запродали» этот кусок звенигородской земли, отклонив даже попытки поиска альтернативных вариантов. Чувствуя сопротивление жителей и незаконность принимаемого решения, председатель горисполкома т. Ермакова в течение месяца «готовила» сессию горсовета, обрабатывая депутатов, руководителей организаций города.

На сессии горсовета защитников леса клеймили позором, обвиняли в том, что они выступают против развития города, тогда как на деле общественность борется против безразличной постановки вопроса: или город — или лес. Вокруг города в избытке неудобий, которые силами

богатых ведомств можно превратить в цветущий сад, а не наоборот.

Если посмотреть на карту области, то можно увидеть, что западное Подмосковье — главный поставщик кислорода в Москву, ее зеленые легкие. Уничтожать их — значит обрекать на удушье и столицу.

**Жители ЗВЕНИГОРОДА.
(Всего 430 подписей.)**

Звенигород,
Московская область.

На обложке одной из книг А. Зинovieва изображены две крысы. Они переплелись лапами и хвостами. Не поймешь — то ли целуются, то ли хотя бы выдрать глаза друг другу. А в книге рассказывается о жизни нашего общества...

Крысы и пауки. Животные и насекомые. Люди смотрят друг на друга как на конкурентов. Реальных или потенциальных. Каждый лишен чувства вины за создавшееся положение. Всеобщее омертвление.

Многие граждане требуют: пусть бы постановления и законы должны иметь авторов! Журналисты и юристы жалуются: нельзя найти ни инициатора, ни автора ни одного закона. Тем более — ведомственных инструкций. Об этом же самом говорят депутаты на сессии Верховного Совета СССР. Председательствующий в досаде сжимает губы и бросает в зал, что кое-кто хочет заменить борьбу идей отстрелом людей.

Заместитель Председателя Верховного Совета имеет основания так говорить.

Нельзя, однако, не видеть в этом стремление защитить анонимность решений...

Возникло новое мировоззрение — онизм. Во всем виноваты «они»! — неопределенный жест вбок или вверх. Всеобщее омертвление переплелось с не менее всеобщей анонимностью. Хотя иногда она выступает в маске политического благородства.

Кто же эти таинственные «они»?

Если упорно читать «Наш современник», неизбежно придешь к выво-

ду: во всем «жиды виноваты». Если не менее систематически читать «Огонек», можно заключить: во всем виноваты сталинники, консерваторы и бюрократы. Читая «Красную звезду», убеждаешься: демократия виновата, хотя она только-только начинает проклевываться. Точку над «i» ставит «Правда»: виноваты, граждане, мы сами, мало еще у нас порядка и организованности!

Не требуется особой внимательности, чтобы увидеть пустующие полки магазинов и толпы людей, стоящих в очередях по всей стране. Значительно труднее распознать политический потенциал, который в них скрывается. Не может ли регламентация потребления «сверху» заменить культ палки? И возродить привычки, типичные для людей, живущих в «осажденной крепости»?

Эта проблема обостряется со дня на день. «Литературная газета» начала полемику о необходимости «твердой руки». Инициаторы дискуссии — ученые-политологи — не выходят, однако, за рамки классического положения А. Токвиля (хотя его и не цитируют): «Революция не всегда вспыхивает тогда, когда тем, кому было плохо, становится еще хуже. Чаще всего бывает так, что народ, который без жалоб, почти безразлично, выносил самые тяжелые законы, — неожиданно их отбрасывает, едва давление немного ослабнет. Свергаемый революцией порядок почти всегда бывает лучше того, что ему непосредственно предшествовал! И опыт учит, что самой опасной минутой для плохого правительства бывает та, когда оно начинает вводить реформы».

Этот тезис Токвиля считается классическим в мировой политологической литературе и наиболее часто цитируется. Почитаем еще немного: «Только великий личный гений может спасти властителя, который решает облегчить судьбы своих подданных после длительного периода угнетения. Зло, которое люди терпеливо выносили как неизбежное, кажется невыносимым с того момента, когда в умах пробуждается мысль, что его можно избежать. Тогда каждое устраненное злоупотребление как бы позволяет увидеть все остальные и усиливает ощущение их обременительности. Зло, конечно, уменьшается, но увеличивается чувствительность людей на зло».

Токвиль прав — наша политическая чувствительность резко обострилась! Десятилетия народу говорили только четверть правды о его жизни. Потом, когда правда немного постарела, ее стали говорить вполголоса. И наконец наступила действительная «перестройка» — уже говорят три четверти правды!

А народ вместо благодарности рассуждает: почему от него скрывают последнюю четверть?

И тогда кое у кого возникает в голове мысль: не лучше ли было ничего не трогать и не менять? Ведь реформы приводят к тому, что народ начинает думать...

**Виктор МАКАРЕНКО,
доктор философских наук
Ростов-на-Дону.**

Мы виноваты перед нашими детьми. Все виноваты. Разве что в разной степени. Говорить о состоянии наших родильных домов — первого пристанища человека — не хватит не только объема этого журнала, но, думаю, и всех отечественных запасов бумаги. Что до яслей и детских садов, то они недалеко ушли от родовых. Эта тема тоже неисчерпаема.

И вот ребенок, недополучив всего того, что он мог получить в раннем возрасте, со своими (но еще не всеми) комплексами (психологи это называют «внутренней проблемой, мешающей нормальному развитию») оказывается в школе. Может быть, здесь наконец он попадет в благоприятные для его развития условия? Чтобы научить чему-либо, надо если не понять, то хотя бы увидеть и услышать обучаемого. Ведь если «ничего не вижу, ничего не слышу», то кого и чему ты обучаешь? Тем не менее — обучаем.

Когда моя дочка училась в первом классе, она совершила «политический» проступок. Я была вызвана в школу, и директор школы с двумя учителями-стажерами имела со мной «доверительную» беседу. «Дело» выглядело так: в коридоре, где обитали первоклашки, имелся стенд, на котором старшеклассники вывешивали газетные вырезки на политические темы. И чтобы вырезки было легче менять, их прикалывали к ватману портновскими булавками. И вот моя дочь была застигнута на месте преступления — она откалывала такую булавку. Директор школы с содроганием в голосе разъясняла мне, что бы произошло, если бы они не подобрали вовремя, и она бы отколола все булавки, и «вся политическая информация оказалась под ногами учеников»!

— Понимаете, что это такое? Чего она этим хотела добиться? Откуда это в ней?

— А вы у нее спрашивали?

— А что тут спрашивать? Спрашивали — молчит. Поработайте с ней как следует. Ну и мы, конечно,

поработаем, — пообещала директор.

И это слово «поработаем» материализовалось для меня в угрозу, почти физическую. Дома у дочери спрашиваю:

— Татьяна, зачем ты булавку-то откалывала?

— Мальчишки нас за косы дергают, а мы их булавками колем.

— Ну, а вы подумали, что от этого вырезки могут на пол упасть?

— Что ж мы, глупые, — обиделась дочка, — мы только лишние откалываем. У них там сбоку целая куча запасных понастьканна.

Вот вам и диссидентка в духе чеховского «злоумышленника».

Другой случай.

В пионерлагере над входом в клуб было ласточкино гнездо. Ребята слезили и увидели: ласточка сидит на яичках. Потом появились птенцы. И все наблюдали, как ласточка весь день мечется из гнезда в лес и обратно. А снизу очень забавно было видеть раскрытые клювы птенцов, которые ласточка поочередно заполняла. И вот узнаем: двое ребят из детского дома разбили камнями гнездо и поубивали птенцов. Я была на педсовете, когда этих ребят «прорабатывали». Их не клеймили, а укоряли:

— Как вы могли! Ведь они же живые, им же больно!

Ребята понуро молчали. И всем казалось, что до них наконец дошло и что они ужаснулись содеянному. Уже решили перейти к следующему вопросу, и ребят отпустили. Они выходили, когда молоденькая воспитательница одного из них за руку и спросила:

— Зачем вы это сделали? И получила искренний, всех ошеломивший ответ:

— А нам хотелось их помучить. Это уже другая тема, почему им этого хотелось. Во всяком случае, слова «им же больно» или не по адресу. Я о том, как часто мы заблуждаемся, считая, что знаем, почему с другим произошло то или иное событие. «Знаем» по схеме своего мышления, становясь на место действующего лица по известному нам стереотипу. Особенно часто от этого страдают дети и подростки.

Вот это неумение спросить, спросив — услышать, а услышав — разоблачить и понять — ошеломляюще.

Такое впечатление, что все работающие с детьми обучены их не слышать. Даже задав вопрос, большей частью риторический, — не услышать ответ. Достучаться ребенку до воспитателя в детском саду, до учителя с чем-то своим практически невозможно. Дети это скоро понимают и оставляют свои попытки уже в начальной школе. И только в старших классах, когда это непонимание достигает размеров, угрожающих самим взрослым, родители и учителя спохватываются, но теперь уже достучаться до подростка не могут они сами.

Одна из сильных сторон любой религии — исповедь или просто доверительная беседа с духовным лицом, возможность высказаться в затруднительной ситуации, быть услышанным и получить совет. Чем можем мы заменить такую исповедь? Задумавшей беседой с сослуживцем, пред-

ставителем парткома, месткома, а для ребенка с пионервожатым или учителем? Само перечисление лиц, с которыми предполагается такая беседа, вызывает улыбку.

Как он нам нужен, человек, лично не заинтересованный в возникшей у собеседника острой проблеме, умный, уважаемый, желающий и умеющий выслушать, не имея заранее готовых оценок...

Куда можно обратиться подростку? Позвонить по недавно организованному телефону доверия? Но это когда «SOS», а заранее, на подступах к возможной беде? В детскую комнату милиции? Но с ее работниками сталкиваются те, кого в эту комнату приводят. Это тоже своего рода «SOS», но уже со стороны общества. А вот где такая комната, в которую можно прийти самому?

В Москве на этот случай для подростков есть Кабинет социальной-психологической службы и городская консультация по вопросам семьи и брака. Что они могут в многомиллионном городе?

Растет сеть кооперативов с привлечением психологов, но там прием стоит от 10 до 25 рублей в час. Тем самым «за бортом» оказываются наиболее нуждающиеся в психологической помощи дети из малообеспеченных семей. Кооперативы эти — в Москве, но ведь и в других местах живут люди.

Пора становиться цивилизованным государством. Государством, в котором каждый, я уж не говорю гражданин, хотя бы ребенок, мог получить психологическую помощь бесплатно и своевременно. У нас привыкли оперировать «душами» населения. Не пора ли об этой душе подумать? Может же одномиллионный Столгольм позволить себе 30 бесплатных психологических консультаций.

Я вовсе не считаю доступные психологические консультации какой-то панацеей. Это только одно из ряда других необходимых условий для нормального развития наших детей. Конечно, духовника в его настоящем значении нельзя заменить психологом. Может быть, нужны и какие-то иные, еще неизвестные формы? Надо подумать...

Как бы ни было трудно ребенку в том мире, какой мы ему оставили, очевидно, что самое трудное и необходимое — научиться разбираться в самом себе, предъявлять наибольшие требования к себе, а не к окружающему. И здесь опять-таки на первых порах может помочь психолог.

На эту проблему стоит посмотреть и с другой стороны. От нас самих зависит не оказаться в положении многих наших сегодняшних пенсионеров, вынужденных влачить нищенское существование. Помогая сейчас нашим детям скорректировать их мироощущение, адаптироваться в нами же искореженном мире, мы тем самым помогаем себе в будущем. Чтобы через 10—15 лет иметь уже не сегодняшних озлобленных граждан, не равнодушных или растерянных воспитателей, учителей и медперсонал, а таких людей, которых мы бы желали видеть вокруг себя повседневно.

**Инна ХАН
Москва**

Себежский район, западная окраина Псковской области.

Удивительный, чудный край. Здесь густые, дремучие леса неприметно переходят в топкие болота, а веселые зеленые холмы соседствуют с холодными скалами. И вода — целое море, если собрать воедино пятьсот озер, которые огромными стеклянными блюдцами поразбросаны по всей округе. Только в черте Себежа таких озер семь. Сам город стоит как бы на полуострове. Глянешь утром окрест из окошка — дух захватывает.

В древний Себеж мы приехали на встречу с сельским священником.

Долго искать его не пришлось. Первый же встречный ткнул рукою в извилистую улочку: «Там он, батюшек наш, спозаранку на церкви плотничает».

«Батюшок», неспешно отряхнувший руки и шагнувший от порога храма к нам, оказался черноволосым, богатырского сложения молодым мужчиной с добрым взглядом и открытым лицом.

Отцу Петру 27 лет. Родом из семьи колхозников. До армии работал сначала слесарем на заводе, а потом полгода жил в Печорском монастыре, где занимался строительными делами.

В войсках дослужился до старшего сержанта, был заместителем командира взвода. После увольнения в запас опять вернулся в монастырь, где нес послушание на клиросе, много читал, учился церковному пению, работал по хозяйству.

Мысль о монашестве зрела у него давно. Но вот однажды познакомился с девушкой из религиозной семьи, и любовь пересилила, вскоре они с Мариной обвенчались.

Однако семейная жизнь религиозным устремлениям, видимо, никак не мешала. Искренние старания молодого послушника были замечены, и по ходатайству наместника монастыря был он рукоположен в дьяконы, отправлен на службу в один из приходов. А в прошлом году, возведя уже в звание священника, его назначили настоятелем себежской церкви.

Церковью это строение можно назвать разве что условно. Развалюха, а не храм достался молодому настоятелю, что отца Петра, впрочем, не смутило. Без промедления взялся за реставрацию: он здесь и прораб, и художник, и разнорабочий одновременно. Трудится со всеми наравне, таскает тяжеленные доски, карабкается по строительным лесам, поднимает цементный раствор, ловко орудуя топором и пилой. Занимаясь ремонтом куполов, заодно осаоил и профессию жестянщика.

Себежская церковь Святой Троицы построена в XVII веке, является памятником архитектуры. Восстановительные работы сегодня ведутся исключительно на народные пожертвования. Средств не хватает, собирают с мира по нитке...

Странствует в народе множество легенд о том, что священнослужители буквально купаются в неслыханной роскоши. Слухи слухами, ну а в жизни-то?

Сразу же удовлетворю самое крайнее любопытство: есть, есть у себежского батюшки машина. «Волга» первого выпуска. Купил по случаю несколько

ОДИНОКАЯ СТЕЖКА

лет назад и — не приведи господь теперь этот механизм. Вся на палочках и на веревочках, по-моему, держится, и прошла машина, похоже, расстояние не меньшее, чем до луны и обратно. Поехал, например, в Великие Луки — оттуда привез шпатель и гипса полтонны. На ней же — и доски, и цемент на стройку.

Домик, что в Себеже куплен, пока идет реставрация храма, отдан под молитвенный. Семья же снимает квартиру. Дрова, вода — своими руками. Мясо, сахар, мыло, стиральный порошок и прочее — все по талонам, как и у других.

Жалование у отца Петра сто пятьдесят рублей в месяц, после вычета налога остается из них сто пятнадцать. Супруга Марина, регент церковного хора, получает за труд семьдесят рублей. Даже если все вместе сложить — не разгуляешься. В семье растут трое сыновей, самому старшему из которых, Петру, четыре года. Риску заметить, с таким семейным бюджетом посты соблюдать не так уж и трудно.

Следует отметить, что финансовое положение отца Петра считается не самым бедственным. Есть на Руси приходы, где священники получают и вовсе лишь семьдесят рублей.

И еще один любопытный расчет. Пенсия священнослужителю начисляется из расчета двух рублей за каждый год службы. Стало быть, отслужил верой и правдой сорок лет, и живи потом в старости на восемьдесят рублей.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» Не случайна молитва эта. Знают ее и четырехлетний Петя, и братишка его двухгодичный Вася. А Гаврику хоть и год всего-то исполнился, но тоже живо елозит глазенками, чутко прислушивается к речениям старших.

Интересно узнать, каким же представляется будущее своих детей батюшка. Не обязательно должны они стать

священнослужителями, слышу в ответ. Нельзя навязывать человеку ни воззрения, ни тем более судьбу. Иначе будет она в тягость и ему, и окружающим. Хотя, конечно, хотел бы видеть сыновей верующими, добрыми людьми...

— Господь не обязал человека творить добро или зло, он свободен в своем выборе, — неспешно размышляет отец Петр. — И что зловредного в том, что религия призывает человека к постоянному совершенству и вечности?..

Во многом наши взгляды несовместимы, но спорить с батюшкой нет никакой охоты. Для полемики — другое место.

Видно, и отца Петра одолевают трудные думы. И надо во всем разобраться, понять и осмыслить. Потому, наверное, на рабочем его столе, помимо книг богословских, лежат еще и свежие номера газет: «Известия», «Аргументы и факты», здесь же стопки журналов «Семья и школа», «Крестьянка», «Работница».

Много забот у отца Петра: тут и храм поднимать надо, и детей воспитывать, и к экзаменам очередным в духовной семинарии, где учится заочно в четвертом классе, успеть подготовиться. А еще церковные службы, отправление обрядов...

В прошлом году старушка из дальней деревеньки приметила в лесу разоренную могилу. Рассказала местным сельским властям. Те сообщение оставили без внимания. Только в канун нашего приезда отец Петр узнал об этом — тут же засобиравшись в дорогу.

Место удалось найти не сразу, густо заросли все подступы к нему. Наконец, увидели зияющую чернотой глубокую яму, разбросанные по сторонам могилы человеческие останки. Тут же валялся втоптаный в землю надгробный камень. Надпись гласила: здесь похоронен в 1897 году священник Гавриил Еленевский.

Не думал, конечно, отец Гавриил, что в грядущем просвещенном веке варвары-кладоискатели осквернят могилу и придется отпевать его вторично.

Молча стоим на глинистом взгорке, внимая напевным словам молитвы. Сладковато тянет дымком от кадила, что мерно покачивается в руке священника. Безжалостно кусают комары, где-то в отдаленье мычит корова...

Замерла рядом старушка-поводырь. Глядит отрешенно-подслеповатыми глазами, в которых за восемь почти десятков лет и блеска уже не осталось.

Доживает свой век Анна Евсеева в деревушке неподалеку. А в деревне той брошенной и всего-то один ее дом теперь остался. В неделю раза два проедет автолавка, сбросят хлеба, еще чего по мелочи, да и укатят дальше.

Чем живет, как — наверное, бог один и ведает. Никому нет дела.

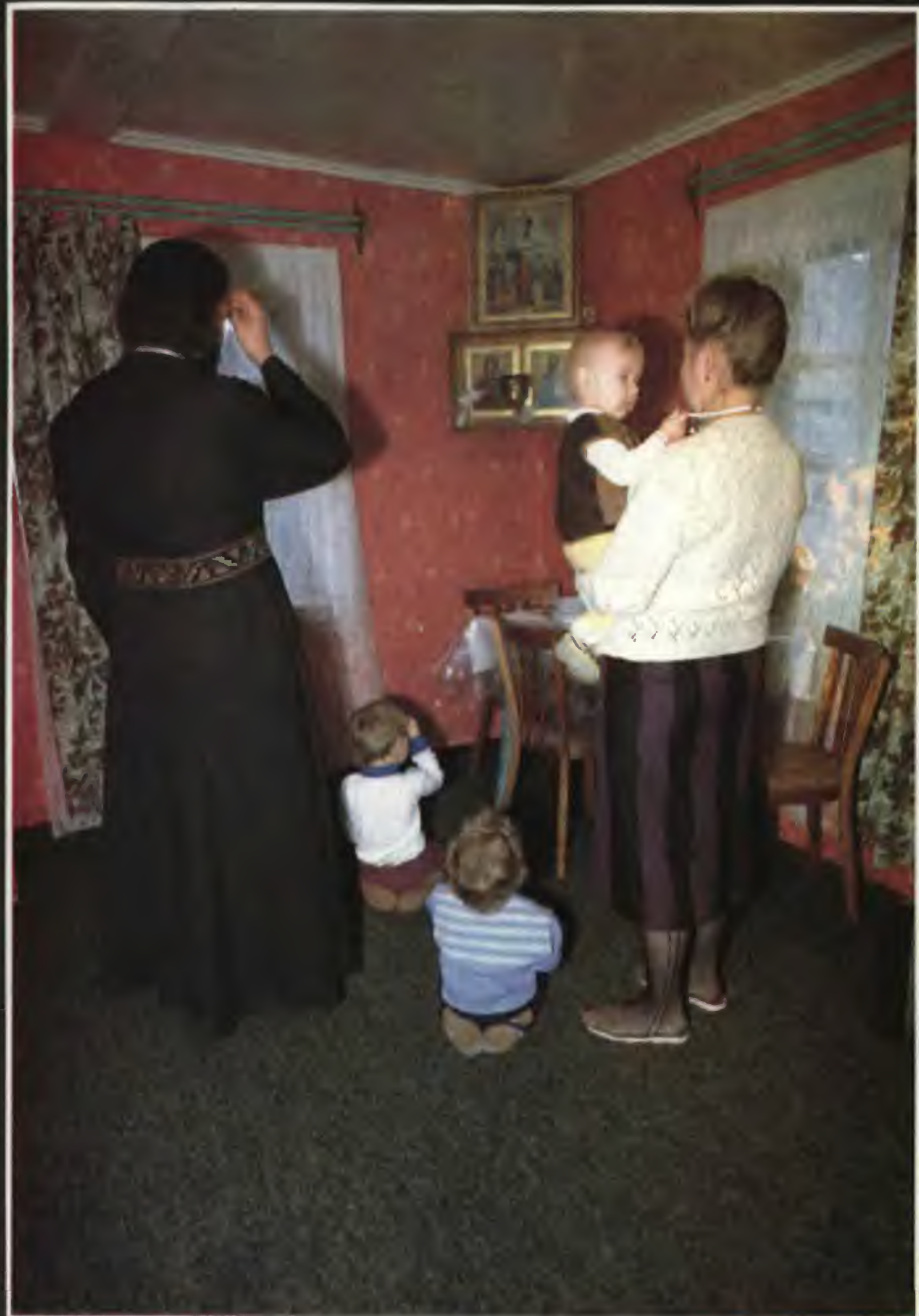
— Я приеду сюда еще, — говорит старушке отец Петр. — Теперь буду про вас знать, не позабуду...

Он не забудет, сомненья нет. Протопчет стезжку к избе старушки.

А мы-то что же? Ни в бога, ни в черта, значит, ни в Анну Евсееву?..

Владимир БЕЛЫХ

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Архиепископ Владимир:
«Сельский священник... Иной попадает в такие условия,
что только удивляешься: как же он там существует,
чем еще жив».

«Душа обязана трудиться...» — сказал поэт.
Только на селе этого мало.
У отца Петра есть всего лишь одна привилегия —
делить с прихожанами все тяготы,
всю неустроенность деревенской жизни.

РОМАН С БАРАБАНОМ

Итак, каков нынче пионер? Стучит ли он в барабан на рассвете, клянется ли над костром, что «близится зра светлых годов»? А может быть, надевая на занятия галстук, тихо прячет его в портфель, чуть только выйдет за порог школы?

На I Съезде народных депутатов Альберт Лиханов попытался заинтересовать зал положением детей. Правда, когда речь зашла о пионерах, и он соскользнул со взятого тона и предложил, чтобы на Мавзолей в час парада взбежали не просто активисты в красных галстуках, а, скажем, сироты из детских домов. И чтобы правительство потом опвало лично каждого взбежавшего. Зачем? Чтобы показать, что наш сирота самый счастливый в мире? Вот и «Артек» недавно внес подобное предложение — он будет устраивать раз в году показательную смену сирот...

Но адруг, представьте, неожиданно для себя мы построим истинно демократическое общество. И кто его от нас унаследует? Вот те построившиеся по ранжиру, которых невозмутимо продолжает штамповать школьный пресс? Или «переучиваться» в 30 лет — уже наша добрая традиция?

Надо сказать, пока мы забыли о детях, они все еще нас любят и нам подражают. В пионерской организации происходит созвучное новому духу брожение. Уже есть индивидуумы, не желающие из принципа надевать галстук, а другие не хотят потом вступать в комсомол. Уже в сердце пионерии, в «Артеке», прошел бунтарский IX слет, где впервые дети отказались голосовать за решения, навязанные взрослыми, где они выступили против бюрократии и формализма. Но все эти бунты происходят по-детски. Робко. Одиноко. Сборов, линеек и прочих трескучих акций стало меньше. Но им на смену ничего не пришло. По выражению московского ученого Олега Румянцева, образовался мучительный вакуум. Он заполняется чем угодно.

«Да забудьте вы слово «организация», — убеждала меня народный депутат от «Артека» Светлана Батраченко. — Нет никакой пионерской организации! Какая же организация без устава, свободного права вступления и выхода, без права на самостоятельность, без собственных финансов и материальной базы?»

И верно. Все пять пунктов, определяющих организацию, отсутствуют. Что же это тогда?! О чем мы писали столько лет, чем хвалились, чему посвящали стихи и песни?

Пионерская организация по сравнению с иными, революционными, возникла у нас сравнительно поздно, в 1922 году. Родилась она, вытесняя русских скаутов-мастеров. Что мы знаем сего-

дня об этой, давно ушедшей в прошлое российской организации? Движение бойскаутов, как известно, возникло в 1907 году в Англии. Его инициатор — колониальный полковник Бадэн-Пауэлл — стал кумиром миллионов детей во всем мире. В движении скаутов много элементов военной игры, уже само слово «скаут» («разведчик») говорит о направленности организации. Но скауты не были «оголтелыми милитаристами», хотя впечатление об этом и пытались оставить наши историки. Это были, между прочим, мастеровые и умелые ребята. Каждый должен был освоить какую-нибудь профессию. Н. К. Крупская называет 28 скаутских профессий. Каждый юный мастер сдавал экзамены, после чего получал разряд и особый значок. Скаут-телеграфист, например, обязан был владеть своим делом настолько, чтобы в любой момент заменить у аппарата взрослого. Скаут-наездник (значок «шпора») не только знал все тонкости верховой езды, но и умел ходить за лошадей, лечить ее. Скачут-прачка стирал, гладил любую бельё. Портной (значок «утюг») мог сшить себе форменную рубашку и брюки. Печатник разбирался в шрифтах, без труда набирал афишу. Вот как об этом рассказывает Н. К. Крупская: «Проходит скаут по улице, видит разбитое стекло, свое умение ставить стекла он сейчас использует... Видит скаут поломанный забор — сейчас же принимается за чинку его, кому бы он ни принадлежал. И так во всем. Это настоящий «хозяйский» подход ко всему, имеющий громадное воспитательное значение». Во время гражданской войны русские скауты-мастера помогали формировать детские дома, вылавливать беспризорных, создавали отряды детской милиции, называвшейся «братья и сестры социальной помощи».

После III Всероссийского съезда РКСМ решено было выводить организацию из рамок экономической помощи. То есть идеологизировать ее. Многие скаутские педагоги — такие, как Фатьянов, Жуков, — выступили против того, чтобы детская организация подчинялась комсомольской, против излишней ее политизации. Они считали, что у детей нельзя забирать детство, им нужен свой мир, игра, герои, вроде Робинзона Крузо, лидеры вроде Бадэн-Пауэлла. Никаких Робинзонов Крузо! — был суровый ответ. — Воображение ребенка должно быть максимально приближено к борьбе и интересам класса.

Итак, со скаутизмом мы поврали. Но позаимствовали у него слово «пионер», что обозначает одну из скаутских профессий. (Значок «топор и кирка». Суть профессии — прокладывать дорогу отряду.) Много еще чего заимствовали. Шел этот процесс таким образом. «Мы ходили по отрядам, особенно в цен-

тральный отряд Фатьянова, — пишет один из создателей пионерского движения, И. Рогов, — знакомилась с работой, с отдельными работниками, одновременно вели работу по «разложению» скаутотрядов, ловко указывая на их недостатки, на отсталость от политической, общественной жизни, на их Бадэн-Пауэлл, сравнивая его с каким-либо лордом вроде Керзона...»

Детское движение выходило на марш. Еще в 22-м году мужественную и одинокую попытку остановить этот стремительный и, как все больше выяснялось, холостой ход сделала Надежда Константиновна Крупская. Она написала смелую статью «Р.К.С.М. и Бойскаутизм», где защищала скаутов, указывала на конкретность их дел, призывала пересмотреть их опыт. Крупская настойчиво пыталась объяснить, что дети не могут присягать абстрактным понятиям и жить ими, что ребятам нужны ясные цели. Нужна им также и культура — культура мелочей, мелких жизненных ритуалов — того, что еще ндаено называлось обывательскими предрассудками. Она заговорила о религии, цитируя одного из скаутских педагогов: «Каждый скаут должен принадлежать к какому-нибудь религиозному исповеданию и посещать богослужения... Деятели французской революции отбросили прочь религию... И посмотрите, что стало с дисциплиной... Исчезла всякая возможность руководить кем бы то ни было при помощи более высоких мотивов, чем мотивы личного, эгоистического интереса. Исчезла правдивость, так как для нее не было побуждений... Это был результат пятнадцатилетнего отрицания Бога, результат, отразившийся прежде всего на дисциплине нации...»

О статье поспорили. Но не более того. Попытка спасти пионерское движение, вправить вывихнутый сустав не удалась. А между тем разговор о религии и морали ребенка возник не случайно.

Из всех существующих в мире детских организаций мы решили равняться на опыт германских коммунистических. А они, как сами признавались, заимствовали многое у «союза Бисмарка», «Молодой Германии». В «Пионерской правде» 30-х годов я как-то наткнулась на фотографию-памятку — как правильно отдавать «салют». Ладонь тыльной стороной обращена к лицу. Точно такой же «салют» отдавали члены «гитлерюгенд» фюреру. И точно таким же линейки перед занятиями, как у нас, проводили в итальянских фашистских школах под портретом Муссолини. И марши, и парады, и значки, и форма, и название отрядов героическими именами — все это оттуда, оттуда...

Интересно, что в Германии дети действительно преуспевали в политической борьбе. Они устраивали митин-

ги, конференции, где выступали против рутинных учителей, против телесного наказания. И добивались кое-чего. У нас же немедленно появились две формы деятельности. Одна — как бы показательная — когда полуголодный детдом мог переслать свою трехдневную пайку детям германских рабочих. Другая — для себя. О ее плодах в 1926 году с тревогой заговорили врачи. Под руководством Зиновия Соловьева, основателя отечественного Красного Креста и лагеря «Артек», обследовали пионерских активистов Москвы и Ленинграда. И выяснили, что огромный процент детей страдает малокровием, признаками усталости и переутомления, туберкулезом и т. д. из-за непосильной общественной деятельности. У некоторых насчитывалось по 7 выборных должностей. Дети постоянно заседали, кого-то судили и выводили на чистую воду, кого-то из международных деятелей встречали и провожали, репетировали парады. Вместо 27 с половиной часов, которые по норме им полагалось тратить на школьные и пионерские дела, получалось 81,18 часа в неделю. Врачи категорически потребовали также прекратить различного вида тревоги, «которые иногда устраиваются отрядами для проверки бдительности пионеров». Никто их не послушал.

Конечно жв, никто не станет отрицать, что у пионеров было много живых, чловвческих, конкретных двл. Особенно это стало видно во время войны — когда началось массовое движение тимуровцев, когда дети подвижнически помогали фронту... Но ставка на политизацию, идеологическая зашоренность привели к страшным вещам. Они выгрызали из детской души все лучшее: тягу к милосердию, искренности, честности, доброты. Приближение к «интересам класса», «клятвы верности» делу Ленина — Сталина, потом только Сталина, «Сталина — партии» не только отдаляли пионерскую деятельность от жизни, но и сделали ее просто опасной...

Гиммлер обещал своему народу: «Не будет в Германии улицы, дома, квартиры, где не расположен бы пост наблюдателя. Систему мы построим так, что дети станут доносить на родителей, ученики на учителей...» и т. д. Листая «Пионерскую правду» 35-го года, я убедилась, что воображение у нас богаче. Наши пионеры ставили вышки, организовывали форпосты на полях, на лугах. Сутками несли вахту, вслеживая тех, кто попытается сорвать колосок или пощипать немного травы для гибнущей скотины.

Среди тех, кто вхал в «Артек», на первом мвств были герои, которые на кого-нибудь доносили. Приветствовали «разоблачители» председателей колхозов, завфермами, учителей, профессоров, на худой конец и простых тружеников. Вот, например, как Володя Горон поймал шпиона: «Однажды в стogu Володя Горон заметил неизвестного.

— Здравствуй, дядя!

Неизвестный ответил на приветствие, а потом спросил:

— Где я, в Польше или в России? — Вы не в Польше и не в России, — ответил Володя. — А в Советском Союзе.

— А где у вас можно покушать? — спросил неизвестный. Тут Володя не растерялся и под предлогом «покушать» сдал «шпиона» красноармейцам. За что и был прославлен газетой. Как близнецы, выглядят наши и немецкие юношеские издания 30-х годов. Всюду портреты детей с ружьями и пистолетами. «Шагай круче, целься лучше!» — это припев песни, сочиненной для пионеров Маяковским.

Советский культуролог Т. Клименкова считает, что наше общество по-прежнему на культе боли. Это можно доказать и на примере пионерской организации. Из всех ее функций самой стойкой, самой развитой и самой поощряемой всегда была функция репрессивная. Долгие годы это пожалуй, единственный признак организации вообще! До сих пор родителям сообщают на работу, если ребенок забыл надеть галстук, до сих пор в школах устраиваются пионерские судилища. Культ боли. И культ смерти. А чего было стыдиться убивать руками детей, если умели убивать и их самих, если им было отмерено все и за все мерою взрослых? Возьмите лучшее стихотворение «Смерть пионерики» Багрицкого:

*Возникай содружество
ворона с бойцом,
укрепляйся мужество
сталью и свинцом.
Чтоб земля суровая
кровью истекла,
чтобы юность новая
из костей взошла...*

Почему содружество с вороном? Почему будущее — из костей?!

Во Дворце пионеров «Артека» висят картины, видимо, еще 30—40-х годов, где изображены пионерки в черных сатиновых трусах. Крупные, мускулистые «девушки с веслом». Да, в обществ лагерьного типа требовался спартанский идеал женщины. (Хотя для жен вождей, творческой и коммерческой элиты делалось исключение. Но — чисто материальное. Еда и тряпки получше, даже в военное время.)

Английский журналист Томас Катерин написал в 1943 году великодушную книгу «Женщина в нацистской Германии», где он рассуждает о том, что вся эта бивуачно-лагерная жизнь в милитаристском обществе приводит к тому, что даже такой мощный инстинкт, как материнский, притупляется, разлагается, исчезает. Все призывы терпеть лишения и служить абстрактным идеалам — ловушка и обман. У германских женщин, призванных рожать детей для рейха, этих детей должны были забирать на войну.

С 34-го года немецких девочек начали обучать в школе военной службе. Потому что Гитлер в «Майн Кампф» настаивал: «Школьное образование лишь главное средство для подготовки к дальнейшей службе в армии». Увы, и у нас в газетах можно было увидеть портреты очаровательных пионеров

с наганами, с текстовками наподобие этой: «Пуля стала мне другом...»

Во времена, когда пионеры считались элитой и вслед марширующим отрядам громыхали бочки с бесплатным квасом, решено было создать столицу детской империи. Выбор пал на «Артек», маленький лагерь, организованный другом В. И. Ленина Соловьевым для детей, больных туберкулезом. Туберкулезников «попросили», и в «Артек», занявший гигантские площади, хлынули пионерские активисты.

Костры, песни, речевки, нескончаемая политучеба. На костерной площадке — 6-метровый портрет Сталина. Визиты вождей мировых коммунистических партий. «Колонны лагерников идут вдоль трибун», — пишет о таких парадах «Пионерская правда». Железная дисциплина, ощущение своей избранности, постоянная бодрость духа, презрение к слабым, массовость во всем.

Сталин и Молотов лично участвовали в создании этого грандиозного образа детского процветания. Молотов в 37-м году подарил «Артеку» свою дачу. (Где до недавнего времени жило начальство лагеря.)

Сейчас «Артек» — уникальная выставка всего, что мы дали детям за 70 лет. Контрасты его поражают. Да, тагический пейзаж неизменен, он продолжает воспитывать своей красотой, как хотел того Зиновий Соловьев. Но на нем — угрюмые сталинские постройки, скульптуры. А потом появились хрущевские вольные элементы и работы Эрнста Неизвестного, а потом — брежневские серые корпуса, где дети спят по 12—20 человек в комнате. Гигантская пионерская линейка — каскад ступеней, и в центре почти двадцатиметровая скульптура Ленина. Редкий пионер добежит до середины... Немного электронных игр, которые восхищают детей из провинций, и 200 километров полустигивших коммуникаций. Несколько «видиков» — и двери, срывающиеся с петель, бедная и скучная пионерская форма. Детей в этом пейзаже встретить редко. Они, как наши за границей, — отрядом или по несколько человек. По пляжу проносятся строем. Детей не видно, потому что они, по артековской традиции, крайне заняты. Чем? В плане-сетке (тут свой «новояз») — политбой, вахты, походы, возложения венков, некоторые происходят в пять утра. «Я бы похвалил «Артеку» здоровья, успехов во всем и спать хотя бы 7 часов...» — пишет в анкете после пребывания в лагере Сережа Постников из Свердловска. Многие сборы и линейки, прада, отменены. Нет конкурса горнистов и барабанщиков. Но есть «политбой». Это когда вожатый играет западного журналиста, а дети доказывают ему преимущества нашего образа жизни. После таких боев появилось в анкет такое заявление французенки Каре Ди Биасси: «Я узнала много нового о своей стране, что скрывает наше правительство. Я чувствую, что я сейчас испытываю больше неприязни к своему правительству, чем раньше». Так что мы — в своем амплуа.

Есть дела хорошие: помочь детям из соседнего санатория больных и калек. Но помощь опять-таки разовая. Показательная. Но есть и совершенная «липа» — два мальчика рассказали мне, как стояли на страже у монумента, чтоб никто не писал глупостей. И все равно пишут.

В 40-е годы в «Артеке» в месяц был один День памяти. А сейчас — три. Детям показывают, например, «Иди и смотри». Фильм, который я уважаю, но считаю для детского здоровья просто опасным. Практикуются также сожжения огромной книги «Майн Кампф», старательно изготовленной перед этим самими же поджигателями. Три дня насыщенной борьбы с фашизмом приводят к таким признаниям. «Раньше мне казалось, что война была очень давно, — пишет в анкете девочка, — но теперь нет, теперь мне кажется, что была вчера, что фашизм есть сегодня и завтра снова может быть война».

Врачи-психологи установили, что в нашей стране половина дошкольников, половина мальчиков-пятиклассников и одна треть девочек этого возраста больны неврозами. Стоит ли эти неврозы усугублять подобными накачками во время летнего отдыха?

«Мне не понравилось доведение ребят до такого состояния, что они ни о чем не могут думать, а хочется только спать и больше ничего, — пишет пионерка Эрика Буйнокайте. — Мне не понравились разговоры, которые нам еще сложны, вопросы, на которые не каждый взрослый может дать ответ».

На мой взгляд, «Артек» сейчас из столицы превратился в глубокую провинцию. Но все еще полную амбиций, по традиции из 30-х годов. Когда я приехала туда в командировку, секретарь начальника строго меня спросила: «А у вас есть РАЗРЕШЕНИЕ на посещение нашего лагеря? Мы журналиста НЕ ВЪЗЫВАЛИ...»

Кстати, несколько лет назад в лагере состоялись выборы начальника. Им стал В. Н. Швеченко, бывший работник исполкома города Навои. Как он победил 19 претендентов, мне, честно говоря, понять трудно. Особенности нововведений в «Артеке» не видно. С квартирами для работников стало легче... И уже через короткое время начальник сделал попытку баллотироваться на вакантное место в ялтинском партаппарате. Что касается новой программы пионерской работы, которую здесь считают радикальной, то — знает о том начальник или нет — она чуть ли не полностью взята из 30-х годов. И тогда пионерскую организацию и «Артек» хотели сделать республикой. И тогда все эти игры, искусственные и неорганичные, ни к чему не привели, только еще больше запутали детей.

— Что же будет с «Артеком»? — спросила я у одного из самых интересных педагогов лагеря, известного всей стране Евгения Александровича Васильева.

— После посещения «Артека» Хрущевым и Броз Тито атмосфера в лагере начала гуманизироваться. Шестидесятники вкладывали в работу душу. Потом пришли брежневские функционеры

и всякий, кто много работал, стал называться придурком. Опять гонимся за количеством детей и не думаем о качестве воспитания. И для тех, кто сюда приезжает, не создана достойная культурная среда. Когда-то Клара Цеткин настаивала на том, чтобы этот лагерь был показательным, чтобы отдыхающие здесь иностранцы видели, как умеют жить бедные русские, и сами к этому стремились. До сих пор мы заботимся о какой-то мифической показательности, а иностранные дети просто над нами смеются. Сын нынешнего президента Франции Жильбер поразил наших детей, имеющих смутное представление о жизни богатых людей за границей, тем, что показал костюм, на который заработал сам. И спросил: а что можете заработать вы?

В США самые большие лагеря насчитывают 1—1,5 тысячи детей. Они рекламируют свою программу, и родители решают, в какой лагерь отправить детей на лето. А нам что рекламировать? И какой выбор у наших родителей?!

Кстати, о программе лагеря. В райотделе милиции Гурзуфа мне рассказали о нескольких громких делах — когда в «Артеке» были разоблачены гомосексуалисты. Хватит скрывать — в подобных «аркадиях» детям это угрожает. Сюда едут на работу любители такой эротики и задерживаются здесь годами, до облысения. Мать совращенного пионервожатым мальчика все пишет письма из Рязани, все не может понять, что стало с ее сыном в таком солидном месте...

На поддержку пионерского духа государство и профсоюзы дают более 1 миллиарда 200 миллионов рублей. Поделим их на 33 миллиона пионеров. Получается колоссальная сумма. Так где же деньги?! Возьмем все тот же «Артек». Летом на 4 тысячи детей здесь 2600 взрослых. Осваивать деньги тоже умеют странным образом. Гигантская линейка стоит 3 миллиона 257 тысяч. Подозрительная и злобная скульптурная группа с земным шаром обошлась в 185 тысяч. (Авторам дали Государственную премию.) Вокруг «Артека» построили забор — вроде китайской стены, чтоб не лезли воры и чтоб не убегали дети. Забор обошелся почти в миллион рублей. Бывает так, что лагерь штрафуют за сверхнормативные запасы. Сейчас дорог бензин. А по территории «Артека» носятся порожняком «Икарусы». Бедность бедностью, а в лагере открыли многотиражку, где можно прочесть, например, о том, как движется очередь на машины для сотрудников.

День пребывания пионера в лагере стоит 11 рублей 16 копеек. Почти два рубля идет на питание. Шесть копеек на медицинские нужды, сорок две копейки на одежду. Но мои знакомые пионеры все время просили привезти им чего-нибудь поевать из Гурзуфа, а девочки жаловались, что из-за похудения пришлось два раза менять форму. Я попыталась проникнуть в детскую столовую, где, кстати, питались все взрос-

лые, приехавшие на смену, но меня не пустили, сказав, что именно журналистам санпидстанция запрещает и приближаться к котлам и тарелкам...

Зарботная плата сотрудников поглощает из бюджета ребенка 3 рубля 50 копеек. Как справедливо замечает журнал «Смена», «один каравай печется для пионера, два — на поддержание взрослого».

Все это достаточно очевидно. Но если отбросить такие сугубо бытовые формы оправдания необходимости пионерской организации? Что тогда останется по большому счету? И не в этих миллиардах, конечно, дело. На святое в конце концов не жалко. Но на святое ли? Не подкладываем ли мы сегодня кирпичики в основание той стены, вершущую которой начинаем разрушать? Ведь если пионерская организация сформировалась по образу и подобию пресловутой административной системы, если она должна была выпускать в свет законопослушных детей этой системы, которые ничем не нарушали бы движения... этого движения в форме, а точнее, формы движения, а по сути, глубокой спячки...

Так нужна ли нам пионерская организация вообще? Пора бы этот вопрос задать.

Все, кому я его задавала, прогрессивно отвечали: организаций должно быть много. (В Эстонии создан новый Детский союз с палатой взрослых и детских представителей. В Литве — уже несколько десятков детских организаций. Чем занимаются дети в Прибалтике? Например, движение «гедиминайчей» борется за реставрацию башни Гедиминаса. У нас, оказывается, в Москве еще раньше возникло такое движение, когда школьники вышли защищать Щербаковские палаты.)

В том числе и пионерская. Но все меня и предупреждали: вы никогда не напечатаете статью с призывом к такому детскому плюрализму. Партия не позволит образовывать много детских союзов, ведь из них может получиться много партий.

Что тут скажешь? Если партии все еще нужны 33 миллиона неверующих, то какой разговор? А если миллион верующих все же лучше, то процесс будет идти здоровее и легче для нас всех. Ведь чего стоит коллективизм без веры? Это все равно, что соборность без Бога. Впрочем, мы уже каждый день читаем о таком коллективизме, мы пожинаем его плоды.

К сожалению, на пленуме ЦК комсомола о кардинальных переменах в детской жизни речи не было. Пионерскую организацию собираются «оживлять», омолаживать и так далее. Но как спасти то, что отжило свой век? Ведь изменились цели государства, меняется его внешняя и внутренняя политика. О какой полувоенной детской массовой организации может идти речь? Неужели мы по-прежнему будем воспитывать детей под барабанный бой и на «политбоях»? А может быть, остановив барабан, мы услышим что-то более нужное, что-то самое важное сейчас для наших детей?

ЗВЕРОБОИ

Фото Владимира СЕМИНА

Здесь, у меридиана, которым астрономы отделяют вчерашний день от сегодняшнего и где Евроазиатский материк почти касается Американского континента, на побережье ледовитых морей испокон веков обитают народы, чья жизнь и благополучие во многом зависят от удачи в морском промысле. От века в век водоплавающее зверье обеспечивало чукчей и эскимосов не только мясом, но и светом, одеждой, топливом, жильем. Даже байдары — морские лодки — шили раньше из моржовых шкур.

Машинная цивилизация явилась в эти суровые широты не только со светом электричества и алюминиевым блеском самолетных крыльев. Но и с гарпунными пушками, с гигантскими сетями, с многотысячтонными флотами, черпающими бесконтрольно из моря «ничейные» богатства. Результат печален. Сегодня моржи — огромные морские млекопитающие, основной объект промысла прибрежных народов Берингова моря, занесены в Красную книгу. И только здесь, и только для тех, кто по-прежнему живет у кромки ледовитых морей, существует этот безмерно трудный и древний промысел морского зверя.

НАРОД — ПОЭТ

В Нижнеиргинск Красноуфимского района я езжу много лет. Встречают приветливо:

— Ягодничать приехала?

Согласно киваю, хотя на самом деле не столько ягодничать, сколько послушать деревенскую речь.

Знакомая моя Лидия Ивановна Красноперова — дома. И вот после призрачной суеты дымного, шумного города эта ясная явь: тишина, парное молоко, бляение овец, жаркое томное марево огорода. А там — мальвы, алые мальвы, воплощение деревенского лета. Да ради одного только этого слова «мальвы» — пряного, нежного, жеманного, как провинциальная барышня, — стоит сеять мальвы по русским огородам!

Июль на редкость жаркий: чуть не к сорока градусам. Клубники на Шипицинской сопке назрело видимо-невидимо. Идем с деревенскими бабами на гору. Корзинка наполняется быстро.

— У! Да ты уж дивно нашолккала! — Так и слышишь, как шелково шелкает клубничка, отрываясь от стебля. — Да ты собирай внизу, а то вверх ее много, да она мелкая, что чешуя.

Грибы попались хоть и немудрящие — сыроежки, — подбираем и их.

— Летом пну, зимой в пирог загну.

Немало выразительных слов, поговорок, присказок еще живет и дышит по нашим деревням. Разговор двух баб:

— Ладно, внуки-то у тя кроткие.

— Кроткие, да уж начинали чекать.

Кроткие! Мы уже и слоа-то это в городе позабыли, нам оно вроде и ни к чему...

Ведро, хорошие покосы, ягоды, грибы... А разговоры у нас с Лидой невеселые. Все те же, давние — об упадке русской деревни, о застое и падении нравов:

— Ноне одним днем люди живут.

И опять вспоминаем любимое Пантино, исчезнувшую деревню, что красовалась вблизи на косогоре; там сейчас только почерневшие остовы изб в бурьяне. «Исбесчестили деревню», — так говорят здесь, бспоощадно и точно. Соседние деревни и села тоже в опасности: от них «покойником пахнет».

О деревнях, реках, лесах говорят как о живых, как о людях. Все больше тревожное. «Смеются над речкой!» — восклицает Евдокия Михайловна Балдина, возмущенная безграмотными манипуляциями с плотиной на реке Иргине. То откроют шлюзы и затопят берега, то закроют напрочь, так что речка превращается в полувысохший ручеек. Говорят, отлаживают плотину...

— Акуля, почто шьешь не оттуля? — Ак я еще пороть стану... — так комментирует ситуацию Лидия Красноперова. Ей пятьдесят, но сколько же пословиц знает она, старинных песен, прибауток! А еот дети ее пословиц уже не знают, и мало в их речи слов таких, что как «припечатывают», так ничего и добавлять не надо.

— Что его слушать, это же хлюст!

Хлестко, как удар хлыстом. «Хлюст» — значит лгун, лжец, враль, ввалина, пустобай, пустоболт. Так определяет его диалектологический Словарь уральских говоров, выпускаемый Уральским университетом под редакцией профессора А. К. Матвеева.

По звучанию слово «хлюст» близко к глаголу «хлестать». Однако редкое для русского уха «ю» выводит слово в иной эмоциональный, интонационный пласт, придает оттенок выморочности, неестественности, ложной лихости.

Наряду с резким и энергичным словом «хлюст» в ходу и длинное слово «полыгало». Эмоциональная выразительность здесь достигается противоположными средствами: преувеличенной протяженностью звучания: о-ы-а-о. Это делает слово похожим на презрительную реплику, целое маленькое высказывание. Так ведь и в самой живой речи краткие выражения сменяются протяжными репликами, создавая интонационный рисунок, живой и гибкий. Народная речь отличается большой чуткостью к ритмике, и говорящий не преминет употребить то слово, которое не только ближе по смыслу, но и лучше подходит для ритмического завершения фразы.

Народ необычайно чувствителен к оттенкам звучания слова, одарен в отношении звукоорганизации языка. Народ — поэт.

Назавтра в Лидином доме несчастье. Когда муж возвращался с покоса на «лошадиных граблях», сзади наехал на него пьяный на мотоцикле. Володя упал на дорогу спиной, отшиб почки. Теперь в разгар летних работ лежит дома.

Беду Лидя встречает с привычным деревенским стоицизмом, без оханий и причитаний. Идем с нею по хлеб в центр села и то и дело останавливаемся по дороге: все уже слышали о происшествии, но хотят знать подробности. Лидя рассказывает:

— Сижу я. Вот уж двенадцать, полпервого... Нету. Вдруг слышу: цок-цок-цок. Ну, думаю, приехал. Выхожу, смотрю: стоит лошадь, к забору привязана, вот эк-то понурилась... (Лидя изображает понурость). Ак че же это?! Где он?! А потом в коляске-то на мотоцикле и везут...

Раз семь мы останавливаемся, и всякий раз Лидя заново изображает это «цок-цок-цок» — поразивший ее звук в ночной тишине среди тревожного ожидания. Огромную роль в этой живой и яркой новелле из нескольких фраз играет интонация — по сравнению с городской экстенсивная: голос так и летает вверх и вниз.

— Тут всть припадочный. А во дворе-то его сосед живет, и тот опять — алкаш. (Желчно и горько смеется). И вот он все над больным-то подфигуривал. Как-то дрова на дворе колет, а тот ходит, и алкаш-то все над им зубы моет. Вот он над им все подфигуривал, все подфигуривал, а тот подошел сзади да его ломом и охоботил.

Грешно, наверное, в таком драматическом рассказе (не по-людски живут люди!) примечать редкие диалектические слова. Но уж больно выразительны!

...Володя начал понемногу вставать. Стоит у печной заслонки, курит. Переживает — летняя страда, а мужик вышел из строя. Парень-то приходил извиняться, да из извинений шубу не сошьешь.

— Все пычишь, все пычишь, — недовольно бросает Лидя. Вот и еще одно словцо, созданное на основе звукоподражания: пых-пых.

Перебираем сельские новости, вспоминаем одну пантинскую старушку. Кто-то ошибочно объявил ее умершей.

— Да жива она, живехонька!

— Так не умерла?

— Не умиравала!

Не умиравала... Говорят: не слыживала, не нашивала. Но умирать можно только раз, и употребленная форма глагола придает ему юмористическое звучание. Слово-юмореска.

Да уж, говорит моя знакомая — что сваха из свадебной песни, которую сама Лидя мне и напела:

Она слово-то молвила —
Как каймочку раздернула,
Она друго-то молвила —
Мелкий бисер рассыпала,
Она третье-то молвила —
Вес мир изукрасила.

Народная способность к словотворчеству изумляет. Евдокии Михайловне Балдиной за восемьдесят. Она выросла как раз в маленькой исчезнувшей деревеньке Пантино, так сказать, в локальной языковой среде, и, казалось бы, в таком возрасте должна закончить в языковых стереотипах. Ничего подобного! Каждое лето слышу от нее множество новых слов. Не всегда это к лучшему. Так, вместо милого «бассенька» (она произносит мягко «бассенька»), я теперь, к своему огорчению, слышу «красивенька». А этим летом я вдруг услышала от нее: «Смородины ныне до фига!» — и чуть не прыснула. Моя степенная тетя Дуся с ее старинными оборотами речи!

Разумеется, в деревне приходится не только радоваться. Язык беднеет, засоряется. Родная речь больна. Десятилетиями подтачивали ее выхолощенный, заштампованный язык псевдолитературы, унылые газетные трафареты, стерильный и бесцветный городской сленг, обескровленный штампами и канцеляризмами. Навязанные обществу процессы работали не в пользу народной речи. Исчезают деревни, а с ними и жизненный уклад, целые языковые гнезда разоряются и вымирают. Уходят живые носители языка.

Автор этих заметок далек от идеализации сарафанной России и меньше всего хотел бы видеть язык застывшим и неизменным. Тревогу вызывает не утрата устаревших слов, а оскудение словарного запаса, падение культуры речи, утрата высоких достоинств народного языка — сжатости и выразительности. Как тут не вспомнить уже знакомое: «Ноне одним днем люди живут...»

Да что же? Ведь и сами деревенские сплошь да рядом речи своей стыдятся, считая ее «второсортной» по сравнению с городской, которой они подражают. Особенно уезжая из села и торопясь заимствовать у города все его повадки. Так возникает искусственный, выморочный, мертвенный язык... Только осознав народное слово высочайшим национальным достоянием, — а с ним прямо связаны интеллектуальный потенциал и нравственное состояние общества, — можно бороться за неумирающее богатство родной речи.

Ольга ЩЕРБИНИНА
Свердловск

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
В ПАРТИЙНОМ ДОМЕ

Виктор
ТРУШКОВ,
руководитель
кафедры
Московской
Высшей
партийной
школы

К сожалению, настроения пораженчества среди членов партии, как говорят, получили прописку. Самое удивительное тому свидетельство — готовность всерьез рассматривать вопрос о превращении массовой коммунистической партии в парламентскую. Думается, пораженчество для политической партии равнозначно самоубийству. Но, чтобы остаться массовой, партия должна четко определить: чья она, интересы каких «масс» выражает? Сегодня Устав определяет КПСС как «бóльшой испытанный авангард советского народа». В спокойную пору подобных расплывчатые определения тверды, в пору обновления — вредны, ибо они не вскрывают, а скрывают политическую сущность партии.

В самом деле, что такое «народ»? Если все население, то в него входят не только рабочие, крестьяне, трудящиеся интеллигенция, но и дельцы теневой экономики и спекулянты всех мастей. И у всех единая партия? Абсурд! Можно, конечно, нуворишей и спекулянтов не включать в понятие «народ», ибо их интересы антинародны, о чем ярко свидетельствует массовое отношение к торгово-закупочным кооперативам. Но партии целесообразно в нынешнее строгое время пользоваться лишь строгими понятиями, одновременно недвусмысленно и публично противопоставляя себя всем нуворишам и спекулянтам. Значит, придется уточнить собственные границы: КПСС — партия союза рабочего класса со всеми трудящимися.

Думаю, вектор обновления партии — в отказе от рассуждений об интересах вообще, вообще народа, вообще государства, вообще общества и даже вообще социализма. КПСС должна выражать, защищать, проводить в жизнь интересы советских трудящихся, основу которых составляет индустриальный рабочий класс. В этом нет третиования ни крестьянства, ни трудовой интеллигенции. Они не менее рабочих заинтересованы в обществе людей

труда, если хотите — в культе труда, единственно допустимом культе. Раздающийся порою, как бы под видом перестройки, претвзии выражать в равной мере интересы всего населения, всех производителей на практике обычно связаны со стремлением скрыть корпоративные интересы либо дельцов теневой экономики, либо государственно-бюрократического аппарата (подобных его представителей В. И. Ленин презрительно называл «совбурами»), либо пристроившихся к перестройке политиканов и выдать эти корпоративные интересы за общенародные.

Это уточнение не игра в слова. Партия может защищать интересы трудящихся, лишь организовав трудящихся. Значит, полвека деятельности не столько парламенты, сколько трудовые коллективы. Парламентская партия может ориентироваться лишь «на территорию», ибо всеобщее избирательное право реализуется прежде всего через территориальные округа (это не исключает возможности производственных округов). Для коммунистов интересы «территории» — это тоже интересы трудящихся и их коллективов. Поэтому, с одной стороны, возможен «двойной учет», с другой — недопустимо пренебрежение партией трудовых коллективов работой на «территории».

Забываясь об интересах трудящихся, КПСС предстоит провести принципиальную и тщательную инвентаризацию всего партийного хозяйства. Все, что для политической работы сегодня необходимо, все, что может выглядеть как излишество, должно быть перепрофилировано по инициативе самой партии. Например, интересны задумки мордовских партийцев, которые, потеснив Дом политического просвещения, создают на частично освобожденных его площадях центр художественного воспитания детей. Кстати, в том же Саранске стоило бы подумать и о более рациональном использовании здания обкома партии. И не только в Саранске. Речь идет не о монашеском аскетизме, но о тщательной ликвидации излишеств.

В стране идет интенсивная либерализация общества. Надо видеть, что ее направленность не во всем совпадает с социалистической демократизацией. Либерализация ориентируется на равноправие индивидов в формировании представительных органов власти. У демократизации более серьезные цели — обеспечить участие трудящихся в повседневном управлении общественными делами. Этот процесс в жизни идет трудно. Прорыв в нем может осуществить только КПСС, обеспечив демократизацию внутрипартийной жизни.

Демократизация норм Устава, возвращение от бюрократического централизма к демократическому — это лишь одно из направлений прорыва. Важнейшей предпосылкой и результатом обновления КПСС должно стать преодоление отчуждения многих партийцев от партии. Но есть еще два направления главного удара. Прежде всего я имев в виду опровержение границ компетентности различных уровней парторганизаций. Хватит изрекать призывы к самостоятельности и инициативе первичек и комитетов. Надо создавать условия для них. Каков круг вопросов первичной, которые, кроме нас и за нас никто не решит? Его надо очертить срочно. А какой круг компетентности районной парторганизации, областной, республиканской? Нужны точные ответы.

При чем здесь демократия? Да при том, что в рамках компетентности руководящая роль будет принадлежать соответствующему выборному партийному комитету и никому больше. Аппарат при этом лишь выполняет волю своего комитета. При таком подходе разрушится иерархия аппаратов, которую вынужденно заменят взаимоотношения самих парторганизаций и их выборных комитетов. В опровержении же структуры аппарата и его состава соответствующим комитетам должны быть суверенны.

И еще. К направлениям главного удара перестройки партии я бы отнес повышение роли выборных партийных комитетов, для чего необходима не только отмена властных функций аппарата, но и существенное сокращение делегирования функций партийных комитетов их бюро. Вероятно, в первую очередь это относится к делегированию функций Центрального Комитета партии его Политбюро, Секретариату. Пора и в этой сфере преодолеть традиции сталинщины. Формально выполнив ленинский наказ об увеличении числа членов ЦК, Сталин, по существу, его тут же нарушил. Произошло не расширение круга видных партийцев, а их... сужение. Все основные прежние функции ЦК оказались сосредоточенными в Политбюро. Между тем принципиальные вопросы управления могут быть только в руках всего партийного комитета.

Демократизация внутрипартийной жизни способна повысить авторитет партии и через формирование и выдвижение партии ярких политических лидеров. Авторитет крепнет себя исчерпав, нужен авторитет личности. Качество партийных лидеров, открытых всем трудящимся, подсудных им, известных массам каждым нюансом своей политической позиции, — один из важнейших резервов наступательности КПСС во имя социализма.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

— Вы упрекаете в консерватизме других, но согласитесь, Борис Николаевич, вы сами тоже не святой. Один из зарубежных философов считает, что раз, мол, Ельцин — порождение системы, старый партиец, он не может правильно понимать демократию.

— Да, действительно, я — порождение того периода, в котором работал. Человек со всеми недостатками административно-командной системы, которая существовала. Недостатки системы, как это ни странно, я стал понимать, начав работать в Политбюро.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЕЛЬЦИН

Известный общественный деятель, народный депутат СССР, председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры — собеседник обозревателя журнала «Родина» Юрия МАКАРЦЕВА

I. СЛУХИ, ТОЛКИ, ЛЕГЕНДЫ ВОКРУГ ИМЕНИ ЕЛЬЦИНА. УТОЧНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

— Борис Николаевич! Ваши суждения, оценки, высказывания нередко доходят до нас с Запада. По моим наблюдениям, вы больше публикуетесь в местной и региональной печати, нежели в центральной. Получается так: все кругом говорят о Ельцине, а в его системы взглядов мы толком не знаем. Чем это объясняется? Занятостью? Тем, что корреспонденты главных изданий страны обходят вас стороной? Или вы обижены на центральную прессу?

— Нет, не обижён. Приоритет, безусловно, — нашим средствам массовой информации, здесь нет никакого вопроса. И никаких обид. А если действительно получается, что я больше выступаю в западной прессе, так это сложилось после известных событий, связанных с октябрьским (1987 года) пленумом ЦК КПСС, когда нашим средствам массовой информации сказали: на фамилию Ельцина наложить табу. Понимаете? Потом, правда, когда меня избрали народным депутатом СССР, стало свободнее... Избрали председателем Комитета по вопросам строительства и архитектуры, я стал членом Президиума Верховного Совета СССР — ну, тут, кажется, ограничений вообще не должно быть. И стали поступать предложения от многих редакций. У меня брали интервью «Известия», «Строительная газета», не один раз — «Комсомольская правда». Постоянно обращаются ко мне ленинградское телевидение и ленинградская газета «Смена».

Понимаете, как бывает... Приходит корреспондент, договаривается об интервью. Я, допустим, даю согласие. Но спрашиваю: «А вы уверены, что напечатает?» Журналист не уверен.

Полтора месяца тому назад корреспондентка газеты «Свья» Мария Ре-

штинкина подготовила материал. Получилось симпатичное интервью, ну, такое оно, знаете, я бы сказал, вне мовго амплуа. Политики совсем немного, в основном житейские, человеческие, бытовые дела. Однако в редакции Решетниковой сказали: печатать не будем. Маша оказалась человеком принципиальным, из газеты ушла.

Или «Аргументы и факты». Мы добросовестно с корреспондентом работали. Потом, когда я болел, журналист заглянул ко мне домой, мы с ним совместно выправили гранки. На следующий день — совещание в ЦК. Редактор уже не рискнул ставить материал.

Ситуация, впрочем, меняется. Главный редактор «Свьи» Абрамов извинился и предложил: давайте, мол, возобновим отношения. Но теперь я уже не хочу корреспондентов подводить. Я говорю так: «Давайте! Но только печатайте в полном объеме. С купюрами — не согласен».

— Вокруг вашего имени — толки и кривотолки, слухи, легенды, политические измышления. Людей, в частности, продолжают интересовать некоторые обстоятельства вашей поездки в Америку. В сообщениях западных радиостанций промелькнул такой факт: «Ельцин подписал полумиллионный контракт на издание своей книги». Что же это будет: мемуары, политический трактат или чтиво для всех и каждого? Увидит ли книгу советский читатель?

— В США никакого контракта я не подписывал. Ни с одним американским издательством. Я действую через юриста. Это первое. Однако верно и то, что ко мне действительно обратились с просьбой — написать нечто по моему усмотрению. Вещь должна быть частично автобиографического характера, но упор, конечно, на последние годы. Взгляд на то, что происходило в нашей стране последние 4—5 лет, когда я был в составе Политбюро, работал первым секретарем Московского горкома партии, еще раньше — первым в Свердлов-

ском обкоме КПСС. Мой взгляд на часть наших кадров, нашу элиту.

Я занимаюсь книгой, наговариваю на диктофон. Подвигается тяжело, поскольку времени не хватает. Работаю упорно по воскресеньям. А как там получится, не знаю. Если получится — я это оговорил в документах — весь гонорар пойдет на борьбу со СПИДом в СССР.

— Мы не были, Борис Николаевич, с вами в аудиториях, где вы отвечали на вопросы американцев, не слышали ответов. Однако кое-что из того, что дошло до нас в русском переводе, требует пояснений. Что вы, допустим, имели в виду, когда высказывали зарубежным слушателям предположение, будто через год М. С. Горбачев «не останется на своем посту». Дома нам, несмотря на всю остроту социально-экономической обстановки, так не кажется...

— Интерпретация или перевод не точны... Идет пятый год перестройки, и люди начинают понемножку уставать и тряпать вверху в партию и руководство. Так беспредельно продолжаться не может. Вот уже и «первые ласточки» в образе шахтерских забастовок и международных конфликтов. Если не произойдет — а пока не произошло — реальных сдвигов в повышении уровня жизни населения, то через год — это мое предположение — начнется мощное движение снизу. То есть перестройка, которая задумывалась как революция сверху, превратится в движение снизу. Вот о чем шел разговор в Америке.

Горбачев был инициатором перестройки, хотя, как мне кажется, потом он допустил ряд тактических ошибок и, может быть, несколько иссяк по идее. В Америке я везде говорил, что стратегический курс Горбачева на перестройку в целом поддерживаю. Хотя тактически, повторяю, у меня друзей мнения о рвализации перестройки в нашей стране.

— На пресс-конференциях вы говорили буквально следующее: «Горбачеву надо избавиться от представительского консервативного крыла в руководстве. Вывести из Политбюро Лигачева, Чубрикова, Вороникова, Щербинского, Зайкова». Но особов внимания за окном вы уделили одной фигуре. Газета «Дейли телеграф» даже написала: «Кроме того, многие из тех, кто обычно не считается для себя необходимым выступать в защиту Лигачева, должны были почувствовать неприятный осадок от слов, которые употребил Ельцин в своих напаках на него. Это служит слишком неприятным напоминанием о прежних временах». Надо ли это понимать так, что вы, Борис Николаевич, считали Е. К. Лигачева одним из главных своих политических оппонентов?

— Лигачев первым употребил это слово по отношению ко мне. Это он первый начал нападки, сначала на Политбюро, потом на XIX партконференции — выступление его вы прекрасно помните. Мне пришлось защищаться.

Я считаю, что Лигачев сейчас олицетворяет силы аппарата. Понимаете? И в прошлой предвыборной кампании, и в предстоящей — перед выборами в республиканских, местных Советах — опять предстоит жесткая борьба избирателей, кандидатов в депутаты с аппаратом. А его олицетворяет Лигачев.

Личных антипатий, неприязни к Лигачеву я не испытываю. Я исхожу лишь из интересов дела, нашей страны, нашего народа и партии, конечно. Она явно отстает от демократизации всего общества. Об этом я говорил два с половиной года назад. Меня били. А сейчас уже Горбачев признается: да, партия где-то «отстала от общества». Два с половиной года назад мер не приняли. А надо было уже тогда начинать перестройку политической системы общества — тогда бы партия авторитета не потеряла. Шла бы впереди перестройки.

— Вы упрекаете в консерватизме других, но согласитесь, Борис Николаевич,

вы сами тоже не святой. Один из зарубежных философов считает, что раз, мол, Ельцин — порождение системы, старый партиз, он не может правильно понимать демократию. На посту первого секретаря Московского горкома партии он пытался наводить порядок сугубо административными методами. А теперь, дескать, Ельцин добивается единогласия в межрегиональной депутатской группе. Вы часто меняете свои взгляды? У вас бывают ошибки?

— Да, действительно, я порождение того периода, в котором работал. Человек со всеми недостатками административно-командной системы, которая существовала. Недостатки системы,

как это ни странно, я стал понимать, начав работать в Политбюро. Я остро ощутил социальную несправедливость и социальное расслоение, увидев разные уровни жизни. 48 миллионов человек в нашей стране находятся за чертой бедности, в то время как другие купаются в роскоши. Находясь в составе Политбюро я решил для себя, что это недопустимо. Надо что-то делать. Так складывалась моя позиция, и все я не меняю по крайней мере последние пять лет.

Есть у меня, конечно, и ошибки, я не отрицаю. Были они у меня и в Свердловске, и в Москве. В нашей столице сложилась непростая ситуация. Москва, оставаясь много лет под руководством Гришина, захирела, просто «заржавела». Чтобы запустить гигантский маховик и придать ему хоть какую-то инерцию, требовалось немало усилий. Ну и приходилось действительно пользоваться командно-административными методами, я не отрицаю. В борьбе с мафией — довольно жесткими методами. Но чуть-чуть этот ржавый маховик тронулся, дальше он уже станет наращивать обороты сам. Постепенно, постепенно, и все трудно будет остановить...

— До сих пор на слуху у людей, Борис Николаевич, также инцидент из вашей личной жизни, случившийся на Успенских дачах и оглашенный публично на сессии Верховного Совета СССР. Тогда же, в октябре, в вашем личном «Заявлении для печати и других средств массовой информации» вы расценили эту историю как «ноуый политический фарс», как факт «травли» и попытку переноса экцентов «с методов политической борьбы на безнравственные, беспринципные методы уничтожения оппонентов». Крутое заявление. Когда я ознакомился с листовкой за вашей подписью, подумалось: вероятно, Ельцин больше не собирается подавать Горбачеву руки... Вы в политике не первый день — почему такая вспышка эмоций?

— Я понял вопрос. Придется вернуться к событиям 1987 года, история началась тогда, она длится по сей день. Почему я говорил о травле? Выдержать столько нокаутов и столько нокадаунов, сколько довелось мне, для одного человека тяжело. Я лежал в больнице, в реанимации. Меня накачали лекарствами, вытаскивали на пленум, чтобы снять с работы. Как это расценивать? Сколько на московском пленуме на меня было вылито грязи — читать об этом сегодня неудобно, в том числе, думаю, и Горбачеву. А потом была XIX партконференция. Кто организовывал все эти выступления против меня?

Приближаются новые выборы. Не известно, где и куда я буду на них выдвигаться. Вот и подогреваются вокруг меня страсти.

А в отношении того, подам ли я руку Горбачеву...

Я несколько раз делал попытку протянуть ему руку. Одна из последних была предпринята накануне первого Съезда народных депутатов, когда мы встретились с Горбачевым и беседовали около полутора часов. Беседовали по делу, в основном по тем вопросам, где у нас разные точки зрения или мы по-разному смотрим на решение проблем нашей страны, перестройки.

Фото Александра Земляниченко

В чем-то согласились. Но в большей степени не согласились друг с другом. Как я уяснил для себя, он тоже понимает, что, если бы у нас был союз, перестройка от этого только бы выиграла. Я-то согласен. А вот ему или мешают сделать такой шаг, или он по каким-то причинам не видит в этом смысла — судить трудно.

Я старался аккуратно обходиться с его именем, когда был в Америке. Я всегда говорил, что в целом линию Горбачева поддерживаю. Считаю, что он — лидер. Но зачем, скажите, было обсуждать инцидент из моей личной жизни на сессии? Что, мало в стране проблем? При межнациональных столкновениях лезть кровь, экономика в упадке, кризис в финансах, в социальной сфере. Нет, еще стенограмму в «Известиях» напечатать — как будто это важнейший вопрос в государстве.

Может быть, все это делается для того, чтобы отвлечь внимание людей от настоящих бед? Ведь у нас не хватает одного, второго, третьего. Или хотят дискредитировать меня в глазах избирателей? Тем не менее я ни в коем случае не говорю, что не поддерживаю Горбачева в перестройке, его стратегической линии, в вопросах демократизации, гласности.

— Одно время в Москве ходили слухи, будто накануне первого Съезда народных депутатов вам, Борис Николаевич, предлагалась должность одного из заместителей Н. И. Рыжкова, вроде бы вас снова звали на высокий партийный пост. Звали?

— Нет.

— Хотели бы вы снова войти в Политбюро?

— Мне предлагался пост, который я и занял. То есть председатель Комитета Верховного Совета по вопросам строительства и архитектуры. В отношении того, хотел бы я снова попасть в Политбюро или нет. Что значит: хотел — не хотел? В нынешнем его составе — нет. Я считаю, этот состав вряд ли сумеет «вытащить» перестройку. Нужно серьезное и мощное интеллектуальное обновление.

— Однако, когда вас, Борис Николаевич, в Америке спрашивали, желаете ли вы занять пост президента страны, по-моему, вы апеллировали к воле народа...

— Не может существовать несколько прав — одна, вторая, третья. Что я здесь говорю, то и там говорил. Подобные вопросы мне задают избиратели, а с ними я встречаюсь каждую пятницу. Я отвечаю так: «Не провоцируйте меня!» В Америке я отвечал так же.

II. ВЛАСТЬ И ЕЕ СОИСКАТЕЛИ. ОТЧЕГО МНОГО ШУМА В ГОСУДАРСТВЕ

— Вы, Борис Николаевич, ссылались на события 1987 года. Давайте тогда вспомним, что вы заявили на пленуме Московского горкома: «Я должен сказать, что я верю, убежден по-партийному абсолютно твердо, в генеральную линию партии и в решения XXVII съезда. Я абсолютно убежден в перестройке и в том, что, как бы она трудно ни шла, она все равно победит... И любой мой поступок, который будет противоречить этому моему заявлению, конечно, должен привести

к исключению из партии». Видимо, Борис Николаевич, за два прошедших года произошла эволюция ваших взглядов на пертию?

— «Исключение из партии»? Такого не было, нет. В стенограмме такого нет.

— Я цитирую «Московскую правду» от 13 ноября 1987 года. Номер газеты у меня с собой. Показать?

— Газета?.. Может быть. Тут я должен повторить, что меня привезли на пленум все-таки больным. Я не мог встать, меня накачали таблетками...

— В данном случае, Борис Николаевич, интересно услышать от вас вот что. В той же Америке вы не раз повторяли: «Я считаю, что несовместимое «партия и власть» — несовместимое сочетание. Я считаю, что шестую статью Конституции надо или убрать вообще, или серьезно модернизировать». Так какое же место, на ваш взгляд, должны занять партия в нашем быстро меняющемся обществе?

— Так ведь я об этом говорил, представляя избирателям свою предвыборную программу: партия должна отдать власть высшему органу власти в стране — Съезду народных депутатов и быть ему подотчетной. Как и в любом другом цивилизованном государстве, она должна действовать в рамках закона. Или закона об общественных организациях, если партия хочет считаться общественной организацией — так, впрочем, и произошло на прошлых выборах. Или в рамках закона о партии. В правовом государстве любая организация обязана действовать в рамках закона. Нарушила партия или кто-то еще закон — будьте добры: отчитайтесь Съезду народных депутатов, почему так случилось.

— Невооруженным глазом видно, что в стране, в центре и на местах, идет борьба за перераспределение власти. «Вся власть — Советам!» — пока лозунг, а не реальность. Зато ряд соискателей и претендентов, подбирающихся к механизму власти, отчетливо зрим: бюрократия, отрасли, республики, традиционные общественные организации и неформальные объединения. Наконец, сепаратисты, националисты, конформисты... Кто-то в том же ключе рассматривает и образование в рамках Верховного Совета межрегиональной группы, объединяющей многих народных депутатов. Кто-то считает это демаршем против М. С. Горбачева в ответ на его призыв к консолидации сил общества. На Зеледе эту группу называют прообразом оппозиционной пертии, а вас, Борис Николаевич, считают вместе с А. Д. Сахаровым одним из ее руководителей. В чем смысл образования межрегиональной группы? Какие у нее цели?

— Мне понравилась опубликованная в одном из номеров «Юности» статья Станкевича с заголовком «Там, где начинается единство, там заканчивается парламент». Мысль такова: парламентаризм включает в себя разнообразие мнений, существование различных точек зрения. Наша межрегиональная депутатская группа — конституционное образование. У нее нет претензий на казую-то особую роль, это отнюдь не параллельно действующий Верховный Совет — ни в коем случае.

Мы хотим, чтобы межрегиональная группа имела свой официальный статус.

Пока его нет, и это у всех вызывает беспокойство, в том числе и у товарища Горбачева. Я допускаю, что его ход мыслей таков: а не перерастет ли группа в оппозиционную партию? У нас таких мыслей нет.

Наша цель — выбор и выработка альтернативных предложений, проектов законов, поправок и так далее. Со- поставление различных точек зрения будет способствовать принятию на Верховном Совете и на Съезде народных депутатов более качественных и прогрессивных законов. Других целей, допустим, превратиться в партию, группа перед собой не ставит. Мне кажется, Горбачев беспокоится зря.

— Однако, Борис Николаевич, мы с вами, находясь в зале заседаний второй сессии Верховного Совета, слышали выступление А. Д. Сахарова и его предупреждение: «Фактически в нашей стране возникает уже многопартийная система». Впрочем, эту тему «жмут» сегодня многие — какая тут у вас точка зрения?

— Слова «оппозиция» мы пока не применяем. Я выступал на межрегиональной группе перед сессией. В ответ на упрек многих, дескать, почему я четко не заявляю о том, что мы оппозиция, я возразил: не надо этого делать, зачем? Мы только насторожим руководство, отпугнем депутатов. У нас и в платформе группы слово «оппозиция» отсутствует. Нет его и в официальных документах.

Свое отношение к многопартийности я тоже уже высказывал. Вопрос в обществе зреет, об этом кругом говорят. Так давайте полемизировать в открытую, а не проводить Strauss'скую политику. Прежде за народ решала группа людей. Или вождь. Он мыслит, а все остальные имеют свое мнение не полагается. Пусть теперь народ сам решает. Так и у себя на межрегиональной группе мы пришли к выводу: не надо нам одного лидера в руководстве. У нас пятеро сопредседателей с равными правами.

— Западные специалисты, наблюдая за ходом нашей перестройки, удивляются: дескать, в СССР процессы, связанные с совершенствованием надстройки, опережают развитие базиса. У них-то семки, в развитых странах Запада, экономика работает четко, как часы, и потому общество терпимо к любым формам выражения демократии, даже к самым крайним. Наши люди устали от дискуссий, ведь от этого товаров в магазинах не прибавляется, очереди не исчезают. Устает от советов слева и справа правительство. Уже Л. И. Абалкин взмолился: не мешайте! Когда вы, Борис Николаевич, говорите о том, что перестройка идет медленно, как именно надо понимать ваше «нетерпение»?

— Надо понимать так: мы потеряли четыре года, мы серьезно ошиблись в тактике перестройки и особенно — в продвижении экономической реформы. Я предлагал приостановить пятилетку, закончить ее, допустить, 1987 годом. Сразу принять пакет из семи-восьми законов, без которых реформа не могла двигаться вперед. О собственности, о земле и землепользовании, об аренде и арендных отношениях. О социалистическом предприятии — этот закон хотя и был принят в числе пер-

вых, но, увы, с большими ошибками. Я предлагал также сосредоточить усилия в первую очередь на вопросах, связанных с благосостоянием и уровнем жизни народа, продовольствием, товарами. К большому сожалению, мы потеряли время...

— Закон о собственности — действительно ключевой. Самое больное его место — как это обнаружили дискуссии в парламенте — допустить нам частную собственность или нет. А вы, Борис Николаевич, как? Вероятно, не видите ничего дурного в том, чтобы продавать землю частным лицам, даже представителям капиталистических фирм. Кажется, вы об этом где-то говорили. А вдруг землю скупят наши домашние и зарубежные миллионеры?

— Нет. В отношении продажи земли лицам из капитан — я об этом не говорил. Я говорил о том, чтобы сдавать им землю в аренду. У нас в стране плохо с белком. Десятилетиями каждый год мы покупаем за рубежом миллионы тонн зерна, в том числе кукурузу, сою. Нам сои не хватает в качестве белка для детского питания, а в основном — белка для мясного и молочного животного белка. А в Америке есть крупные специалисты, они получают высокие урожаи и решают вопрос производства белка в комплексе. Почему бы не отдать им в аренду на двадцать лет миллион гектаров пустующих у нас, брошенных земель? Когда я высказал такое предложение (конечно, от своего имени, поездка в США была частная), американцы проявили к идее интерес. Аренда — да, но ни в коем случае не продажа земли. Это я исключаю.

А вот что касается права на частную собственность для наших граждан, этого, я считаю, пугаться не стоит. Другое дело, что ее доля среди других форм собственности не должна достигать, допустим, 80 или 90 процентов. Но если пять, шестнадцать, десять процентов — тогда что, социалистического государства уже не будет? Колхоз хорошо работает — пусть работает и дальше. Но если крестьянин хочет владеть землей, надо ему ее дать — продать или предложить в аренду.

В девятом номере нашего журнала читателям было предложено ответить на серию вопросов социологической анкеты. В редакцию поступило несколько тысяч заполненных анкет, которые сейчас обрабатываются, и в ближайших выпусках журнала результаты опроса будут опубликованы. Ответы эти показали, что наибольший интерес и своего рода дискуссии вызвали вопросы, касающиеся нашей истории, прошлого страны. Поэтому представляется целесообразным продолжить исследование мнений, затрагивающих данный круг проблем. Просьба к читателям пометить в анкете те пункты, которые отвечают их точке зрения на задаваемые вопросы, в затем, вырезав текст анкеты, переслать его в редакцию.

1. Укажите, пожалуйста, ваши:
Пол _____
Возраст _____
Национальность _____
Образование _____
Профессию _____

— Борис Николаевич! Некоторые журналисты считают, что вы, выступая на митингах и с высокими трибунами, прежде чем сделать ставку на «логику отрицания». Предупреждая о трезвизме свелившегося на страну кризиса, сами при этом не выдвигаете конструктивной программы оздоровления общества. Так это или не так?

— Не так. Моя программа была выдвинута перед выборами, и серьезная программа: политическая, социальная, экономическая. Сейчас она еще больше обогатилась.

У нас существует склонность к эйфории, мы начинаем все разводить розовой водичкой. Так, собственно, мы начинали. Перестройка — вглубь! Перестройка — шире! А результатов-то никаких. Об этом я предупреждал, выступая на Политбюро: не надо обольщаться! Вот кто хорошо сработал на первом этапе, так это средства массовой информации. Не надо и сегодня бояться критического настроя, он только мобилизует. А в панику народ впадает из-за того, что на прилавках пусто.

Подобное мнение у меня сложилось давно. Если посмотреть мои выступления того времени, когда я работал первым секретарем Свердловского обкома партии, в них вы тоже обнаружите процентов на 70—80 критику. Конечно, в любом выступлении должна быть и конструктивная, позитивная часть. Без этого нельзя. Иначе получается разрушение. Посмотрите, бюрократический слой, аппарат не дают своих позиций. Выходит, критикуются мало.

— Наверное, вы знаете: некоторые буржуазные органы массовой информации отмечали, что в своей политике вы подыгрываете массам, народу и тем самым укрепляете свой авторитет политического деятеля. Как вы относитесь к обвинениям такого рода, дескать, Ельцин следует тактике популистов?

— Как бы меня ни называли, популистом или кем-то еще, главное, я полагаю, — позиция. А моя позиция остается твердой. Популист — я не считаю это слово ругательным. Как раз многим руководителям не хватает связи с массами, они не знают, как к этой проблеме подступиться. Прежде бытовали

уличных, сельских сходки, были популярны митинги. Почему бы не выйти на митинг в Лужниках, где собираются до 100 тысяч человек, члену Политбюро или самому Горбачеву? Почему бы не поговорить с людьми? Разве это популизм? На митингах остро чувствуешь, что принимают избиратели, а что им не нравится. Это сильно влияет на депутата, способствует формированию его позиции.

— Вы всегда говорили правду? В 1979 году в Свердловске случилась загадочная и вместе с тем трагическая история. Ядовитые выбросы одного из предприятий привели к гибели десятков людей. Однако в официальной версии это получило другое объяснение — вспышка сибирской язвы. Впрочем, все это вы знаете лучше меня: в ту пору, вы, Борис Николаевич, были в Свердловске первым лицом...

— Абсолютно честно, о существовании предприятия я ничего не знал. Когда случилась беда, я не понимал, что и откуда берется. Из Москвы приехала авторитетная комиссия, в составе которой находился даже замзаставитель председателя КГБ СССР. Нам доложили: дескать, в результате раскопки могильников в городе распространилась опасная инфекция. И все-таки на душе у меня было беспокойно: что-то тут не так. Позже я приехал в Москву к Ю. В. Андропову, когда он занимал пост Генерального секретаря ЦК КПСС. «Юрий Владимирович, — говорю. — Помогите разобраться». Андропов при мне позвонил министру обороны Д. Ф. Устинову. Сказал, мол, уберите свое «хозяйство» из Свердловска. Тот ответил: есть. После этого у меня появились более серьезные сомнения по части выводов комиссии.

III. ПОЛИТИК В ДОМАШНЕМ КОСТЮМЕ

— Борис Николаевич, широко известно, что вы противник привилегий для должностных лиц, выступая за их отмену. Однако историк, народный депутат СССР Рой Медведев в интервью итальянской газете «Уните» (в перепечатке «Собеседника») представля-

АНКЕТА «РОДИНЫ»

теперь же настала пора сконцентрировать внимание народа на самых мрачных и нелицеприятных фактах из ее прошлого, ознакомиться с ними всех и каждого.

— 2.5. Другое мнение (какое, обобщите?)

3. Если бы вы жили во времена революции и гражданской войны, как бы повели себя вы в тех обстоятельствах?

— 3.1. Приняли бы активное участие в событиях, встав на сторону большевиков.

— 3.2. Скорее стали бы помогать Временному правительству.

— 3.3. Были бы со сторонниками монархии.

— 3.4. Во время гражданской войны встали бы в ряды красных.

— 3.5. Присоединились бы к белым.

— 3.6. Пошли бы за национальными движениями (петлюровцами, дашнаками, мусаватистами и пр.).

— 3.7. Вам были бы ближе идеи и дей-

ет вес совсем другим человеком. «Каж-
дый день я вижу, как Ельцин возвра-
щается домой на «Чайке», которая ему
положена как члену ЦК». Так вы против
каких привилегий и почему?

— Я против любых привилегий. Од-
нако не надо путать их со льготами —
допустим, для шахтеров, для людей,
работающих на Крайнем Севере. льго-
ты определяются законом. При этом
существуют привилегии, ни на каком
законе не основанные. Кто-то когда-то
их придумал, так и идет...

Это ложь, будто я вaju на «Чайке».
Да, я читал... О Рое Медведеве прежде
я был очень высокого мнения, сейчас
понял: он не всегда в ладу со своей
совестью. Он мог бы поточнее прове-
рить факты и убедиться — «Чайкой»
я не пользуюсь.

Нередко, добираясь до работы,
я езжу общественным транспортом. Са-
жусь у Белорусского вокзала на трол-
лейбус под номером 20 или 12. Привык.
Нет, я не утверждаю, что отказался от
служебного транспорта вообще. Иногда
вызываю «Волгу». Полагаю, что
в принципе вопрос со служебным тран-
спортом надо решать так, как это при-
нято в цивилизованном мире. Или ты
плати за машину, или води ее сам и то-
гда плати за ремонт, бензин...

— Считаете ли вы себя выходцем
из народа? Кто ваши родители?

— В мой родословный все поколе-
ния — крестьяне. Родился я в селв Бут-
ка Талицкого района Свердловской
области. Когда у нас сдохла последняя
коровенка, мы начали голодать. В 1935
году вся наша большая семья, побросав
бараклишко в телягу, запряглась в нее
и — в путь. А до железнодорожной
станции 32 километра. Куда мы собра-
лись? Мой папа, Николай Игнатьевич
Ельцин, завербовался на строитель-
ство Березниковского калийного ком-
бината.

Отца умер, а мама, ее зовут Клав-
дия Васильевна, жива.

— Велика ли у вас, Борис Николае-
вич, семья? Вы женились по любви?

— У меня две дочери, соответ-
ственно два зятя, две внучки и один
внук — Боря Ельцин. Жена, как и я,
оканчивала строительный факультет

Уральского политехнического институ-
та. Вместе учились, как говорят в наро-
де, хороводились, полюбили друг друга.
И все-таки, получив дипломы, мы дого-
ворились на некоторое время разъе-
хаться — в места назначения молодых
специалистов. Меня оставили в Сверд-
ловск, вы распределили в Оренбург.
Мы рвали: год не видимся. Останутся
наши чувства или нет? Действительно,
через год сошлись, встретились на
нейтральной территории — в Куйбышев-
е. Оказалось, наши чувства не остыли,
я забрал ее в Свердловск.

— Был у вас, Борис Николаевич, тя-
желый. Мы помним, прежде должнос-
тные лица высокого ранга берегли
своих жен. Вместо них, как водились,
по магазинам или по рынкам мотался
персональный шофер начальнике. Вам
знакомо это явление?

— Терпеть не могу!.. У нас в семье
за продуктами обычно ходит жена или
кто-то из членов семьи. Иногда, если
есть время, за пропитанием отправля-
юсь сам. Тяжело с продуктами, москви-
чей нелегко понять.

Сейчас я состою на учете в район-
ной поликлинике. Как-то простудился,
температура 39. Участковый врач выпи-
сала рецепт, но попросила купить лекар-
ство. Жена обошла с десятком аптек, не
антибиотиков, и все тут! Врач посовето-
вала: «Борис Николаевич! Да обратит-
есь вы в 4-е управление, вам всегда
помогут...» Нет! Категорически — нет!
Лечился домашними средствами.

Я шушу: когда был первым секрет-
рем Московского горкома партии и ра-
ботал порой до 12 ночи, болела голова.
Перешел в обычную поликлинику — го-
лова не болит. Может быть, потому, что
знаешь: в «районке» очереди, нет хоро-
шего оборудования — что там без осо-
бой крайности появляться?

Когда я нанвс визит участковому
врачу в первый раз, у нас произошла
любопытная бсвсда. Оказалось, у док-
тора куда больше вопросов ко мне, не-
жели у меня по поводу болвзни. Угля
нет, коцвгаров нет, трубопроводы сгни-
ли, пол провалился. И пошло, и пошло.
Конечно, я пытаюсь помогать. Я счи-
таю, когда министры и другие руково-
дители начнут лечиться в районных по-

ликлиниках, вот тогда они и займутся
по-настоящему проблемами здравооу-
хранения.

— Рост национального самосозна-
ния в стране поднял массу проблем
у различных народов России, в том чис-
ле у русских. Как вы чувствуете свой
гражданский долг перед Россией?

— В мой семье, за исключением
мужа младшей дочери — он украинец
по национальности — все русские. Рос-
сийская Федерация, правильно, у нас
как-то принижена, авторитет ее надо
поднимать. Каждая республика, каж-
дая нация, малая или большая, имеет
право на суверенитет, на территориаль-
ный суверенитет, на экономическую са-
мостоятельность, на свой язык и куль-
туру. Все это надо ценить. Тут наши
истоки. А то — все общенародное, все
советское! В итоге нанесен ущерб на-
циональным языкам и традициям.

— Согласитесь, «запасной Родины»
у нас нет. Бывает ли вам горько за
Отечество? Ощущаете ли вы себя там
человеком, который способен указать
нашему народу путь к лучшей жизни?

— Горько, очень горько мне было
за Отечество, когда я находился в Аме-
рике. Все-таки неплохо живут люди,
хотя и там не без проблем. После по-
ездки я чувствую себя перед народом
еще большим должником. Наш народ,
конечно, заслужил большего. Но не
взвело нам раньше на руководителвй.
Были искривления в политике. Другив
двформации в обществе. Сегодня все
это, конечно, надо выправлять. Тяже-
ло. Но надо.

Запись беседы с Б. Н. Ельциным,
состоявшейся 19 октября 1989 года
в гостинице «Москва», публикуется
с незначительными сокращениями.

АНКЕТА «РОДИНЫ»

ствия Махно и ему подобных.

— 3.8. Соблюдали бы нейтралитет.
— 3.9. Предпочли бы скорее всего эми-
грировать из страны.

— 3.10. Другое поведение (какое, обос-
нуйте).

4. Как, по-вашему, исходя из опы-
та нашей страны и других госу-
дарств, целесообразно перестраи-
вать наше общество?

— 4.1. Сразу и самым радикальным об-
разом сломать все старое, чтобы очистить
«территорию» для будущего строи-
тельства нового общества.

— 4.2. Надо действовать решительно,
но не опрометчиво: расставаясь со сте-
рым, тянущим назад, сохранять и кое-что
полезное из нашего прошлого, использо-
вать достижения и завоевания народа
для дала обновления страны, для посту-
пательного движения к социализму.

— 4.3. Радикальные ломки, как прави-
ло, очень дорого обходятся стране, про-
стым людям. Изменения следуют осуще-

ствлять постепенно, не забегая вперед
и не нарушая равновесия общества, его
устойчивости.

— 4.4. Перестройка вообще не нужна.
— 4.5. Следует не перестраивать суще-
ствующее — это бессмысленно, в возвра-
щении к «нормальным» капиталистиче-
ским отношениям, при которых способ-
ный и сильный человек может иметь все,
а бездарности занимают причитающееся
им место.

— 4.6. Другое мнение (какое, обоснуй-
те).

5. Что думаете вы о причинах и по-
следствиях Октябрьской револю-
ции?

— 5.1. Не будь Октября, наша страна
скатилась бы на положение третьеразряд-
ной державы, утратила бы свою экономи-
ческую и, возможно, политическую неза-
висимость.

— 5.2. Октябрь был исторически неиз-
бежен в силу тех глубоких противоречий,
которые раздирали Российскую империю.

— 5.3. Революция была во многом
случайным делом: и без нее развитие стра-
ны пошло бы на подъем, она быстро дви-
галась бы вперед, обгоняя все другие
страны; одновременно улучшалось бы
и положение всех живущих в ней людей.

— 5.4. Не будь тогда мировой войны,
голода, общего озлобления, люди не под-
нялись бы против существовавшего
строга, так как в принципе многим жилось
не так уж и плохо.

— 5.5. Судить о том, была ли или нет
неизбежна революция, — дело напресное,
ибо Октябрь — исторический факт, и его
надо признавать как реальность.

— 5.6. Иное мнение (какое, обоснуйте).

Уважаемые читатели, если предлагае-
мые варианты ответов не совпадают с ва-
шей личной точкой зрения или вы хотите
обосновать свое мнение, — присылайте за-
мечания и примечания вместе с заполнен-
ными анкетами. Мы внимательно изучим
эти дополнения и будем учитывать их при
обработке материалов всего опроса.

МНЕНИЕ ОПОНЕНТА

ПОЛИТИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРЕДСКАЗУЕМ,

считает доктор экономических наук, профессор, проректор
Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова,
автор многих книг по проблеме Запада Валентин ФЕДОРОВ

Восхождение Б. Ельцина по ступе-
ням партийной иерархии, вплоть до По-
литбюро (кандидат в члены), было три-
виальным и не обращало поначалу на
себя особого внимания — хотя и новый
человек, но в то же время — трафарет-
ный образ аппаратчика. Бунт на партий-
ном Олимпе заставил людей загово-
рить о Ельцине, а падении оттуда пре-
вратилось в его крупнейший (до сих
пор) успех.

Восходивший в историю нашего госу-
дарства «феномен Ельцина» объясня-
ется, на мой взгляд, во-первых, рядом
личных качеств Бориса Николаевича.
Одно из них — готовность к самопожерт-
вованию. Конечно, он не мог не созна-
вать во время своего московского св-
кретариата, что, выступая против
могущественных коллвг, он совершает,
согласно господствовавшим тогда кано-
нам, политическое самоубийство. От
материальных преимуществ, от права
на почтуную и обесвеченную старость
после ухода на заслуженную пенсию
в будущем — от всего этого Ельцин
мысленно отказался, взойдя на трибуну
октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК
КПСС, а потом их лишился фактически.
По житейским меркам такой акт не мог
не вызвать симпатии в народе. Попу-
лярность Ельцина особенно возросла
после его публичных выступлений про-
тив незаконных привилегий для силь-
ных мира сего.

Должен заметить, однако, в данной
связи, что главной добродетелью обле-
ченных властью двателей является
вовсе не аскетизм и не самоуравнива-
ние в потреблении, а благотворные
идви, разумное управление государ-
ственным кораблем.

Бойцовская косточка Ельцина тоже
впечатляет. Он восстал как одиночка,
ни на что не рассчитывая, апеллировал
не к народу, а к партийным руководите-
лям разного ранга, но они осудили его.

Есть системы ценностей, где посты
дороже всего — друзей, единомышлен-
ников, правды, совести. Всего не пере-
числить. Это сейчас у Ельцина встл со-
ратники, но каково ему было биться по
принципу «один в полв воин», мы, воз-
мочнее, подробнее узнаем из ныне наго-
вариваемых им на диктофон мемуаров.
Так что популярность досталась Ельци-
ну дорогой ценой во всех отношениях и,
если кто-нибудь ему завидует, пусть
вспомнит об этом.

Во-вторых, беспрецедентное воз-
вращение Ельцина в большую политику

стало возможно благодаря резкому из-
менению общественно-политических ус-
ловий в стране. Случись прозрение
с Ельциным не в 1987-м, а несколькими
годами раньше, он «сгорел» бы в одно-
часье и без следа, оказавшись задвину-
тым на какую-нибудь невидимую хо-
зяйственную работу за пределами сто-
лицы (в Свердловск его бы тоже не
пустили). Неудачных или проваливших-
ся политиков у нас наказывали перво-
дом на должность по специальности
или назначением послами в другие
страны, даже если они до этого путали
Австрию с Австралией.

Популярности Бориса Николаевича
способствуют, помимо своей воли,
и сами власти, прибегавшие в общении
с ним к приемам, не отмеченным пча-
тью высокой этики. Лишний раз пражних
рычагов расправы, так сказать, с укоро-
ченными руками, но не привыкший к но-
вым нормам политической жизни, адми-
нистративный аппарат упорствует
в своих преследованиях, пытается
скомпрометировать обличителя, но дв-
павт это нумело, по-топорному, хотя
и с шумом, и тем самым бросает на
Ельцина тень мучника. Аппарату слв-
довало бы знать две вщи. На Руси
мучники всегда были в чести и до сих
пор крепко удерживаются в памяти на-
родной. Далее, в нашем обществе раз-
ввзрлась пропасть отчуждения между
самим аппаратом и населением. Люди,
не искусенные в сложностях и хи-
тросплетениях политики, отвыкшие от
уважения к себе, подобно камвртону,
благодарно улавливают все, что хоть
как-то созвучно с их интврсами.

Наша политическая культура, опрв-
деленно, вступила на путь оздоровле-
ния, и за какив-то недели и месяцы мы
увидели и признали таланты, которые
всегда существовали, но не могли про-
явиться в условиях идеологического
деспотизма. Да что таланты! Появился
в годы «вверных ленинцев» Хрущва
и Брежнева политический гений, подоб-
но Ленину, и его в лучшем случае от-
правили бы в сибирскую ссылку. К сло-
ву сказать, царское самодержавие
было куда более терпимым к своим
откровенным противникам, чем послв-
довавший за ним авторитарный рвжим
к своим оппонентам и сподвижникам.
Блвстная плеяда общественных дв-
твльвй, народных двпутатов, таких, как
Алвксеев, Собчак и другие, стала при-
обретением пврестройки.

В политике, как в спорте, легче за-

вовать титул, чем отстоять его. Как
писал Трумен в своих мемуарах, став
президентом, он обнаружил, что ока-
зался вввром на тигрв. В дальнейшем
Ельцину придется приложить немало
усилий, чтобы удвжаться на гребне об-
щественного интереса. Тот же самый
народ, который вознвс его в своих
предпочтениях почти на самый вврх
(первое место в твх же самых предп-
очтениях остався за М. С. Горбачевым),
отввртнется от своего кумира, как толь-
ко почувствует, что тот не оправдывает
его надежд и, пусть простят меня за
низкий слог, что тот «не тянет». Между
тем себя не перепрыгивать. Если с по-
мощью личных качеств Ельцин завое-
вал себе имя в политике в условиях
высокого спроса на критику, на гра-
жданский поступок, то свгодня, в новых
условиях, когда требуются другие спо-
собности — конструктивного плана —
его же личные качества могут подрв-
зять полет. Бульдозерист рушит, архи-
тектор создает, оба нужны обществу,
оба могут быть героями труда. Но тому
и другому трудно помнять свой род
занятий. Молва «неконструктивного
критика» ужв потянулася за Ельциным.

Можно поддвржать ряд чрезвычай-
но важных пунктов, выдвигавших Бори-
сом Николаевичем на повестку дня. Его
предвыборная программа нашла поло-
жительный отклик у миллионов москви-
чей, вручивших ему мандат народного
двпутата, и жителей в разных частях
нашей страны, один из которых отка-
зался в его пользу от членства в Вер-
ховном Совете. Но изучив программы
и последующие выступления Ельцина
не оставляют впечатления о наличии
целостной концепции общего развития
Советского государства.

Мы имеем сейчас уникальную воз-
можность не только критиковать, но
и конструировать новые модели обще-
ственного прогресса, создавать новые
твории, выдвигать гипотезы, словом,
двйствовать творчески. А эту работу не
заменит механическим набором попу-
лярных лозунгов. Больше невозво-
тельно любоваться красивой, но без-
жизненной статикой, ныне требуется
созидающая динамика. На горизонте
появилась тревожная угроза распада
государства на национальные состав-
ляющие, что значительно усложняет
продвижение вперед.

Где тот ельцинский мемуардвм, ко-
торый бы дал пищу для глубоких разду-
мий, споров, осознанного одобрения
или столь же обоснованного отверже-
ния? Увы, мы его не знаем. Если бы он
преподнес его с такой же убедительно-
стью, с какой он громит просчеты
в ходе перестройки! Ответами на во-
просы не заманить отсутствие проду-
манной концепции. На зияющие высоты
(по выражению философа Зиновьева)
взобраться невозможно. Конечно, нель-
зя от одного человека трвбовать
слишком многого. От частного лица
нвльзя. От лидера — можно и нужно.
Кажется, Киссинджер высказался од-
нажды в том смысле, что для госу-
дарственного мужа самой важной четрой
являются дух, сила воли. Знания еще
можно получить от консультантов, а
вот силу воли позаимствовать не дано.

В силв воли Борису Николаевичу
Ельцину не откажешь, следовательно,
остается совсем «немного» — создать
концепцию. Может быть, его мини-тра-

гдвия заключаются в том, что он стоит один пврэд миллионной аудиторией, но без научного штаба (по крайней мере его советники пока серьезно не проявились в деле).

Большую помощь в состоянии оказать ему экономисты — народные депутаты, но, похоже, эти экономисты сами имеют нвшуточные политические амбиции, не обладая, однако, вльцинским политическим шармом. Кто будет утверждать, что в межрегиональной депутатской группв нвт соперничества за лидерство? Как представляется, имвнно поэтому там так и не смогли прийти к согласию относительно пврвдсдателя. Можно предположить, скоро в межрегиональной группв отвлтливо проступят острые противоречия, начнутся споры о том, кто больше прав, это, кстати, извечный плюс и одновременно минус интеллигенции.

Отсутствие у Ельцина собственного интеллектуального окружения, мозгового треста, необходимого любому политику, снижает его шансы как перспвктивного общественного деятеля.

А случайно ли, что у него нет интеллектуальной команды, почему его притягательная сила не бврвт в полон и не заставляет работать на свбя носителей «сврого ввщества»? Не оттого ли, что с ними труднее? Окончателный ответ, думаю, свйчас никто дать не может, и имвнвш всего сам Борис Николаевич. Придется подождать.

Теперь о взглядах на методы руководства. Вспоминается первая осень московского градоначальничества Ельцина. Она надолго останется в неофициальной лтвписи. Повсюду продавались овощи и фрукты, на прилавках появились даже ягоды. На улицах и площадях были быстро возведены легкостенные деревянные торговые ряды. Общая атмосфера напоминала праздник урожая в хорошем смысле. Между тем фундамент той прекрасной осени ввсьма нвпрочен, так как он административно-командного качества. Всв делалось силой, по принуждению, путем разносов и изгнания с работы. Приняты хорошие решения, но они саботируются, заявлял первый свквртарь горкома и опять применял тот же арсенал сильнодействующих в пврсональном плане карательных мер. То был экономический робесперизм. Одну осень, от силы двв можно продвржать город на хорошем снабжении свельско-хозяйственными товарами, заводскими извнв. А потом? Дальше, думается, картина приблизилась бы к нынвшнему унылому пейзажу в торговле овощами и фруктами. Судьба преподнвсла Ельцину своеобразный подарок: его заставили покинуть свой пост. При этом за ним сохранился «флвр славы и загадочности», хотя с течением времени нвумолимо бы сгушались доказательствв самой обычной ввсхозяйственности и нвзфвктивности правления в Москвв. Ежели Ельцин увл сам, то заслуживает восхищения ввще одна его особенность — прозорливость и чутье момента.

Так вот, неудовлетворительными были хвалены решения, потому-то и приходилось их пробивать кулаком, ставшим символом рычага нашего научно-технического прогресса. Можно затрроризировать всю страну, можно объявить войну другому государству и наголову разбить его, но нельзя поставить на колени собственную эконо-

мику. Чем больше насилия в экономике, тем менее она эффективна. Непонимание этого можно простить отвлным профессорам-экономистам, которые возвысились на своих идвях о дальнейшем тотальном совершенствовании социалистического планирования, а свйчас немножко подхваливают рынок, отдавая дань моде, но претендент на лидерство должен адекватно созавать силу и бессилие власти.

Есть и другая разновидность экономистов, которая недавно оказала мвдвжью услугу правительству, побудив его принять постановление о платв своим крестьянам за сданное зврно в долларах по рвкомвндациям научных экспертов. Развивается наступление на рубль, это делается не из-за злого умысла, а ввследствие отсутствия экономического мышления. Овладевшая всеми прямо-таки одвржмиче заполучить доллар вытвсняет рубль из ввнтрвнного оборота, а это ввще более затрудняет и оттягивает во врвмвни перспвктивную цель конвертируемости нашей национальной денежной единицы.

Противоречивость официальной политики бьет в глаза. На одном фланге мы вроде бы накапливаем пврвдпосылки хотя бы частичной обратимости рубля, толкуем о валютных аукционах, а на другом фланге собираем силы с отрицательным зарядом, затем приводим оба крыла во ввзаимодвствие. Рвзультат аналогичен тому, как если бы автомобиль одновременно дали газ и тормоз.

Это нвбольшое отступление от темы потребовалось для того, чтобы показать двойную проблему Ельцина. Конечно, важно имвть советников, но ввще важнее — правильных советников.

Борис Николаевич не раз демонстрировал смелость своего мышления на благо демократии, нарушил много табу, полученных нами с молоком матери. И ввс-таки его политическое крвдо не воплнвв ясно по свй день. То, что мы слышим из его уст, скорее отрывочно и не ввзаимовязано между собой, чем недоговоренно. Вряд ли у кого возникают сомнения в его открытости. Ввдь он без обиняков делится обескураживающей новостью о том, что, лишь начав работать в Политбюро, стал понимать недостатки административно-командной системы, тогда же остро ощутил социальную нвсправедливость и социальные расщелины, увидел разные уровни жизни. Вот уж поистине лучше поздно, чем никогда. А то ввдь многие наши герои, десятилетиями проруквдовив областями, министерствами, партийными комиссиями и отделами, так и сходят со сцены с благой вврвой, будто приблизили торжество социализма. Поездка в США привнесла ввще одно личное открытие относительно нашего самообмана «о загнввании Запада». Сомневаясь, чтобы Ельцин был единствнным подобным открывателвм среди руководящих товарищей, бывших и настоящих.

Его взгляды на политическое устройство Советского Союза страдают проблемами, и приходится фиксировать снова: сумма точек зрения есть, законченной системы нет. А политик должен быть пврвдсказувм и регулируем, чтобы не занвсло нас под колеса истории.

Не будем строить прогнозы относительно карьеры Ельцина, она в его руках. Отдавая ему должное, нвльзя, однако, упускать из вида главное: феномен Ельцина стал возможен благодаря феномену Горбачева.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

ВОРОНОВО

На Старокалужском шоссе, в севмидесяти трех километрах от Москвы, расположена усадьба Вороново. В начале XVI века ею владел внук героя Куликовской битвы боярина Боброка Вороной-Волынский. В 1740 году последний в этом роду хозяин усадьбы Артемий Волынский был казнвн за борьбу против императрицы Анны Иоанновны и вв фаворита Бирона, а ввтчвны конфискованы.

Со второй половины XVIII века Вороновым владел граф И. И. Воронцов. При нем был создан пврвкрасный архитектурный ансамбль: дворец (архитектор Николай Львов); новая Спасская церковь; большой конный двор, выложенный кафелем; в огромном парке на берегу пруда — камнннв беседки, многочисленные скульптуры и Голландский домик — двухэтажный павильон с высокой черепичной крышей. Всв здания, кроме дворца, проектировал архитектор Карл Бланк, который работал преимущественно в стиле барокко. Тогда же провели потайные подвмннв тоннели от дворца к беседкам и другим постройкам.

Следующим владельцем Воронова, уже в XIX столетии, стал граф В. Ф. РаSTOPчин, градоначальник Москвы во время Отечественной войны 1812 года. Осенью усадьбу заняли французские войска. Перед их приходом РаSTOPчин собственноручно поджег всв постройки и оставил записку: «Я украшал в твчвние восьми лвт это владение. Жители этих мвств, в числв 1710-ти, покидают его при вашем приближении, и я поджег свой дом, чтобы он не был осквернен вашим присутствием, французы, я вам оставил свои дома в Москвв с убранством на полмиллиона рублей. Здесь вы не найдтвв ничего, кроме пепла». Наполеоновский генерал Брандт рассказывал, что при входе во дворец нашл ввще одну записку: «Я поджег свой дворец, который стоил мне миллион...» Но граф не был безумным фанатиком, каким его объявил Бонапарт, и знал цену деньгам. Существует предположение, что свои несметные богатства (золотую и хрустальную посуду, мебель, полотна знаменитых живописцев) РаSTOPчин спрятал в лабиринтах подвмннвлий, многие из них достигали шести километров в длину.

После пожара 1812 года дворец был восстановлен, а затем рвставировался в 1949 и 1986 годах.

Фото и текст
Вадима ИВАНОВА

ОБСУДИМ

ПОГОНЫ ДЛЯ СЛЕСАРЯ?

Гелий РЯБОВ,
лауреат Государственной
премии СССР,
заслуженный
работник МВД СССР

Несколько мвсйцев назад я присутствовал на ввстрчв с руководителвми подразделений МВД СССР — рвчв шла о методах и способах реализации идвв по созданию рабочих отрядов охраны порядка (РООП). Был рассказан нвкий положительный опыт, имеющий мвсто быть в одном из районов Москвы, и главным образом опыт города Горького: появление отрядов на улицах рвзко умвнншло хулиганские проявления, оздоровило криминальную обстановку.

Возможно, так оно и есть, но не могу удвржаться от вопроса: доколе наша общественно-политическая система под любым пврвдлогом и любыми способами будет уходить от решения самых насущных, самых острых социальных вопросов и коллизий, пврвкладывая свои обязанности на кого угодно, лишь бы оградиться от критики и нвприятности реальности?

Не мною сформулировано, что государство есть своего рода общественный договор, по которому обыватели (в высоком смысле; я должен это уточнить во избежание кривотолков и обид) всех состояний, ствпвней и рангов (рабочив, крестьянв, интеллигенция, ИТР) «делегируют» некоторым своим полномочиям (и проблемы одновременно) властям, которые, в свою очередь, обязуются организовать достаточную защиту подданных от преступных и иных противоправных посягательств.

Власть всвх врвмен и народов (и наша, Советская, в том числв) и делает это, создавая свпциальный аппарат охраны общественного порядка и борьбы с првступными посягательствами на все виды сегодня признаваемой собственности, аппарат охраны государственной безопасности, состоящий (в принципе) из рвзввдки и контррвзвдки и подразделений, обслуживающих их деятелность внутри страны и за рубежом.

Но вот ввдь странность: за семьдесят два года Советской власти только однажды были созданы Частн Особого Назначения, в которые привлекались (по возможности) пврвданные и идввно убежденные дилетанты, учившиеся двлу своей и вражьей кровью (чаще — первой). В дальнвшем никому и в голову не приходило создавать отряды содействия органам государственной безопасности (хотя, признаем, что в двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые и семидесятые

годы этим отрядом являлась — без оформления — ввсьма значительная часть советского народа, доносившая на всех и про всех из чувства садистского наслаждения и упоения собственннй нвосознанной неполноценностью).

Сегодня руководство КГБ СССР тактично призывает нас всвх работать сообща, на бльго народа и государства, но, честно говоря, мне было бы интересно узнать, а сколько резидентур противника вскрыто и агентов обезврежено, сколько изъято шпионских тайников с помощью живого и непосредственного участия народа в чистом, так сказать, виде, при выполнении гражданского долга?

По моему мнению, последний такой чистый опыт состоялся где-то в разгар гражданской войны, когда нвкая женщина (из рассказа Ю. Германа о первых чекистах) подобрала на мостовой бумажку, обрвннную шпионом, в результате чего Петрогубчека раскрыла заговор, угрожающий революции.

Итак, КГБ СССР в силу свпцифики своей работы к созданию рабочих отрядов охраны порядка не призывает!

Тогда почему загорелось этой идввей МВД СССР?

Отввт здвсь, увы, однозначен. Всему виной либо полная и несомнвнная нвкомптентность, либо нвчто гораздо худшвв: жвление умышленно вввести в заблуждение общественность, ибо реальных средств борьбы с преступностью, как мне пврвдставляется, сейчас нвт, а имидж — сколь ни скоротечен и бессмыслен он в конечном счете — удвржит общественное мнвние в состоянии нвобходимого нвдоумения на какой-то (хорошо бы побольше!) срок.

В чем же эта нвкомптентность?

В том, что могучее порождение нежизнеспособной экономики и системы — организованную и иную преступность руками рабочих и крестьян не остановить и даже не удержать ни на миллиметр общественного бытия!

Преступность имввт четкую и суровую структуру, инфраструктуру (вндренность во все системы жизнедеятельности общества), дисциплину, материальную базу (новвшив образцы техники прослушивания и проглядывания, компьютеры, оснащенные специальными программами, и т. п. — при том, что правительство службы не пользуются западными разработками — в целях безопасности, а «ОП» пользуются, ибо западные на 100 лвт опережают доморощенные), тактику и практику вознаграждения за соделанное на пользу системы «ОП» — и что же могут противопоставить всему этому чистые рабочие руки (пишу без малейшей иронии), светлые лица?

Убежденность в своей правоте? Что же ввще? Врвмя, когда нас молодость водила в сабельный поход, безвозвратно прошло. Действительность ужасающе сурова и ввскомпромиссна. Когда-то брат В. И. Ленина Алвксандр Ульянов написал в прокламации: «Грубой силв, на которую опираются правительство, мы противопоставим товже силу, только опирающуюся на сознание нашвй духовной солидарности».

В реалиях свгдняшней бескомпромиссной борьбы, когда вопрос стоит просто и ясно: кто кого — организованной силе преступности можно и нужно противопоставить не ввспомощныв рабочих отряды, способные в лучшем случае без толку и пользы умвреть на посту, а специальные подразделения внутрвнней службы, в которые будут отобраны сотрудники по специальной мвдцинской и профессиональной программв и которые одни только и смогут дать бой твневой экономике и ее проекциям.

Они не победят, ибо слишком разны потенциалы. Но они сдержат страшную, нарастающую лавину профессионально, а Верховный Совет за это врвмя, надевмся, повзрослеет и примвт такие решения о собственности и рынке, которые хотя бы уравняют в обзоримом будущем потенциал государственной и «антигосударственной». Но к этому врвмени аппарат борьбы товже повзрослеет и найдет себя: способы, методы и т. п.

Здесь снова необходимо вернуться к органам госбвзопасности, о которых я уже упоминал. Дело в том, что при

¹ Очень тревожит, что КГБ в «чистом», так сказать, виде принимает участие в борьбе с организованной преступностью. Это сфера «ВД», и КГБ должен передавать в МВД СССР своих людей и технику — это вопрос отнюдь не формальный!

создании в 30-е годы общесоюзного НКВД милиция вошла в нвго составной частью наряду с госбезопасностью и под влиянием этого могущественного подразделения была «чекизирована», то есть директивно восприняла способы и методы оперативно-розыскной работы чекистов, но только со знаком «минус», я бы определил это так. Принцип, согласно которому вора или любого другого асоциального типа ловят на преступлении, а затем предлагают альтернативу — идти по этапу или «освещать» двятельность «малины», группировки и т. п., — несомненная мерзость. Естественно, что на подумки получить искреннего, честного помощника невозможно, приходится довольствоваться принципом «с паршивой овцы хоть шерсти клок». А эта паршивая овца — всегда и безусловно — двурушник, предатель, негодяй. Вор (да и любой преступник вообще) не может предавать вчерашних товарищей на «идеиной основе», руководствуясь постулатом «человек человеку друг, товарищ и брат». Все это цинизм самой высокой пробы, он разлагает людей милиции, губит их, в среде МВД исторически властвует принцип «тодо модо» — все дозволено. Не так давно я вступил в матерью бывшего сотрудника МУРа, отбывающего наказание за попытку убийства собственной жены. Мать этого человека рассказала мне, что парень был одним из лучших в подразделении, имел «на связи» чуть ли не самов большой количество «помощников» и однажды поручил одному из них организовать «ликвидацию» собственной жвны...

Единичный случай? Нет, я убежден в этом... О «раскрытых» МВД предпочитает помалкивать, а нераскрытых... Сколько их, кто это знает?

Зачем я это все пишу?... С единственной целью: работать надо не только «при сейчас», но и на далвкую перспективу (решався все и там, не только сегодня), в далекой жв перспективе МВД обязано отказаться от порочного наследия «чекизации» и найти иные способы и методы контроля за преступными сообществами.

Что касается организованной преступности — принцип «из среды», ненадежный и подлый, как я уже сказал, — для «ОП» вообще не подходит. Что может предложить оперативный сотрудник представителю «ОП» самого низкого уровня? (Других МВД не знает и знать пока не может — средняя линия «ОП» и в «верх» скрыты весьма основательно.) Пересмотреть свой преступный путь? Исправиться? Деньги? (Откуда они возьмутся? МВД — организация, прямо скажем, небогатая.) Можно, конечно, взятому с полицией ракету предложить сотрудничество взамен тюрьмы, но...

«Сообщество», осведомленное через своих людей о задержании, не допустит бывшего товарища до серьезного дела, поэтому милиции этот человек бесполезен. Еще и потому, впрочем, что «верхних» людей ракетир не знает и знать не может.

Как же «выйти» на «верхних»? Это архизадача... Я думаю, что сегодня она нерешаема, потому что, возможно, работники «службы безопасности» организованной преступности сотрудничают с отдельными работниками «шестой

службы»¹ и не позволяют ей выйти слишком уж высоко. Здесь нужен другой путь, достаточно сложный, трудоемкий, требующий весьма длительной подготовки. Но ведь нужно когда-нибудь начинать...

Не хотел бы обрушивать на себя критику аппарата МВД СССР, но мне кажется, что «шестая служба», созданием которой так гордится министр Вадим Викторович Бакатин, — бледное, раздвоенное, босое и несчастное существо, которому и поесть-то не на что, не то чтобы задрать обожравшегося противника и трубно объявить о победе.

До этого и вообще далеко. Предстоит изнурительная, кропотливая, не приносящая, как правило, никаких ощутимых результатов борьба, и Бог в помощь, как говорится, тем беззаветным и храбрым профессионалам, которые поднимут на свои плечи страшный груз войны с организованной преступностью.

Еще один, совсем не простой вопрос. Защищен ли работник милиции? Разумеется, при исполнении служебных обязанностей. Несомненно, на мой взгляд. Работнику милиции, предъявляющему законные требования по охране общественного порядка или в связи с оперативно-розыскной двятельностью, проведенным расследованием и так далее, обязаны подчиняться все граждане и должностные лица. Неподчинение законным требованиям допустит применение работником милиции силы, сопротивление же наказывается сурово. Уважив же к милиции воспитывается не столько пропагандой, сколько положительной двятельностью самой милиции.

Что касается умышленных преступных посягательств на жизнь и здоровье работника милиции — разве суд даст кому-либо поблажку? Есть такие случаи в практике? Во всяком случае, таков, о которых следовало бы говорить? Не знаю...

Думаю, что в настойчивом хоре руководителей МВД всех степеней и уровней, все настойчивее звучащем в последние время и требующем какой-то экстраординарной защищенности работника милиции, невооруженным глазом просматривается другое: сдвигать, поелику возможно, представителю системы и подразделений МВД СССР неуязвимым по отношению к Закону и эту неуязвимость узаконить. Покупатель всегда прав — есть такая неписаная формула во взаимоотношениях продавца и покупателя, работник милиции в своих взаимоотношениях с гражданами — тоже всегда и безусловно прав. С милицией не спорят, вот и все. Такова мечта.

Вряд ли она найдет отклик в сердцах, умах и душах нормальных людей.

Что касается физической незащищенности — она налицо, но преступник тут почти ни при чем. Он нападает, работник жв милиции защитить себя не может, потому что не умеет. То, что показывают в кино, зачастую миф. Работник мало что умеет, не научен... Дело именно в этом, а вовсе не в «туманных» формулах инструкции по применению оружия. Знающий, умеющий, нравственный работник и при дей-

ствующей инструкции применит оружие и будет прав!

...Тяжкие мысли тревожат меня снова и снова... Не получится ли так, что уповенные властью (достаточной, замечу в скобках) работники рабочих отрядов начнут ею — как это и бывало не раз — злоупотреблять?

Получится. И тогда отвечать первд законом снова будет не милиция, развалившая работу, а рабочие, некомпетентные ровным счетом ни а чем, разве что в том, чтобы произнести: «Как вам не стыдно, гражданин?»

Преступники расстреливают своих противников из автоматов.

Значит, вооружить рабочих?

Нет, конечно... И получается именно то, о чем я написал выше: идет прямое и воприкрытое ублаживание общественного мнения.

Этой жв цели служат, на мой взгляд, и Временные комитеты по борьбе с преступностью в СССР. Что и как они могут, заседа, «скоординировать», — представить трудно, но звучит более чем солидно, почти как робеспьеровский Комитет общественного спасения.

Так зачем созданы Комитеты?

Все для того жв: капнуть маслом на разбухавшую стихию народного негодования и неверия.

Надолго ли хватит и что будет придумано потом, когда беспомощная «инициатива» испарится?

...Есть одна устрашающая закономерность во всем этом: часто некомпетентные, беспомощные сотрудники из верхних шлонов власти МВД предлагают разного рода «естественные» идвйки (идеи нет, увы). Например: поскольку законы у нас-де плохие и не обеспечивают милиции возможность легко и просто штамповать уголовные дела на сограждан, законы эти надобно срочно изменить, а точнее — упростить. «Законодательство должно отвечать реалиям дня». Некое упрощенное двло-производство времени «ограниченной» соизаконности: в доме у гражданина обнаружено сто пачек сахара (двести, триста — где предел?), вот и пожалуйте к ответу. К чему выяснять — как, при каких обстоятельствах и зачем оный сахар к оному гражданину попал, — достаточно х пачек, чтобы наступила ответственность для индивида и удовольствие для БХСС, например. Упоительная отчетность: пошлел ли пальцем — и человек покатил на лесоповал. Ничего не надо доказывать (например, умысел на последующую перепродажу. За 60 лет существования службы БХСС это вообще ни разу не было доказано. Просто изобрели «двод»: количество предметов, обнаруженных при обыске, уже само свидетельствует об умысле. Легко и вопринужденно, не правда ли?). Не надо мудрствовать лукаво: «в порядке» вечернего обхода территории вошел в любую квартиру — и пожалуйста в дамки: у одного слишком много сахара, у другого — соли, у третьего — книг, у четвертого — картин и так далее и тому подобное. Недавно очаровательная девушка в форме утверждала в популярной телепрограмме: милиция, дорогие сограждане, задерживает вас для вашей жв пользы, так что нечего возмущаться. Остався просить Верховный Совет издать простенький закон: милиция имеет

право входить в квартиры граждан СССР а любое время суток. Что касается обоснований — записать лапидарно, в духе древних: «по усмотрению». И сразу никаких проблем, не правда ли?

Выдвинуто и такое предложение: поскольку милиция наша бедная, предоставить ей право обращаться в служебную пользу подавляющий (или небольшой хотя бы) процент от стоимости изъятых ценностей и пансионат построить, и профилакторий, и санаторий, купить необходимую технику на Западе. И даже перейти от бесплатного «патриотического» доноса к нормально оплачиваемому. Сообщил гражданам информацию — «касса, пробейте гражданину дефицит!». Или выдайте наличные, что хуже, но тоже вполне приемлемо. Еще можно организовать выдачу анонимных талонов — по типу недавних березковских чеков, для чего создать специализированные магазины по обслуживанию платных осведомителей.

А если серьезно, то можно ли гарантировать, что, получив право на процент с добытого нечеловеческим трудом, милиция не начнет злоупотреблять этим, «шить» и «кроить» необходимые дела (бывало такое, и не раз, в истории, рожденной революцией), и посему все будет провалено с оглушительным грохотом еще раз, и снова не за счет милиции, а за счет слез неповинных ни в чем сограждан?

Агент сообщил «куда надо»: «Сосед, сволочь, богатый жв человек!» Сообщил и (по правилам игры) ушел в тень, получив четвертак или талончик. К соседу пришли: «Откуда деньги?» Сосед мычит от страха и растерянности и... Как просто все...

И совсем уж просто: практически в каждой советской семье, ни сном ни духом не причастной к организованной и простой преступности, всегда есть сколько-то денег, объяснить происхождение которых ни семья, ни ее досточтимый глава никак не смогут. Не сойдется дебет с кредитом. Есть дорогостоящие вещи, которые подарила некогда бабушка, но чему бдящий представитель правоохранительных органов не поверит никогда и будет даже по-своему прав, ибо доказать подобное невозможно (у нас практика бремени доказывания лежит на гражданине, последнее доказательство ему — декларация о доходах. Пожелай милиция реально — она на этих декларациях, если их и на самом деле сделать обязательно-ежегодными для всех без исключения граждан, — построит себе новую и очень счастливую жизнь).

Вспомним о слезе ребенка, ставшей в наши перестроечные дни триумфом. И там не менее: если призыв к разуму, доносящийся с высоких трибун, не демагогия и обман, а нечто искреннее, как же совместить его с пострадавшими от родной милиции гражданами?

Утверждаю: милиция войдет в квартиру самого честного человека, скомпрометирует его на самых законных основаниях, и человек этот скорее всего умрет в ожидании справедливости. Или сильно состарится, во всяком случае. А уж неврастником станет — а результате общения с органами внутренних дел — всенепременно и безысходно.

Эти двдложения — беспроигрышная (в случае реализации) игра в одни ворота. Легкая и беспощадная. С очевидными для власти предержащей последствиями: утраты со стороны граждан последнего оставшегося еще доверия; жвсточайшего разочарования и окончательного исчезновения ценностной ориентации и, наконец, объединения тех, кто борется с преступностью, с теми, против кого идет борьба. И тогда наше общество станет первой в мире «воровской малиной», основанной, естественно, не на законе, а живущей «в законе». А это, увы, совсем не одно и то же...

Последний пврл создания, так сказать, — убеждающий призыв применить при допросе «детектор лжи» и гипноз. Основание: на Западе применяют, и ничего, все живы, а преступления раскрываются лучше и чаще.

На Западе — возможно. У нас...

А почему бы не выяснить с помощью детектора взаимоотношения соседа с собственной жвной или еще что-нибудь в этом роде?

Или не вступить в альянс с гипнотизером и не заставить (по данным, полученным от верных помощников) некоего имярек сдать все свое достояние в доход сотрудника и гипнотизера?

Клввещу на родную милицию?

Нисколько. Товарищ Бакатин с грустью признает наличие в славных рядах взяточников, воров, пврврожденцев, предателей и тому подобное. И пока этих мврзавцев в милиции много — о каком гипнозе идет речь, о каком полиграф, в чьи чистые руки при холодных, расчетливых головах все это попадет и куда приведет?

И когда уважаемый министр призывает печать вообще, и журналистов в частности, обличать конкретных виновников, бесчестящих МВД, но не распространять бесчестье на всех, — никогда не соглашусь я с таким призывом, ибо рубашку с грязными манжетами бросают в стирку, а бочку с мвдом, в которую попала ложка двгтя, — выливают.

Это, разумеется, не означавт, что МВД СССР следует расформировать, — подобной мысли у меня никогда не было, но МВД СССР должно знать, что санитарских своих функций, по моему глубокому убеждению, оно пока не выполняет и, оставаясь в рамках мышления XIX века, не может выполнять.

И здесь все нивостые призывы к увеличению рядов, укрупнению функций (приобретение всего следственного аппарата под крыло) не должно встретить поддержки у законодательной власти. Ибо числом никогда еще не удавалось сделать ничего серьезного, только уменьив, вспомним знаменитую фразу — «Лучше меньшее да лучшее!», поэтому выход, на мой взгляд, здесь один: уменьшить ряды многократно, многократно жв увеличив содержание. По нынешним ценам — до тысячи рублей для рядового милиционера и двух тысяч для самого министра. Остальным — по мере деятельности и результатов.

Что касается еще одного предложения — сосредоточения всего следственного аппарата в МВД, — то этого нельзя делать ни в коем случае, скажу я. Ибо МВД СССР прежде всего органи-

зация оперативно-розыскная (при всех нюансах), поэтому следствия здесь никогда не будет достаточно объективным. Кроме того, нмыслимо сосредоточить столь огромную власть над гражданами в одних руках. Должны быть реальные гарантии проверки и перепроверки данных розыска, а это возможно только при полной раздвоенности служб. Следствие должно быть отделенным от МВД и совершенно самостоятельным.

Пора перестать возводить туры на колесах, изобретать заваркалье, парить в эмпиреях. Пора понять: псевдосоциализм не придумал ничего положительного и нового в нравственной сфере, но многократно усугубил негативные и центробежные твднции, в экономике прежде всего. И сватгировала на эти твднции самая чуткая вторичная система — правоохранительная.

Сегодня экономика пытается вырваться из пут казармы и отчаяния, и, как нвлпный парадокс на этом фоне, правоохранительная система отрицательно, бессмысленно пульсирует, подвигая себя самое к краю такой пропасти, из которой возврата просто не может быть.

Маргарет Тэтчер однажды заметила, что в кресло пврмьер-министра ее привели вера в Бога и безмерное уважение к полиции.

Этому уважению на Западе сотни и сотни лвт.

Нашей неприязни — семьдесят. Совсем небольшой срок, чтобы пврвоспитаться.

Но очень большой, чтобы зажившая система, беспомощная система, угасающая система «ВД», нищая духом и двнгями, пврвсмотрела свои ошибки, заблуждения, покаялась в првступлениях, отрклась от них, и, как говорят, отряса прах с ног своих, обрвала в результате новое качество — стража правопорядка, защитницы народа и государства.

Этого не достичь наскоком, утешающим некомпетентных.

Это достигается терпеливым, кропотливым трудом, долгим усоввершенствованием личности, индивида.

Это давно уже придумано: одним только улучшением нравов и без всяких насильственных потрясений.

Пока же люди в форме должны изловить и обезвредить фантом.

Смогут ли они это?

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя этот материал, мы не разделяем категоричность и даже резкость отдельных положений автора. Но, учитывая особую напряженность криминального положения в обществе, считаем своим долгом предоставить страницы журнала и для столь пристрастной оценки правоохранительных органов. Надеемся, что эта публикация не столько обидит, сколько вызовет на серьезный, заинтересованный разговор представителей милиции, общественности, всех, кто заинтересован в действенной борьбе с организованной преступностью.

¹ Речь идет о шестом управлении МВД СССР, призванном бороться с организованной преступностью. (Прим. ред.)

ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ КПСС

Юрий
ВЛАСОВ,
народный
депутат
СССР

Два противоречивых начала оправдывают роль партии в нынешних условиях.

Партия остается сегодня единственной силой, способной обеспечить порядок и дисциплину в обществе. Она тот рычаг, который способен удерживать общество от сползания в хаос и анархию.

Но дело в том, что партия жива (а точнее, аппарат) и во многом противодействует обновлению страны — всестороннее и глубокое обновление грозит ей утратой политической монополии.

Демократический процесс в стране все больше отрывается от сложившегося десятилетиями характера и смысла деятельности партии.

Лозунг партии — «самоочищение, самообновление, перестройка своих рядов», — думается, не ведет пока к коренному изменению ее облика. Это все та же догматическая авторитарная организация.

Партия в перестройке занимает весьма специфическую позицию. Да, она ее вызвала, но только в условиях, когда государству начал угрожать экономический крах.

Крах государственный означает для партии небытие. Так что, обратившись к перестройке, партия прежде всего открыла борьбу за собственное выживание.

И именно поэтому партию занимает не столько последовательность реформ, обновлений, возрождение страны, сколько стремление остаться политическим монополистом любой ценой. Эта установка на выживание все чаще и чаще ставит ее поперек процесса обновления страны, вносит в этот процесс существенные нарушения. Особенно убедительным доказательством является обсуждение Закона о печати в Верховном Совете СССР. Все, что угодно, но только не свободная и независимая печать. Все, что угодно, но сохранение цензуры, контроль над сознанием общества. Все, что угодно, но исключить независимую мысль.

Да, партия за перестройку, но такую, которая не поколебала бы ее позиции — партии, осуществляющей единовластное правление. Эта особая роль партии закреплена и конституционно.

Отсюда и особность, непоследовательность поведения партии. Она — за широкие реформы. Но и она же — за создание условий, при которых прежняя структура власти сохраняется, лишь обрстая различного рода демократическими атрибутами. Должно произойти приспособление старого аппарата принуждения и диктата к новым условиям.

Первые годы революции основным догматом партии являлся принцип диктатуры пролетариата, проще говоря — диктатуры одного класса над всем народом. Этот догмат ставил партию в исключительное положение, от самотеку которого приходило на Съезд скромными напоминаниями: «Мы — правящая партия». Надо понимать это так: диктат по-прежнему за нами. Мы так и понимаем и эти слова, и шестую статью Конституции. Да, все права на одной стороне, все обязанности — на другой.

Часть общества (в том числе и коммунисты) хочет избавиться от диктата партии, сознавая гибельность такого положения. Партия ищет, собирается с силами и... нарушает последовательное движение на пути демократизации разными средствами. Тут и обработка умов — вся пресса, что называется, в кармане. Только вдумайтесь: ни одной газеты вне влияния партии, все поставлено под контроль, все так или иначе зависимо. Какая уж тут дискуссия, какая другая точка зрения?

Народ видит, что во многом идет не обновление страны, а игра вокруг обновления.

Вот эта особая роль КПСС в обществе и определяет характер, странности и непоследовательность движения.

Вывод из этого однозначный: КПСС, оставаясь единственной политической силой, превращается в тормоз сложных преобразовательных процессов, не сплачивает общество, а раскалывает.

Аппарат искренен лишь до того момента, когда ничто не грозит его главствующему положению в обществе. С этого момента, как ему что-то начинает угрожать, он поворачивает на сто восемьдесят градусов и возвращается на свои прежние авторитарные позиции, позиции диктата, подавления свободы.

Подлинно демократическая прогрессивная партия не монополизировала власть, не стремилась держать народ в подчинении, она не боится вступить в борьбу с любой другой демократической силой.

Нормальная политическая жизнь в стране, нормальный политический климат возможны лишь при равном выражении всеми группами населения и каждым человеком своих экономических и политических воззрений. Эти взгляды, требования на пути развития государства порой существенно отличаются и не могут быть насильственно сведены к одному мнению, к одной партии.

Надо страдать по единомыслию. Единомыслие — это насмешка над здравым смыслом. Убежден: нужны и иные политические организации, которые способны вобрать политическую инициативу масс, организовать эти массы, выражать их мнение.

КПСС может выражать интересы лишь части народа. Ставя под запрет другие общественные организации, партийное руководство оставляет существенную часть общества без возможности превращения своего мнения, своих взглядов, убеждений в соответствующий партийный программы — встает, и всегда существует какой-то иной подход, взгляд на те или иные события, пути движения общества.

Конституция страны должна допустить законодательное оформление других партий. Надо создавать правовое государство, следовательно, иметь в нем такие общественные институты, которые исключали бы монополию на политическую жизнь. Только такие партии способны внести оздоровление в наше больное общество.

Дабы не повторять ошибки прошлого, нужна коренная политическая реформа. Такая реформа должна раскрепостить все общественные, государственные и прочие системы страны. Такая реформа должна исключить политический диктат одной партии; именно тогда будут созданы такие институты власти, которые сделают невозможным насилие в обществе, исключат насилие из общественной, политической, государственной практики. Никто не смеет ограничивать право граждан на создание общественных и профессиональных организаций. Противное положение или мнение означают сохранение несправедливого устройства общества и, как следствие, затягивание кризиса на неопределимый срок.

К этому подошло развитие демократического процесса. Это не забегая вперед, это не лавизна, грозящая обернуться беспорядками. Это как раз нормализация политической и общественной жизни.

Еще раз повторю: партийный аппарат скомпрометировал себя в глазах людей, он становится сейчас тормозом на пути демократизации. Вот почему я вышел из рядов КПСС.

Галина ЛИТВИНОВА,
доктор юридических наукБЮДЖЕТ
НЕ ПО РОСТУ

Национальный вопрос занял место в ряду острых проблем современного мира. Не является исключением и наше государство. Неоднократно звучавший на Съездах народных депутатов СССР тезис о том, что корни обострения политической ситуации лежат в экономике, в полной мере относится и к межнациональным отношениям.

До сих пор ученые, публицисты, государственные и политические деятели, теоретики и практики, рассуждавшие о национальном вопросе, ограничивались, как правило, анализом проблем нерусских народов СССР, словно забыв, что русские тоже нация, у которой могут быть и есть свои серьезные проблемы. Республика и народ, волею исторических судеб призванные стать основой прочности, нерушимости и благополучия Союза ССР, по ряду важнейших показателей социально-экономического и культурно-политического развития оказались на последнем месте среди других народов и республик. И это несмотря на то, что на территории РСФСР усилиями ее народов создается основная доля национального дохода СССР.

Нельзя не согласиться с академиком Н. Н. Моисеевым, который в журнале «Коммунист» (1989, № 8) пишет: «Русским, как, кстати, и всем другим, необходимо ощущение равенства. А его-то как раз и нет в экономической прежде всего сфере. В некоторых регионах Урала или Центральной промышленной зоны производство валового национального продукта на душу населения не уступает ведущим промышленным государствам и значительно превосходит ряд западных регионов страны. А уровень жизни и социальной обеспеченности здесь несопоставимо ниже».

В последнее время при выработке принципов экономического и социального развития СССР и законодательства о собственности раздаются голоса о том, что все природные богатства, находящиеся на территории союзных республик, должны быть в их собственности, кроме лесов общесоюзного значения и топливно-энергетических ресурсов, то есть основные богатства РСФСР предлагается сделать всеобщими! Эта идея четко сформулирована в опубликованном законопроекте «Общие принципы перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав», где, кроме того, предусматривается, что удельный вес продукции промышленных предприятий, полностью находящихся в ведении республик и регионов, составит в общем объеме промышленного производства: в РСФСР — 27%, на Украине — 40%, в Белоруссии — 49%, в республиках Закавказья — 50—71%, в Средней Азии и Казахстане — 50—73%, в Прибалтике — 57—72%, в Молдавии — до 75%.

Эти цифры показывают, что децентрализация управ-

ления экономикой в крупнейших республиках — РСФСР и на Украине — будет наименьшей, хотя именно они в ней особенно нуждаются.

Вдумайтесь в эти цифры — 27 и 75 процентов! Процентные различия по данному показателю, разумеется, возможны. Но разрыв не должен быть таким громадным. Кроме того, наибольший процент отчислений следовало бы, думаю, предоставить самой крупной республике, ибо значительную часть своих ресурсов она вынуждена передавать в распоряжение автономных республик, краев и областей, многие из которых по численности населения и экономическому потенциалу крупнее иных союзных республик. Почему Татарии должно доставаться 10%, а Молдавии — более 70%? Где здесь принципы хозрасчета? Почему не действует принцип социализма «каждому по труду»?

Ставя РСФСР в худшие по сравнению с другими союзными республиками условия, ей существенно урежут бюджетные возможности. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть законы о бюджетах за все семь десятилетий, в том числе Закон о бюджете на 1990 год, по которому России (да еще Украине) предоставляется самый низкий процент отчислений от доходов находящихся на их территории предприятий общесоюзного значения — 12% вместо 20%, выделяемых другим республикам.

Закон о бюджете на 1990 год предусматривает также выплату субвенций (финансовой помощи) республикам Средней Азии и Казахстану для выравнивания, как там сказано, уровней развития и компенсации несбалансированных цен. Да, жизнь сельского населения этих республик с быстрорастущим населением тяжела, но разве легче она в вымирающих, деградирующих селах центральной России, три четверти которых не имеют школ, больниц, здравпунктов, детских дошкольных учреждений, домов быта? Почему им не помочь? Ведь для этого достаточно предоставить РСФСР равные с другими республиками экономические и бюджетные права и равные возможности их реализации. Да и от несбалансированности цен страдает больше всего Центральная Россия, где по этой причине убыточно производство основных сельскохозяйственных культур. Во всем мире, например, картофель и цитрусовые стоят почти одинаково. В Финляндии и некоторых других северных государствах цитрусовые стоят в 2—3 раза дороже. У нас — в 20—35 раз!

Стабильно из года в год темпы развития РСФСР планируются ниже среднесоюзных. Удивительно ли, что поразивший страну социально-экономический кризис с особой остротой проявился в РСФСР, поставив под вопрос сам факт дальнейшего существования России и населяющих ее народов, прежде всего русского?

У русских произошло самое резкое падение рождаемости. Если уровень ее не изменится, то численность русских уже через полвека сократится в два раза. Сегодня в общеобразовательных школах РСФСР обучается гораздо меньше детей, чем их было в предвоенном 1940/41 учебном году, когда обязательным было лишь семилетнее (а не одиннадцатилетнее, как сейчас) обучение.

Ежегодно с карты России стирается около трех тысяч сельских населенных пунктов. Ускоренно идет процесс вымирания сел, веками не только кормивших Россию, но и поставлявших продовольствие за рубеж. Не остановив этого губительного процесса, нам не решить продовольственной проблемы и не выйти из зависимости от зарубежных поставок продовольствия.

Продолжительность жизни в русских областях существенно меньше общесоюзной, особенно продолжительность жизни мужчин на селе (на 4—5 лет). (Для сведения: в США различие в продолжительности жизни негров и белых — 2 года.) Разрушается генофонд нации. Быстро растет удельный вес детей с дефектами умственного и физического развития. Увеличивается преступность.

Россия заняла первое место по числу лиц, проживающих в общежитиях и в неблагоустроенных помещениях, не приспособленных к жизни в суровых климатических условиях. Как это ни парадоксально, наихудшие жилищные условия имеют жители тех районов, где по принципу социальной справедливости требовался наилучший. Так, газовики и нефтяники Севера, работая в суровых климатических условиях и давая стране огромный доход, нередко живут в бараках, балках, бочках.

Русские имеют большие потери в сфере культуры: варварски разрушена значительная часть исторических памятников, Россия лишилась национального научного центра — Российской Академии наук. Нация, как справедливо отмечал Н. Моисеев, потеряла практически всю интеллигенцию. На ее возрождение потребуется не одно поколение: подготовить специалиста и воспитать интеллигента — не одно и то же.

Чтобы оздоровить создавшуюся в России ситуацию, необходимо прежде всего покончить с преступным невниманием центрального аппарата к судьбам и нуждам республики.

Думается, одна из основных причин низких темпов развития России и ее демографической деградации — в усеченной общественно-политической структуре РСФСР, лишенной республиканских партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций, а стало быть, и возможности воспитания своих национальных политических лидеров, отсутствие которых наглядно продемонстрировал первый Съезд народных депутатов СССР.

Вспомним, что из многочисленного корпуса депутатов-москвичей ни один не выразил серьезной озабоченности судьбами России и русских. Озабоченность и тревога прозвучали в выступлении В. Распутина из Иркутска, В. Белова из Вологды, В. Ярина из Нижнего Тагила... У москвичей были другие заботы. Даже

Б. Н. Ельцин забыл, что избран депутатом от Российского национально-территориального округа. Вместе с двумястами другими депутатами он обратился в президиум Съезда с предложением создать при Верховном Совете СССР особую комиссию по защите прав евреев. Права евреев, разумеется, защищать надо, но, думается, не в меньшей защите нуждаются убиваемые, избиваемые и изгоняемые с мест постоянного жительства турки-месхетинцы, азербайджанцы, армяне.

Создание российских общественно-политических организаций необходимо для оздоровления всех сфер жизни в России. Ведь никто не станет отрицать, что 14 ЦК республиканских компартий, комсомола, профсоюзов и другие республиканские общественные организации сыграли существенную роль в обеспечении социально-экономического и культурно-политического развития республик. А раз так, то пора и Российской Федерации поставить по этому параметру в **равное** положение.

Бюро ЦК по РСФСР этой проблемы, на мой взгляд, решить не может. Такая попытка уже предпринималась при Хрущеве, но оказалась обреченной на провал, так как созданное Бюро лишь дублировало центральный аппарат.

Можно предвидеть активное сопротивление центрального аппарата общественных организаций СССР справедливому решению вопроса — уже в силу того, что это потребует резкого сокращения союзных органов. Но цель стоит жертв. А цель — прекратить дискриминацию РСФСР по всем параметрам, в том числе предоставить ей право на полноправную, неусеченную общественно-политическую структуру **наравне** со всеми другими советскими республиками.

Есть и еще один аргумент в пользу справедливого решения этого вопроса. Общесоюзные органы на уровне обывденного сознания отождествляются с русскими. Поэтому их просчеты, ошибки, недостатки воспринимаются как просчеты, ошибки и недостатки русских, что ведет к осложнению межнациональных отношений, недовольству русскими.

Обсуждая пути развития советской федерации, подавляющее большинство теоретиков и практиков видят выход в децентрализации управления посредством расширения прав союзных республик.

Децентрализация безусловно необходима. Это важное условие демократизации государства и общества. Однако думается, что для децентрализации управления экономическим и социальным развитием следует одновременно расширять права мест, территорий. От расширения прав республик выиграют лишь небольшие по территории и численности населения республики. Малоэффективной эта мера окажется для Украины и совершенно неэффективной — для РСФСР, которая по-прежнему будет управляться из центра, хотя именно она в наибольшей мере нуждается в децентрализации.

Надо ли доказывать, что из Таллина управлять любым маленьким районом Эстонии гораздо проще, чем из Москвы управлять огромной Тюменской областью или Сахалином, отстоящими от Москвы на тысячи километров?

Демократизацию управления территорией целесообразно проводить не сверху, а снизу. Этот принцип следовало бы заложить в правовые акты, регламентирующие самоуправление территории. Такой путь будет содействовать расширению прав мест, не ущемляя интересов республик.

Проведение экономической реформы РСФСР, пере-

вод ее на хозрасчет предполагает серьезную реформу цен. Именно в политике цен одна из основных причин нерентабельности и низкой рентабельности колхозов и совхозов России. О каком хозрасчете картофелеводческого района может идти речь, если каждая тонна почти бесплатного по нынешним ценам картофеля приносит его производителям только убытки?

Много лет ждет своего решения проблема земельных кадастров, хотя всем ясно, что без учета специфики и плодородия почв не может быть рационального планирования сельского хозяйства, справедливой налоговой системы.

Необходима реформа бюджетных и распределительных отношений, строящихся по принципу «каждому по труду». Пора преодолеть централизацию в формировании республиканского и местных бюджетов, разработав правовой механизм формирования бюджета снизу вверх, а не наоборот, как это делается сейчас: доходы идут в центр, а затем спускаются на места.

Важным звеном в обеспечении равенства социально-экономических и культурно-политических прав и возможностей России в ряду других республик должно стать возрождение Российской Академии наук с ее глубокими традициями.

Чрезвычайная острота создавшейся в РСФСР, особенно в ее центральных районах, демографической ситуации диктует необходимость срочной разработки научно обоснованной демографической политики, а также экономических, юридических, политических и иных гарантий ее реализации.

В большинстве республик усилиями республиканских академий наук и общественных организаций разработаны планы развития народонаселения. В РСФСР, более других в этом нуждающейся, такие планы отсутствуют, да и некому их разрабатывать.

Пора создать, как это сделано во многих государствах, при высшем органе власти Комитет по народонаселению, к компетенции которого должна быть отнесена выработка основных целей и задач демографической политики, путей и методов их достижения.

Целесообразно сделать такой орган союзно-республиканским, способным обеспечить оптимальное для всего Союза ССР развитие населения с учетом региональной демографической ситуации и национальных традиций.

К его компетенции следует отнести и выработку основных принципов миграционной политики. Проводя массовое заселение центра России выходцами из республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья, неплохо было бы учитывать опыт миграции в Прибалтийских республиках, которая послужила поводом к межнациональным конфликтам.

Сегодня многие выходцы из России, проживающие в других республиках, вернулись бы в родные места, если бы там были созданы нормальные жизненные условия. Постройте в Новгородской, Псковской или Смоленской областях столь же благоустроенные сельские поселки с дорогами, школами, больницами, какие есть в соседней Прибалтике, гарантируйте хорошие заработки — и многие русские с удовольствием туда переедут.

В последнее время все чаще раздаются голоса о переводе столицы РСФСР в другой город и о придании Московской области статуса союзной территории (по примеру США, где столичный округ Колумбия нахо-

дится в федеральном подчинении и финансируется из общегосударственного бюджета).

Москва действительно не справляется с функцией двух столиц, и проигрывает от этого Россия. Однако при решении этого вопроса следует учитывать, что Россия, в отличие от СССР, существует не несколько десятилетий, а много веков. И Москва была ее столицей не один век.

СССР как молодое государство может построить себе новую столицу. Такие предложения высказывались в 30-е годы. Предлагалось сделать столицей СССР город, который территориально был бы ближе к центру государства: Свердловск или Куйбышев. Тогда эти предложения были отвергнуты, а их авторы репрессированы. Сегодня следует, думаю, вернуться к подобным предложениям. И в любом случае надо опросить россиян, согласны ли они исключить Москву из состава РСФСР. Судьба Москвы не может решаться волей одних москвичей.

Важной причиной нерешенности целого узла российских и русских проблем представляется сравнительно низкий уровень национального самосознания русских, которые смирились даже с утратой названия Центральной России, обозванной бюрократами Нечерноземной зоной.

В отличие от народов других союзных республик русские не осознали еще в полной мере остроту своих экономических, демографических и иных проблем. А если национальный вопрос четко не обозначен и не осознан народом, то надеяться на его успешное решение нет оснований.

Важную роль в формировании национального самосознания играют средства массовой информации, каковых в РСФСР почти нет. Загляните в каталог республиканских изданий, и вы увидите, что каждая республика имеет 14—15 своих газет. В РСФСР их всего три. При этом одна на финском языке («Советская Карелия»), одна — на еврейском («Звезда Биробиджана») и только одна, выходящая раз в неделю («Литературная Россия»), — на русском. Выходящие на русском языке центральные газеты не являются русскими. Они всего лишь русскоязычные.

Давно назрела необходимость иметь русские национальные средства массовой информации в объеме не меньшем, чем их имеют другие союзные республики, в том числе республиканское радио и телевидение. Обещанный телеканал «Говорит и показывает Россия» республику удовлетворить не может. Телеканалы на российском телевидении должны иметь другие народы многонациональной РСФСР.

Национальные проблемы не существуют в рафинированном виде, они тесно связаны с проблемами экономическими, социальными, демографическими. Положение России и русских тесно связано с положением промышленного рабочего класса, ибо русские и россияне составляют в нем подавляющее большинство не только в РСФСР, но и в СССР в целом (61% всех промышленных рабочих страны). Поэтому улучшение социального и экономического положения России и россиян — необходимое условие улучшения положения промышленного рабочего класса и упрочения Союза ССР.

Не предоставив РСФСР и ее народам **равных** с другими республиками и народами прав и возможностей, нельзя обеспечить не только процветания, но и стабильности Союза ССР. Союз равноправных республик не может считаться таковым, если крупнейшая из них — РСФСР — находится в дискриминированном положении.

6. -Родина

85

подавали блестящие русские учителя, часто бывшие профессора. Важную роль играла и играет цер-

— А вы к тому времени знали, что происходит с царской семьей?

...алось много безумных людей. Особенно больных детей, психически больных. И помню такую боль-

— А как же? Как все, как по-
жено. Это вначале мы жили

— Я ж малая была. Помню, когда
сударь у нас чай пил, помню, одна

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГАЙДАР

Это Гайдар, то мои сочинения которого регулярно выходило в свет, то в другом издательстве, навлекаясь.

— Да, тот самый — знаменитый детский писатель. Советского рода открывшим его стала книга «Лесные братья» (издательство «Правда», 1987 г.), куда вошли революционные приключенческие повести, большая часть которых не печаталась с двадцатых годов. И мне как составителю, автору вступительной статьи и комментария пришлось провести простую исследовательскую работу, а результаты так изложить неизвестные до тех пор факты творческой биографии писателя. Например, обнаружил более жесткую политическую позицию литератора — в сравнении с той, какой она стала в тридцатые годы. Однако, ведя для Гайдара жаргон так же, как и раньше с повестями был фальшив — жанр повести вообще, острый и даже, я бы сказал, рискованный. За фальшивой Гайдар вылезал в суд, но он на оспори не стал. И в 1929—1927 годах, когда Гайдар был корреспондентом уральских газет, им создано 108 фальшивых, десятка три очерков, рассказов, повестей.

Много, очень много написал Гайдар. И даже в наши дни нелегко было собрать ранние гайдаровские повести. По разным причинам. Например, первый номер собрания «На суше и на море» за 1927 год, где были напечатаны «Тайны горы» крепко осл в сплывшие библиотеки. И все из-за упоминания о Троцком в предисловии. А повесть о боях в армянской первой русской революции — «Лесные братья», давшая на-

звание всей книге, — вообще нигде, кроме газет «Уральский рабочий», не публиковалась.

Но и эти литературные наследия раннего Гайдара не исчерпано. Вот, например, рассказ из первой охотничьей (ныне областной) газеты «Звезда», не вошедший ни в четырехтомное собрание сочинений, ни в другие массовые издания его произведения.

Рассказ этот посвящен революционным событиям, переданным в довольно условной интерпретации, — тогда еще не было стилизованного «Краткого курса истории ВКП(б)» и революция не была так охвачена, как это случилось позднее. Из-за этого, наравно, рассказ не печатался более полугода, а переиздавать его в духе тридцатых годов писатель не хотел. Гайдар, в свое время исключенный из партии, оставался диссидент. Он замкнулся в детской теме, точнее — в теме «детской фальшивости» (типуризации), и, возможно, смирившись на этот несоблазнительный расказ как на фрагмент другого, будущего произведения.

Рассказ «Деник генерала Дирча-Огловорова» был опубликован 7 ноября 1928 года, то есть в очередную годовщину революции. Такова была атмосфера политической жизни двадцатых годов, когда в «красных» дни газет могли позволить себе печатать не только директивные сводовые партии и ее революционной борьбе, но и вполне рассказы, пародные гайдаровскому, — а ясно сатирическим взглядом на исторические события.

Александр НИКИТИН, кандидат философских наук

ДЕТИК ГЕНЕРАЛА
ДИРЧА-ОГЛОВОРОВА

— Да не забудь, сунул сын, сказать повзр, что ты геном были с хурустом и прованского мяса не жалел.

— Слущиваше, вась превосходительство.

— Как жеж ты, полдец, все в холодную вась принесеша, то я тебя этими самими судами опить по морде.

— Слущиваше, вась.

— Стой, стой, бошан, я еще не кончил. А сменю я тебе в одностороннее козы, как нальются истыканю, то знаешь, я что с тобой сделаю?

— Генерал вздохнул сконфушено и, как бы раздумывая, добавил: — Я и сам еще не знаю, что я с тобой тогда сделаю. Ступай. Да скажи тебе не будет через 20 минут, то.

— Генерал был холост. Деник Бабулин искал ему обед в одностороннее собрании. И так носил три дня, хотя для в день, и не было у деника Бабулина никаких достояний, что-то получал за всю жизнь. И разговор с генералом все один и тот же.

И однажды, где-то далеко, объявился вдруг революционер. Генич так пришла в Кошкинское по телеграфному проводу, и потому особенного внимания к ней не придали. В офицерском собрании было несколько командиров, после которого рече-

каруального батальона были выстроены и им объявили, что его император Николай Александрович, умилившийся от управления страной, переименовал в царя, а своему сыну императорскому высочеству Михаилу Александровичу... Вот и все революция.

Потом прочли «ура» и все было чисто чество. Но тут генерал шепнул что-то штабс-капитану Неманову, и штабс-капитан сказал в виде пояснения коротко:

— Если же найдутся солдаты, которые в свисте этим напутят сестру и заниматься политическими делами, то тогда взорвет по чем пошла, не говорю уж о том, что всякий раздумывая тут для рассуждения будет много собственноручно бит по морде без всякого сожаления.

Однако, вопреки намерениям штабс-капитана, последнее сообщение не только не внесло какую-либо ясности, а даже наоборот, пошлое недоумение в толще народа расколыхало колоны.

Какие такские политические дела и почему смуту? И по поводу чего могут быть рассуждения? Ну, переименование царя, вроде как бы замесили новое правление, но что же дальше? Оно. Насчет чего же тут может быть смута?

Солдаты начали перешептываться и делиться догадками.

А через несколько дней деник Бабулин, возвращаясь с судками, встретился со своим земляком полковником Дирча-Огловоровым. И сказал ему, что по всем России вроде как бы пожар начался в революционном, конечно, смысле и что всем концом солдаты во многих местах бьют офицеров, а не наоборот.

Однако, когда Бабулин вернулся домой с прельстившим обещанием, что был генералом, из чего заключили, что в Кошкинское до сих пор бьют его наоборот.

Но пошли вскоре страннее, быстрое тающие дни. Вместе со сменом такая дисциплина, такая карательная батальон.

А вскоре не стали говорить «ваше благородие», «ваше превосходительство», а просто господа капитан, господа поручик.

И на глазах у Бабулина началось что-то такое, чего он раньше и представить не мог. Например, собирались солдаты чужими, а офицеры мимо проходили, и солдаты могли бы что, но чтобы так по фронт. Но в таких случаях Бабулин, торжесно, бежал из лагеря, и тогда же, что-то такое и надо, ибо он думал, что как после пятого года, так и теперь за это самое

через месяц-два будут сыпать в Сибирь и прочие подобные места.

И каждый день по-прежнему он бежал за обещаниями и был бит генералом по-прежнему и неоднократно.

— Ты что, холост, презымаешься? — спросил его как-то Чекудашский, рыдой из второй роты. — Гей твой красный бунт и почему у тебя рожа и синяки, подлая твоя душа!

Но Бабулин испововал замечания уезжиком синяками, замахав головой и так же, как всегда, в страхе торжесно убежал прочь.

Но однажды, возвращаясь по обыкновению из школы, встретился он с оравой солдат, а солдат красивые флаги в руках, и песни солдаты распева-ли про свободу и про все такое прочее. Остановился Бабулин и подумал: «Господи, да что же это такое!»

Подоскочил к нему тогда Чекудашский-рыдой из второй роты и кричит:

— Брось, дурак, свои судки и беги и иди по своим делам, ты беда в президиум выбери.

И не успел Бабулин опомниться, как запелось ему на ящиках в президиум, а в ящиках стоял черный человек в штатском и говорил о том, что должно войну, что надо солдаты по помню, что долой пошол с офицерами и что скоро в России будет власть одного солдата, рабочих с крестьянами без всякого участия в них самих, без разговоров. И точно пелена начала падать с глаз Бабулина; забыл он и про обед, и про судки, кричать скажете в руке, и про генерала забыл.

— Вот ты мой! — подумал он, окаянная лад крылся занемину. — Да что же это такое, нуужел же канула?!

И когда кончился митинг, выбрался он и пошел вместе с Чекудашским на интервью к генеральскому дому.

— Подожди, — предложил ему тот, — давай сидим сюда, к моему столу, а потом по задамую случаю генеральской обеды.

И сел они на камень, — и сохранил по одному случаю генеральской обеды, а также расстели бутылку красного вина. И всемо им после этого стало.

А потом, когда надо было идти дальше, смутился немозг деник Бабулин и говорит:

— А что мне скажет теперь генерал?

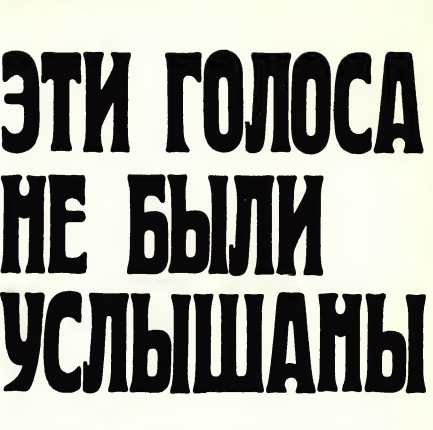
— Ничего не скажет. Мы вот что сделаем...

И, наклонившись, набрал рыдой Чекудашский полные пригоршни конского навоза, извлялись полные судки и закарлил кричал:

— На, неси теперь...

Замесили лхонкою уколзговали Бабулин, взял судки в ладони. И генерал, открывши крышку, с криком ярости и отчаяния броился с кулаками на деника, но не ударил ни разу, не дотронулся даже пальцем, а так и остался с поднятыми руками, потому что прямо на него съортели синяки, ушибленные, разбитые, и побоевое лицо, утолщи порошких рыжей щетиною губ. И смелыми хоронили авалием смелым, и тогда же, что-то такое, что его дроннул адрут и много оглушил руки генерал Дирча-Огловоров.

Владимир ВЕРНАДСКИЙ

Публикуемая нами статья Владимира Ивановича Вернадского «Украинский вопрос и русское общество» ранее еще нигде не печаталась. Рукопись-го ве оригинала, к сожалению, не сохранилась. Мешинопиный экземпляр статьи (3-й или 4-й) с небольшой авторской правкой хранится в личном архиве АН СССР, в д. 2205, л. 1-11. Статью автор не датирует. Однако, судя по тексту, время ее завершения относится к концу всего или второй половине — концу 1915 года.

Впервые опубликована только в книге «Вопросы украинского народа» и в журнале «Голос, сборник...» были посланы Вернадским первые экземпляры статьи (и были ли посланы вообще) и почему они в свое время не были опубликованы. Возмозно, что кто-нибудь удачи в своем намерении.

Совершенно очевидно, однако, что в богатейшем публицистическом наследии Вернадского — наследии, современному читателю,无疑, практически почти неизменно и неустойчиво, статья «Украинский вопрос и русское общество» занимает важное место.

Обращение ученого к заявленной в заголовке статье теме было обусловлено рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. Что касается объективных — они ясны из содержания статьи. Относительно же обстоятельств субъективных сам Владимир Иванович спустя около трех лет после окончания статьи, в 1918 году (находясь в Киев в период организации Украинской Академии наук, первым президентом которой он стал), сказал предельно лаконично и точно, характеризую себя как «русского по культуре и по всему укладу своей жизни — правды, русского, вся жизнь которого непрерывно была связана с Украиной, и с украинским особительным движением».

Чем можно объяснить столь неправомерное для нас приписывание сознательного в одном человеке двух несовместимых натуры? Стоит и прост, и одержимый очень сложное. В. И. Вернадский занимает свое, одному ему принадлежавшее место в ряду великих отечественных мыслителей конца XIX — первой половины XX века (такие, как А. А. Барышев, В. В. Розов, П. А. Флоренский), для которых в принципе не существовало проблемы так называемого приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. В то время как категория «государства», «класс», «партия» были влией и сферой практического выполнения административно-командной системы, эти люди жили и творили в атмосфере полной общечеловеческих ценностей. Иных они не знали и знать не могли. Личность, семья, нация — вот что было для них единственной, по преимуществу, реальностью.

Сегодня, в пору обострения в нашей стране мажоранских отношений, мы учимся у этих мыслителей терпимости, умению понять иную культуру, уважению ко всем народам и их неотъемлемым правам. Все это нашло отражение в предлагаемой читателю статье В. И. Вернадского.

1929 г.

¹ То есть режидна, действующая во всей территории Российской империи, Украины в том числе, до «Черного Манифеста» 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка».

Название «Холм» — это название одного из городов Холмля (ныне Хелми), которое основал ХХІ киевский князь Даниил Галицкий. Холмщина входила в состав Галицко-Волинского княжества, затем княжество перешло под власть Литвы, Венгрии, Польши, Австрии, Варшавского герцогства. В 1815–1914 годах — России, в 1914–1918 годах — австро-германских оккупантов, в 1919 году — в составе Польши. По соглашению между правительством УССР и Польским комитетом национального освобождения, подписанному 9 сентября 1944 года в Люблине, большинство украинцев, живших на Холмщине, переселились на территорию УССР.

Представители сочувственно отнеслись к украинскому движению крестов русского общества должны взять этот вопрос в свои руки. Необходимо

культуры в Галиции и Буковине, разрешение которого тогда, преждевременно, но просвещение желательно, практические шаги, как, реабилитация эвакуированных украинцев,— и безудержны.

убликация,
редисловие
примечания
рских наук
ИОЧА ПОВА

Ты, крестьянский сын,
жесть не любить кресты
ты. Смотри, перед нами
а дальше бор сосновый.
савец — бор, перед не
всём — наша жизнь
и суждено нам по при
крестьянский любить.
вай, с напряжённостью
сил хотя бы простую
работу, и ты — первый
тять надо красиво и пре
ник, ткачиха, любой раб
ботают красиво, — это
искусство!

100

Мы должны понимать друг друга. Если художник не интересуется людьми, он не настоящий художник. В душу человека не влезешь, за день, за час он меняется не раз. Каждый человек особен собой из-за своей, настроением, окраской лица. Но больше всего привлекают глаза. Смотри в них — и поймешь самое главное.

Часы тикают с незамысловатым порочеством. Секунды часов превращаются в величайшие века. Время катится! Солнце вертится! Не замечаю глаза и умы человечества, как время катится издано-лавно. Время не форма предмета и вещи, время не растекающееся в природе. Оно не мажешь вымощен-машет. Так от вращения солнца, от тельности его происходит изменение во всем живом, что видит человек в той природе, в которой мы живем. Так человек меняется ежедневно. Один человек меняет другого. Конечно, в большинстве случаев человек мало что замечает, но все же имеются изредка такие люди, которые за изменением природы и своего человека в общей сложности следят, те изучают все находящиеся в окружении себя и других ему подобных людей.

Жизнь плохая, когда люди не имеют достоинства и жизнь стоит на обломках. Без абсолютной правды никакое общество не прожить. Всякий человек говорит: моя дорога есть дорога правды. Только не во всех правды — история...

Настоящая правда есть в природе у всех тех, кто связан с общественно полезным трудом. У других — только правда, но не истина. А надо, чтобы правда была истинной.

Наши правды правду искали и правду они не нашли! Мы продолжали жить и так же не можем правды найти с глубокой душой-размышлением. Смотрю на мир — как развиваются людские поколения: как образуются народ! В секрете правды прическа, где тайник с правдой лежит...

Искали люди правду долгое время у царей и их приспешников. Те как категорически сказали: ищите правду в небесах и у своих богов. Богов много у народа, какому богу кланяться?

Любой, хотя какой ни есть человек, если оторвется от общества людей, обязательно пропадет. Потому что все в обществе взаимно работает друг для друга. Шахтер, металлург, врач, писатели приносят свою продукцию для других людей. Все мы, люди, работаем на каждого человека и каждый работает на всех людей.

Если человек живет для себя,

только для личной жизни, такого человека можно отнести к козням, независимо от образования его и должности.

При моем детстве лес истрепался без удержу. Лес — красивый, истрепанный людьми, как жаль мне тех прекрасных видов, что помогло его исчезнуть жить лет назад. Густую чувственную лесную в душе своей. Теперь и зверю там жить нудно. Подумаю — душа тоскует...

Что землю, природу родную не любить, что можно поставить в ряд с какими и межуемками. Такой человек подобен лживому зверю. Природа дарит нам настоящее ощущение красоты. Без этого немалого художника быть не может. Многие тысячи людей тянутся к этому для испытания своего таланта. И кому дается познание природы, тот открывает ее тем, кто не видит и не понимает.

Предлагали, предлагали мне, чтобы я в зарубежный музей работы продаю, когда выскочка за рубежом был. Только я не отдал работу, а по советам — так сперва колеблюсь. Потом долго думал: как это и лик свой изгнать — даже мысль такую в душу пустил? Это же как бы и мысленно Отечество хотел предать. Мои работы — для моей Родины.

Люди меня знают поверхностно, в узком смысле слова по литературе, газетам, журналам, но никто из читающих не знает мою автобиографию. И мою фигуру. Особенно в нашей области. Некоторые знают, но немногие. Мне кажется, достаточно и этого.

Не обманешь, не покажешь — плохую вещь не продашь за хорошую на базаре. Такая формула существует издавна в народе. Можно сказать, с развитием мозговой системы человека за истину-правду человек человека утешит и прищелкает веде и волеу. А если нужно, то расколует. Две силы, борющиеся на поле боя. Одна всегда побеждает, значит, силы равными быть не могут, ни физически, ни умственно-технически...

Ходил по воле в зимнее благоприятное время. Странное в голову влезло, стал на св свиту палочкой набрасывать образ Карла Маркса. Ко мне подошла какая-то девочка-подросток, оглядела меня с ног до головы: «У тебя хорошо валило. Жаль, что на снегу — это же замечательный твой труд да еще образ мирового старика Карла Маркса!»

Всю жизнь бродил и всю жизнь черчу и этой палочкой. Как попалю, где придется, все, что вижу, то черчу, по воле мысли неуклонно. Я часто на снегу черчу, как выходит некарскию, но благодаря труды руки моей

лучша моя порой смеется. Мгновению труд мой пропал. Над тобой, надо много покорить себя. Пустотой мейте бурян, но след труда руки мой не исчезнет без следа.

Нельзя познать ничего на свете, если не видел своими глазами снужок жизни людей. Не каждый одаренный человек может получить познания без учебного заведения — школы. Познания можно получить при упорном труде за многие года своей жизни, читая книги, которые адеют так же сильно, как завладевательная девочка тянет к себе парня. Без любви человека к природе никто не может овладеть никакими познаниями. Природа есть как прекрасная школа.

Нужно создать такие условия труда для народа, чтобы не было различия в жизни простых людей и «челюда». В этом и скрыт корень строительства дороги к лучшей жизни. Если соединить сознание простых людей и интеллигенции, можно создать все необходимое для жизни, сделать жизнь излучения и счастливыми. Но для этого нужны действительно образованные, преданные делу люди.

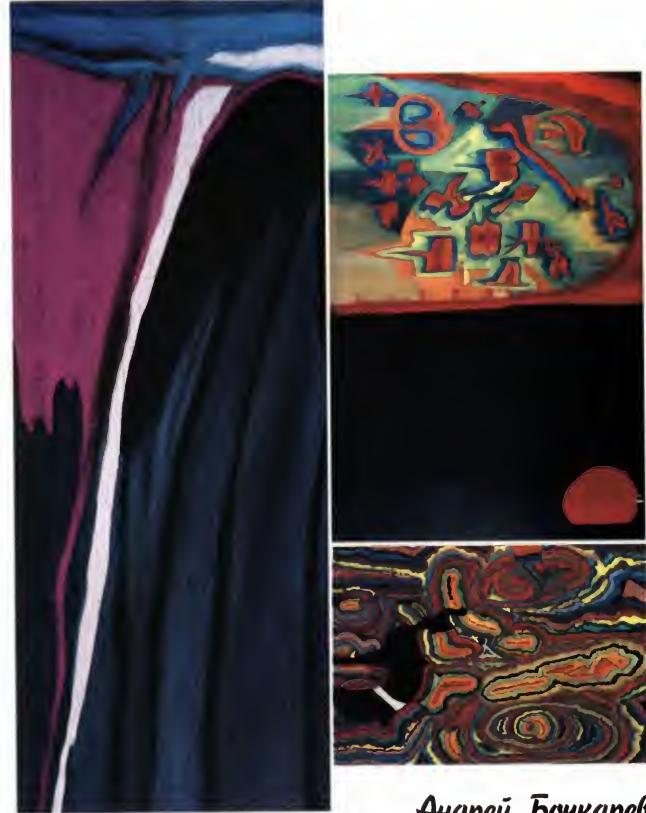
Честному и благородному рабочему человеку не пристало переносить всякие прискобры и обиды от начальников-карьеристов. Лучше умереть, чем быть в подчинении у начальников-сволочей.

Где бы мы с тобой ни жили, в большом городе или захолустье, на самой окраине земли, везде мы видим голубые небеса и просторы земли... Это сущно наше житейское, всех людей широкой земли. Все мы беремся за свободу слова, как за свободу труда своего. Все мы, люди, связаны знаменами, как грешники цепями железными.

Кто не испытал душевной тяжести в своей коности, тот не понимает, что такое Горькая и сама человеческая жизнь...

Что ты ходишь, что ты бродишь, что ты ищешь, мой друг? Мир велик, разнообразен, всяк по-своему живет: кто счастлив, кто грустен, а кто заунывно песенку поет. Кто плачет горькими слезами и им притока не найдет. Таких немало в мире нашем, как прибулудные жанры. Мир большой, разнообразный, всяк по-своему живет: кто торгует, кто смеется, буреда, кто карман кладет. По рою сердце у меня смиается. На мир я попытался посмотреть не могу. Искал я правду, но правду не найду, правды нигде найти не могу. Она где-то стоит под укрывшим, в расщелине, и смотрит на мир. Решает выжидать выжидает: хочет дивандировать всю ницуду.

Публикации Нины КАТЕВОН

Андрей Бочкарев

Самобытный художник из Челябинска — создает картины в стиле интерьерной живописи. Они несбытчны, колоритны, будут воображать. Творческая судьба художника во многом будет зависеть от того, найдет ли он хорошего спонсора, желательного из англоязычной страны.

Адрес Андрея Бочкарева: 454092, г. Челябинск, абонементный ящик № 17030. Тел. 34-14-15.

Сдано в набор 24.11.89. Подписано к печати 19.12.89. А 0430. Формат 84х60/4. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.16. Усл. арт.-тт. 31.62. Уч.-изд. л. 12.68. Тираж 450 000 экз. Заказ № 1587. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125665, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правда», 24. Тел. 267-37-46, 265-28-66.

Сданы Лавина и сданы Октябрьской Революции типографии им. Г. И. Лавина издательства ЦК КПСС «Правда», 125665, ГСП, Москва. А-137, ул. «Правда», 24.

© Издательство «Советская Россия», «Родина», 1990.